

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

БИБЛИОТЕКА

Сергѣя Сергѣевича

Башмакова.

Отдѣль _____

№ 32.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ММ

1847-1851

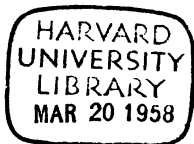
ПОЛНОЕ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

А. Марлинскаго.

ЧАСТЬ XI.

✓ Slaw 4336.55.5₂(11)₁

.....

СТИХОТВОРЕНІЯ

И

ПОЛЕМЕЧІСКІЯ СТАТЬИ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ Ш. ОТДѢЛЕНІЯ СОБСТВЕННОЙ Е. И. В. КАНИЦЛЯРИИ.

1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 28 Ноября 1838 года.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

АНДРЕЙ,
КНЯЗЬ ПЕРЯСЛАВСКИЙ.
ПОВѢСТЬ.

**НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОТЪ СОЧИНТЕЛЯ
ПОВѢСТИ.**

**«Нашего волку прибыло, прибыло,
ой Дядь ладо прибыло!»**

Старинная присл.

**Въ лѣто, отъ сотворенія міра, по Гре-
ческимъ хронограммъ 7335°, я ниже-
подписавшійся лежалъ на кровати своей,
перелистывая черепословную систему
доктора Галля, развитую Спурцгеймомъ,
и очень досадуя на природу, что она не
выставила нумеровъ на мозговыхъ мо-
нхъ органахъ, для легчайшаго принска.
Щупая и перещупывая однакожь все
вынуклости на кивотъ моего генія, весь-
ма былъ я изумленъ, когда указатель-**

ный мой персть встрѣтилъ на немъ
 шишку воображенія и потомъ пирами-
 ду сравненія, двухъ песомнѣнныхъ спут-
 никовъ поэзіи. Чортъ меня возьми!
 вскричалъ я тогда (грѣшный человѣкъ,
 это мое любимое восклицаніе); мудре-
 но-ль, что у меня издавна чесались ру-
 ки на стихотворство, когда сама приро-
 да предназначила меня быть поэтомъ!
 И какъ до сихъ поръ не, последовалъ я
 своему призванію? Не говорилъ ли
 мнѣ Шѣмецъ, сапожникъ и эстетикъ вмѣ-
 стѣ, что въ ногахъ моихъ есть что-то
 поэтическое! Не пожадовала-ли меня
 въ Русскаго Парни полдюжина пріате-
 лей, съ которыми осушилъ я двѣ дюжи-
 ны шампанскаго! Не назвали-ли меня
 двѣ премилыя дамы поэтомъ за то, что
 въ альбомахъ я поставилъ ихъ, кажется,
 двумя градусами выше всѣхъ языче-
 скихъ богинь! А собственное! сознаніе
 ми. гг., развѣ пофѣйка? Я съ младен-
 чества чувствовалъ, что во мнѣ шевелит-
 ся эксцентрическое сердце, и если подъ
 рѣзгами не плакалъ гексаметрами, по-
 добно славному Латинскому поэту, за
 то ранѣе могъ отливать ямбъ отъ перся,

чѣмъ внимательный надежь отъ предлежнаго. Притомъ же два доктора, съѣвшіе на черепахъ зубы, должны знать свое дѣло, и мадамъ-природа вѣрно не такъ неучтивва, чтобы избрать мою голову для забавнаго исключенія. Рѣшено и подписано: я поэтъ; поэтъ на зло судьбѣ!

Нечего и сомнѣваться, что по духу времени и вкусу я былъ романтикъ до конца ногтей. Нечего и сказать, что я хотѣлъ первую попытку свою вылить въ историческую форму. Не доставало мнѣ только героя, а герои, въ нашъ германскій вѣкъ, отъ стеченія ихъ на базаръ славы, стали такъ рѣдки, что самъ Байронъ перечелъ сотни дѣвъ именъ не записавъ ни на одно. Надобно было просидѣть непадъ Русской старины, а на бѣду я жилъ тогда въ чужой землѣ, безъ Русскихъ книгъ, даже безъ Русскихъ знакомцевъ. Перерывая въ сумкѣ памяти (которой крѣпостію не могу похвалиться), помялъ я на Андрея князя Царяславскаго, проименованнаго добрыня: сто-то избралъ я своимъ героемъ; сто-то долженъ былъ взять на себя,

всѣ ошибки воспоминанія. Рузь, два — и повѣсть, носящая на себѣ это имя, вылезла изъ головы моей до половины, какъ Минерва изъ головы Юпитера, въ заржавой, старинной кольчугѣ, только въ недошитомъ кафтанѣ и съ носомъ недорослемъ, который злая судьба грозила уже ему приставить безъ моего содѣйствія. Господа стихотворцы знаютъ, какъ пишутся нынѣшнія цѣлмы, и потому не для чего мнѣ распространяться, какъ я бросала мысли за недочетомъ рифмъ, или рифмы за неясною мыслью: изъ десяти начатыхъ картинъ, едва ли двѣ доходили до половины, и я было хотѣла, по вольности словеснаго цѣлмъ, снѣживать окончанія бѣлыми стихами, какъ бѣлыми вытками. Одночество удивительно какъ надушаетъ самолюбіе: самъ пишешь, самъ себѣ похваляешь. Сперва смиренно говоришь: «Кажется, это не дурно!» Потомъ, кажется превращается въ *точно*, и точно въ *несомненно*. Нѣкому оспорить, по критиковать, исправитъ. «Скоро однокѣ же простыль творческій жаръ: мойт я усталъ прыгать по стрекозиному отъ

предмета къ предмету, не имѣя терпѣнія сдѣлать ихъ гладко. Два мѣсяца потомъ мое разбросанное сочиненіе казалось мнѣ прекраснымъ; еще черезъ два хорошимъ, тамъ изряднымъ, и черезъ полгода я нашелъ его только, только что сноснымъ. Лица въ немъ были замысловаты не по своему вѣку, рѣчи пышны не по людямъ; однимъ словомъ: я обулъ въ Русскіе лапти Нѣмецкую философію. Это сознаніе, соединенное съ божественною дѣлью, по которой я самъ могу мѣтять въ полубоги, было виной, что князь мой остался о двухъ головахъ, хотя я предвѣдѣлъ его сдѣлать, какъ змѣя Горыныча, шестиглавымъ. Не то, чтобъ я отрицалъ въ этой повѣсти всѣ достоинства: въ ней есть свѣжія картины, удачныя сравненія, звонкіе стихи, нигдѣ не заимствованныя мысли; смѣю сказать, что если-бъ я продолжалъ ее, остальные главы, возвышаясь занимательностію, могли-бы искупить недостатки предъидущихъ; но все таки я убѣдился, что въ ней не было-бы этой кунности, этого цѣлаго, знаменующаго энзіогномію геніальныхъ произведеній,

и бросилъ поприще, на которомъ не
льстился опередить многихъ. Для себя
собственно, я не на всегда отказался
отъ прелестной болтуни поэзии, кото-
рая дарила меня столь сладостными ча-
сами забвенья страданій; но теперь я
удовольствуюсь однѣми прогулками, а
не дальними путешествіями съ нею. И
такъ мм. гг., несмотря на свою поэти-
ческую звѣзду, на свои призывательныя
шишки на черепъ, подъ № 16 и 30-мъ
(зри френологію), даже не смотря на у-
вѣренность, что я съ большою легко-
стію могу писать такъ же вздорно какъ
другіе, я отказался отъ бумажнаго вѣн-
ка поэта. Очень-бы радъ былъ, если бы
моя исповѣдь послужила урокомъ для
многихъ молодыхъ стихотворцевъ.

Впослѣдствіи, пересѣкая Россію, что
бы отправиться въ одну изъ дальнихъ,
ея провинцій, я отдалъ одной, душевно
уважаемой мною особѣ, единственную
черновую тетрадь, въ которой заключа-
лись двѣ главы Андрея Переславскаго,
и нѣкоторые отрывки слѣдующихъ, от-
далъ, какъ обломокъ Вавилонскаго стол-

на, на которомъ хотѣлъ я спастись отъ негопа забвешя, какъ летучій слѣдъ моея пролетной метроманин.

Вотъ, въ одно прекрасное утро, въ 1828 году, привнесъ ко мнѣ Московскія Вѣдомости; и что-же? Между продажными пустошорезными мѣстами, потажеными дормезами, и врачками, которыя умѣютъ шить и гладить и проч. и проч., отпускаемыми въ услуженіе, начитываю, что мой безаворытный Андрей Перяславскій напечатанъ и поступилъ въ продажу! Если справедливо выраженіе, что люди надеются съ облаковъ отъ изумленья, такъ это былъ я! Вообразите себѣ лунатика, пробудившагося посреди полнога шартера въ халатѣ и колпакѣ, и вы еще будете имѣть несовершенную идею объ авторѣ, котораго въ такомъ неприборномъ видѣ вывели въ публичку! Никогда не приходила мнѣ мысли, даже въ самомъ пылу стихотворной горячки, печатать неконченную нѣсусу, не только едва набросанную главу ея. Донъ Жуанъ не указъ для тѣхъ, кто не рожденъ съ гениемъ Байрона, и до послѣднихъ: первый кусъ раз-

бейникъ», я зналъ, что завтракъ пор-
титъ вкусныя обѣды. Какова же была
моя досада, увидѣвъ себя такъ напеча-
таннымъ! Я хотѣлъ писать отрицаніе,
спориться съ издателемъ, бѣривался
какъ шаманъ, но до почтоваго дня ухе-
дился, притихъ и размыслилъ, что пу-
блика навѣрно пронуетитъ безъ внима-
нія нѣсу, написанную безъ связи, слѣд-
ственно забвеніе постигнетъ ее такъ же
хорошо въ книжномъ выборѣ, какъ и въ
чемоданѣ моемъ. Дѣло вышло однакожь
не совѣтъ по моему. Г—да журналь-
сты вытянули ее на мигъ изъ Леты сво-
ими вопрошательными удочками: одинъ
сказалъ, что повѣсть эта грѣшитъ надѣ-
мѣрною отдѣлкою стиховъ, другой, что о-
ни слишкомъ небрежны, но никто не замѣ-
тилъ важнаго промаха моей навяти, что я;
Богъ вѣсть за какую вину, сослалъ Ан-
дрея, князя Надѣштровскаго Черяслав-
ли, подъ Карпатскія горы, на Дунай. Не
желая накликать на себя большей грозы,
я притаялся, и благодаря все умирно-
ющему совѣстному суду, времени, по-
вѣсть моя, критика на нее, и рецензія
на критику — все камушекъ въ воду.

Вдругъ, ровно черезъ три года, явилась 2ая глава моего Андрея, въ 41^{мъ} № Журнала *Галакси*, явилась, и, признаться, съ сказать, еще неумыгше старшей сестрицы своей. Вельми украшена была: первая пропусками, ошибками, недонесками, ошибками самоподанными и принятыми корректоромъ; но вторая далеко оставила се за собой: она, по словамъ Вадтеръ Скотта, представилась «въ самомъ удивительномъ безпорядкѣ.» Я думаю, крѣпко ахали разногласные отрывки и параграфы, когда мощная рука перешлетчика свела ихъ на очную ставку! Во многихъ мѣстахъ не доставало цѣлыхъ страницъ, въ другихъ не вписано поправленныхъ или вычеркнутыхъ стиховъ, полустышій, тирада; да кромѣ того, рука моя такъ походить на гусарскую цифровку, что не мудрено было переиначить смыслъ ошибками, и надо признаться, что ихъ куча, и презабавныхъ для всѣхъ, кромѣ автора.

Публика, не вѣдающая ни отношеній, ни намѣреній сочинителя, была въ полномъ правѣ ожидать, что онъ, послѣ трѣхъ-лѣтняго молчанія; вѣроятно пос-

ващеннаго отдѣлкѣ, неподлугаетъ ее чѣмъ
нибудь совершеннѣйшимъ перваго об-
разчика; что разсказъ его будетъ плав-
нѣе, дѣйствиѣ живнѣе, поэзіа блистатель-
нѣе — и увидѣла вмѣсто того какой-
то сонъ Жанъ-Пола, съ намеками, свя-
занными бусами точекъ, многозначныхъ
и ничего не стоящихъ!.. * Она не мо-
жетъ не осуждать автора за такую не-
брежность; но, съ своей стороны не-
винный въ этомъ авторъ, т. е. я, не дѣ-
лавшій никого своимъ душеприкащикомъ,
объяснивъ происхожденіе Андрея Псре-
славскаго, считаю долгомъ *объяснить*
почтеннымъ читателямъ, которые были
завлечены на чтеніе онаго любопыт-
ствомъ, и покинули его отъ нетерпѣнія,
что повѣсть сіа напечатана *безъ моего*
свѣдѣнія.

Давгстанъ 1831 года.

* Авторъ къ сожалѣнію, не оставилъ по-
себѣ никакихъ отиѣтокъ, по которымъ бы
можно было исправить ошибки, вкравшіяся
при первою изданіи этой повѣсти.

Прим. изд.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

**Дѣйствіе происходитъ вблизи Надунайскаго Переясла-
вля, или въ самомъ городѣ и занимаетъ пять
дней времени. Происшествія каждого дня со-
ставляютъ главу.**

Какъ взоръ любви, или обѣты славы,
Плѣнительна святая старина,
Прапрадѣдовъ дѣянья величавы
И тихій бытъ и грозная война!
Призывъ ея чарующій внимаю,
Душа гулитъ, какъ арфа золотая!
Минувшее встекаетъ предо мной,
Объятыхъ павлу мечтой дремотной:
Богатыри медлительной стогой
Мимо идутъ въ осанкѣ беззаботной.
Я знаю васъ, питомцы древнихъ лѣтъ!
На васъ горитъ бытописаній слѣдъ.

Не разъ меня мечта моя носила
Въ край Галича, на роскошный Дунай . . .
Святслага честь и царство Данила —
О, сѣвернымъ мечемъ добытый край! —
Въ поляхъ твоихъ мнѣ чудилися дѣды,
Ихъ бранный гулъ и шумныя побѣды.
Но впили кровь и славу ихъ — поля,
Ихъ доблести развѣяла чужбина;
И Русскаго хвалой не веселя,
Родныхъ пѣвцовъ безмолвствуетъ дружина!
Но лучъ упалъ, раздался рокоть струнъ, —
Какъ по небу далекому перунъ! . . .

П у т ь .

Пылая знось, поддежь сонной
Лежалъ надъ Русю червоной.
Прильнула твн къ подножью скалъ
Уединеннаго Карпата;
На рѣчкѣ лебедь задремалъ,
Несомъ волной живаго злата,
И подъ огнемъ полдневныхъ стрѣлъ
Путь Византійскій опустѣлъ.
Склоняясь влѣво надъ нетономъ
Съ нагорія, къ Дунаю; оги
Идетъ въ величьи одинокомъ
Отъ дальнихъ Кіева сторонъ.
Но что за путникъ надъ курганомъ,
Склонясь на боевой топоръ,

Плечо подъ буркою съ колчаномъ,
На тихій путь наводитъ взоръ ?
Кто сей другой . . .
Къ землѣ прикинувъ головою ?
Быть можетъ обонхъ ловцовъ
Поутру выманяла трава
Изъ ближнихъ стѣнъ Переяслава.
Но съ ними нѣтъ ни соколовъ,
Ни ловчихъ мсговъ : ихъ дни взгляды,
На нихъ не Русскіе парады,
Въ полукастаньяхъ до колѣнъ,
Въ зеленыхъ туфляхъ, въ шапкахъ черныхъ,
И сабли кочевыхъ племенъ,
Ножи на поясахъ наборныхъ . . .
То цвѣтъ разбоя и войны,
То грозныхъ Половцевъ сыны.

II.

Первой Половецъ.

Что видно ль ?

Второй Половецъ.

Никого не видно :

Спокойна по дорогѣ земля

И не шелохнется помыль,

Все спать.

Первой.

Досадно и обидно ;

Мы даромъ болѣе трехъ дней.

Отлучены своихъ стѣней
И милыхъ таборовъ. Не я ли
Тебѣ предсказывалъ, Тоназь,
Что въ этой незнаконой дали
Добыча трудная для насъ;
Въ охрану путниковъ чужбымъ,
Славянъ и Греціи гостей,
Даетъ вонтелей дружини
Князь Переславскій Андрей.
Не лучше ль знамена любя
Избравъ, съ толпою красныхъ женъ
Катить палатки боевыя
За Днѣпръ или за тихій Донъ?

Второй.

Гдѣ жъ видѣлъ ты орловъ дубравы
Бъ добычѣ сталии полетъ?
Да и на Русь открытъ намъ слѣдъ
Не для добычи, а для славы:
За тѣмъ, что къ золоту ключи
У ней — двуострые мечи.
Намъ дорога стала въ глуши безлюдной
Съ дѣтьми Олега бой побѣдной!
Изъ нихъ отважнѣшій Всеволодъ,
Засѣвъ на Кіевскомъ престолѣ,
Съ князьями, съ нами драться радъ
И въ городахъ, и въ чистомъ полѣ.
А Поволожья стороны,
Въ обиду Половцамъ, едва ли

Князь Володимира сыны :
Дадуть? Мы это монятали
Въ несчастьи Глыбовеной воини.
Здѣсь то ли дѣло! Край обильной,
Народъ лѣнивъ, народъ богатъ,
И по дорогѣ вѣчно пыльной
Гостей и денегъ перемать.
Повѣрь, Кончакъ, пора наступить:
Мы отобьемъ, что слабѣй князь.

III.

К о н ч а к ъ .

Надежды — въ небѣ журавли,
Я ихъ смѣняю на синицу;
Мнѣ горь жемчужныхъ не сули,
А только въ руки дай златницу.

Т о л ь д ы .

Терпѣнье въ вѣрабѣ, въ бѣю,
Нужный отваги молодецкой:
Я первый разъ не узнаю
Въ тебѣ привѣтны Пылованкой!
Уже ли, въ градѣцѣ князей,
Полгода выслужа въ рѣгъ,
Ты скучилъ долей мочевой,
Ты разлюбилъ свои набѣги?
И степь раздольную смѣнилъ
На душность города могилъ?

К о н ч а к ъ .

Топазъ! сомнѣніе напрасно:
На древней Русской сторонѣ
Всегда довольно, все прекрасно,
Да не по сердцу что-то мнѣ.
На ихъ пиры, на ихъ моленья
Дивясь причудамъ я глядѣлъ,
И разгадать я не умѣлъ
У нихъ къ разбойникамъ презрѣнья?

Т о п а з ъ .

Позора этаго вина, —
Лѣнивыхъ душъ пустые толки.
За чѣмъ же коней рѣжутъ волки?
За чѣмъ же беркутъ бьетъ овца?
За чѣмъ всему владыко сила,
И только воля ей законъ?
Пускай намъ платить Днѣпръ и Донъ,
Когда насъ брань усминовила!

К о н ч а к ъ .

У нихъ одинъ грабежъ — война.

Т о п а з ъ .

Глупцы! какъ будто знамена
Ихъ совѣсть съ правдой освѣжаютъ!
Не тѣль опасности и кровь,
Не та ли жь къ выгодѣ любовь,
Разбой и битвы украшаютъ?
Когда же выпадетъ и намъ
Вернуться къ родовымъ щатрамъ,

Съ добычей золота богатой,
Сберется любопытный стапъ
Вкругъ нашей кровли полосатой,
Самъ на поклонъ привѣдетъ ханъ . . .
И загремать веселья чаши
Хвалу счастливымъ удалцамъ,
И гордо стануть дѣвы наши
Добро показывать гостяль:
Ковры, блестящія монисты,
Насѣчку дивную броней,
Сафьянъ и черныхъ соболей,
И узорочья серебряны! . . .
Кто спросить, гдѣ они взяты?
Орканами, иль на щиты? . . .

IV.

Воображеніемъ носимой
Предвидитъ Половецъ возвратъ,
Привѣтливость семьи родимой
И лепетанье Половчатъ.
Жены любезной кликъ онъ внемлетъ,
Ее дарить, ее объезлетъ;
Малютка, сынъ его, кругомъ
На саблѣ прядаетъ верхомъ,
Въ немъ таетъ сердце ретивое,
Течетъ потокъ неслышныхъ слезъ . . .
Очнулся онъ . . . Дрежалъ утесъ
И все окрестное въ покоѣ.

Т о п а з ь.

Чу! звонъ копытъ! вставай, Кончакъ!
Накъ будетъ выгодное дѣло,
Готовъ разрывчатой сайдакъ.
Ты видишь: Руской ѣдетъ сѣмло!

К о н ч а к ь.

Какъ жаръ подъ золотомъ бронею,
Какъ макъ расцвѣлъ шеломи хвостатой;
Одинъ уборъ его коня
Накъ будетъ славною заплатой.

Т о п а з ь.

Не позабудь и крѣпость плечъ,
Не позабудь булатный мечъ!

К о н ч а к ь.

Клянусь мечемъ, домой поскачетъ
Не празденъ удамой бѣгунъ!
Или жена мена оплачетъ,
И волкъ разгонитъ мой табуи!

Т о п а з ь.

Метнемъ-ка жеребій: не мнѣ ли
И первой бой, и главной пай?
Смотри: златницы полетѣли,
Падуть — упали — выбирай:
Лицемъ конье или рѣшотка?

К о н ч а к ь.

Постой — рѣшотка.

Т о п л а з ъ .

Угадалъ ,

Передъ тобой твоя находка !

К о н ч а к ъ .

Дождался я , чего желалъ .

Т о п л а з ъ .

**Знай , если путникъ на долинь
Не отдохнетъ въ полдневной жарь ,
Мы , изъ-за камня , въ той стремнинѣ
Внезапный совершимъ ударъ .
Пора !**

**Исчезли . Высь кургана
Пустая днемъ озарена ,
Незыблемы верхи бурьяна ,
По холмамъ сонъ и тишина ,
И миновало , древняя могила
Сыновъ разбоя поглотила .**

V .

**И вотъ , гдѣ Лебедемъ рѣкой
Охваченъ круто лѣсъ дубовый ,
Съѣзжаетъ Витязь молодой
И бросялъ повода шелковы
Плѣненъ пустынною красой .
Хребта Карпатскаго вершины
Пронзали синею небесь ,
И оперялъ дремучій лѣсъ ,
Его зубчатая стремнины .**

Обложенъ степенями горъ,
Расцвѣлъ узорчатый коверъ
Развитой по низу долины ;
И вдалѣ — прелестенъ, одинокъ
Змѣился Лебеда потокъ ;
Въ него плакучія березы
Роняли утреннія слезы,
И подъ наклонъ молодыхъ ракитъ,
Подъ сънолиственныя ивы,
Потокъ задумчивый катитъ
Невидимо струи лѣнивы ;
То померкая, то порой
Лучемъ измѣчивымъ сверкая,
Онъ точно лента голубая
Подернуть битью золотой,
И яръ песокъ, по оба края,
Лежить перловой бахромой.

VI.

И грустно видитъ сей воевода:
Съ холма отшельниковъ обитель
Въ струяхъ глядится ; но она
Разрушена, попалена,
И опустѣла отъ набѣговъ
Неукротимыхъ Печенѣговъ.
Вотъ съ утомленнаго коня
Спрянулъ, кольчугою звѣня ;
Копье и мечъ и щитъ тяжелой
Слагаетъ на луку сѣдла,

Кругомъ, бредучею стодою,
Развалины обходить онъ :
Ихъ дикій плющъ со всѣхъ сторонъ
Облекъ узорной пеленою,
И сводовъ гордое чело
Травой и мохомъ поросло.
Вездѣ видна печать пожара,
Вездѣ рѣка его текла,
Здѣсь токи мѣди и стекла,
Тамъ своды треснули отъ жара,
Главъ нѣтъ ; къ отверстымъ небесамъ
Какъ благовонное кадило
Шиповникъ льетъ свой омнѣамъ,
И вѣетъ вѣтеръ легкокрылой
По омнѣвшимъ алтарямъ,
И тамъ, гдѣ благовѣсть моленья
Будилъ далекія селенья,
Все тихо, благодатный гулъ
Павѣкъ въ развалинахъ уснулъ.

VII.

Вступаетъ витязь на кладбище,
Усопшихъ братій пенелнице ;
Объятъ невѣдомой тоской,
Онъ сѣлъ на камень гробовой,
Повелъ задумчивые взгляды
Вдоль полурухнувшей ограды,
И такъ, опершися на мечъ,

Съ самимъ собой заводитъ рѣчь :

«О время, ангелъ истребленья,
Дѣяній, зданій старины!

Хоронишь ты въ стени забвенья

Великихъ мира и войны;

И лишь случайно, лишь украдкой

Одно изъ тысячи именъ,

Обломокъ на пути временъ,

Покрытый басенной догадкой,

Въкусть мѣтою племенъ.

Какъ звонъ трубы стихаетъ слава,

Какъ башня падаетъ держава.

И я. » Домолвить онъ не могъ,

Волнуетъ грудь зловѣщій вздохъ,

Упали долу взоры ясны;

И видитъ онъ, въ травѣ, въ пыли

Забитый черепъ на земли;

И обновленья сыпъ прекрасный,

Небесъ летающій цвѣтокъ,

Надъ нимъ порхаетъ мотылекъ! . . .

VIII.

Какъ путнику, по ночи хладной,

Сивозъ пологъ дожденосныхъ тучъ

Блнстаетъ первый солнца лучъ,

Даря надеждою отрадой :

Такъ, убѣжденьемъ озаренъ,

Въ душѣ своей мачтаетъ онъ :

«На свѣтъ нѣтъ уничтоженья ;
Вездѣ истлѣнія зѣвно
Рукой святаго Провидѣнья
Съ перерожденъеяъ сщвлено.
Въ цвѣту конечно тлѣнь таетя,
Но въ тлѣнныхъ зернахъ сплѣтъ плодъ,
И небо росу имъ лѣтъ ;
И жизнь и смерть потокомъ водъ
На лоно вѣчности катится.
Упали стѣны — грозный елвдъ
Людей и времени побѣдъ ;
Промчалось гибельное пламя
По сводамъ тихаго жилья. . .
Но вѣтъ обновленъя знамя
Надъ ними вѣткой былія ;
И корнемъ плиту разрывая
Взбѣгаетъ ясень молодая. . .

IX.

Такъ рано ль, пѣвдо ли, съ коня
Сорветъ кончина и меня ;
Въ сосновыя одѣнетъ латы,
Въ могильный уберетъ шоломъ,
И подземельныя палаты
Задвинетъ каменнымъ щитомъ,
И слава имени Романа,
Какъ съ дальнихъ горъ вѣнецъ тумана,
Растаетъ, высохнетъ росой! . . .

Но какъ на башнѣ дубъ зеленой,
Какъ цвѣтъ надъ мертвой головой
Я расцвѣту, и славы брэнной
Покинуть прахъ не захочу ;
Подобно чистому лучу,
Бунаась въ наслажденьяхъ новыхъ,
На ясныхъ крыльяхъ мотыльковыхъ
Прочь улетитъ душа моя
Въ семи небесные края !»
Всталъ витязь, хладною струею
Лице горящее омылъ ;
Потомъ заботливой рукою
Коня изъ шлема наполнилъ,
Уздечку снялъ, и конь на волю
Муравку щиплетъ въ чистомъ полѣ.
И вотъ, еклонясь передъ мечемъ,
Творить обычныя молитвы ;
И сладостно вкусилъ потомъ
Добычу утренней ловитвы ;
И на роскошную траву,
Въ тѣни черемхи благовонной,
Отягощенную главу
Склонилъ вонтель утомленной,
И на нее слетаютъ сны
Подъ шумъ ключей, подъ стукъ желны.

Х.

Проснись! убійца надъ тобой,

Неслышной мѣдницей вьется,
Сверкаетъ сталью роковой! ..

К о н ч а к ъ.

Онъ крѣпко спить!

Т о п л а з ъ

И не проспелет!

Однако ты, храня доспѣхъ,
Руби по шеѣ обнаженной:
Цѣнный и соболиный мѣхъ
Нигдѣ стрѣлами не пронзенной.
Не промахнись, товарищъ мой,
На похвальбу родному краю;
А я поспѣшною рукой
Коня Боярскаго поймаю!»
Вскипѣло сердце Кончака:
Онъ, блескомъ золота плѣненной,
Подобно волку въ два прыжка
Достигнулъ жертвы усыпленной.

XI.

И между тѣмъ въ зловѣщемъ снѣ
Романъ несется на конѣ,
Въ одеждѣ легкой звѣролова:
Одинъ въ заповѣдныхъ лугахъ
Онъ травитъ буйвола княжова;
Уходитъ звѣрь въ его глазахъ,
И, по слѣдамъ напрасно лая,
Отстала выжлица лихая;

Но все быстрѣй, впередъ, впередъ,
Охотникъ смѣлый наддастъ,
И въ лѣсъ подъ Кіевомъ дремучій
Усталый волю его ведетъ
Сквозь иракъ елей, сквозь тернъ колючій,
И мыслить онъ: «Ты мой теперь!»
Ужь поразить буйтура хочетъ...
Вдругъ сталъ освирѣпѣлый звѣрь,
Реветь, о камень роги точить,
Съ поздрей огнистый наръ летить,
И пыль столбомъ изъ-подъ коня,
И эхо по лѣсу грохочеть;
Сразились, — смерть невдалекъ;
Споткнулся конь — булатъ въ рукъ,
Въ груди стenanье замираетъ
И злобно падшаго врага
Подъемлетъ буйволъ на рога,
И къ небу яростно кидаетъ!...
Летить, летить...

XII.

И. новый сонъ

Его на крылья принимаетъ:
Свои дружины видитъ онъ.
Подъ занавѣсой ночи темной
Какихъ-то горъ сплѣтеть высь;
О стягъ отечества огромной
Стоитъ онъ, грустно опершись;

И, съ тихой пѣснiю прощальной,
Копьемъ добытое добро
Младые воины печально
Колчаномъ дѣлятъ серебро.
И близъ него, передъ шатрами,
Любитель браней и забавъ
Ликуетъ съ смѣлыми вождями
Князь Новагорода Мстиславъ:
Друзья Романа, какъ чужіе,
Сидятъ, не намѣнивъ лица,
И меду чаши круговыя
Обносятъ мимо пришлеца.
Но вотъ, съ насмѣшливой улыбкой,
Мстиславъ блѣднѣя возстаетъ,
И витязю рукою зыбкой
Заздравный кубокъ подаетъ.
«Пей! молвить онъ, за дружбу нашу,
За неизмѣнную любовь!
За брата Всеволода вновь!»
Романъ взглянулъ въ златую чашу,
Въ ней кровь кишить, а не вино.
Вдругъ громъ ударилъ сквозь тумана
Въ чернозолотое знамено,
И съ трескомъ рухнуло оно
На изумленного Романа!
По холмамъ грянулъ грозный кликъ,
Какъ воетъ боръ, какъ плещетъ море.
Дружины вопятъ: «Горе! горе!»

ХІІІ.

Романъ испуганный возникъ,
Опасность видить и съ размаха
На встрѣчу кинулся безъ страха.
Схватились — прочь летить топоръ;
Плечо въ плечо, нога съ ногою,
Какъ два потока вешнихъ горъ,
Они сливаются борьбою.

Межъ тѣмъ, покинувъ бѣгуна,
Спѣшить Топазъ на бой неравной;
Уже стрѣла наведена,
Гроза погибелью безславной . . .
Прочь, витязь! иль тройную сталь
Она сломаешь какъ хрусталь!
Внимай! рога у лука взвыли,
Ударомъ тетива звучить,
Стрѣла пернатая свистить . . .
Кому-то пасть судьбы судили? . . .
Падеть, падуть, какъ градъ въ грозу:
Вверху Романъ, Кончакъ внизу.
Стрѣла на встрѣчъ пайвнила
Неотразимой своей полеть,
И въ грудь собрату угодила;
Топазъ пустился на уходъ.
Межъ тѣмъ, избавленный ошибкой,
Надъ умирающимъ склонень,
Внимаетъ съ мрачною улыбкой

Разбойника тяжелый стонъ,
И въ сердце жалость проникаетъ.
Онъ хочетъ павшему помочь
Напрасно! взоръ его смыкаетъ
Неразсвѣтающая ночь!
Долину витязь покидаетъ.

XIV.

XV.

Всходила туча роковая
Надъ тихой Галича страной,
И закипѣлъ потокъ Дуная
Подъ Переяславской стѣной.
Какъ бранный щитъ, въ крови омытый,
Запало въ тѣнь свѣтло дня,
И одичалые граниты
Вдали сверкаютъ безъ огня.
Олень, испуганъ крыльевъ шумомъ,
Прянулъ съ Пѣруновой скалы,

И на челъ ея угрюмомъ
Слетѣлись горные орлы;
Бушуетъ боръ, ущелье воетъ
И вихоръ цѣпь Карпата роетъ,
И громъ катится вдалекъ.
Но вотъ ярящимся Дунаемъ,
То видимъ, то опять скрываемъ,
Ловець плыветъ на челнокъ.
Бѣлѣтъ парусъ одинокой,
Какъ лебединое крыло,
И грустенъ путникъ яснookой;
У ногъ колчанъ, въ рукѣ весло.
Но, съ беззаботною улыбкой,
Летучей пѣной орошенъ,
Безтрепетно по влагѣ зыбкой
Порывомъ бури мчится онъ,
И внемлетъ приберегъ окольной
Напѣвы пѣсни произвольной :

XVI.

Пѣсня.

Покатись попутный валь,
Заиграй мое вѣтрило :
Я на ловлѣ опоздалъ,
Не увижу Лады милой.

Стопеть сизая волна
На раздоліи широкомъ :

Видно милая грустна
Въ пышномъ теремѣ высокомъ !

Воздухъ, бурейю дыша,
Носить капли дождевыя :
Знать поплакала душа,
Знать журять ее родныя !

Только выйди на лужокъ
Мыться утренней росой ;
Упаду, какъ голубокъ,
Передъ дѣвицей-красою ?

Улетитъ любви гроза
Съ неба радостныхъ свиданій,
И съ лапоть сойдетъ слеза
Отъ пльнительныхъ лобзаній !

Счастья выглянетъ цвѣтокъ . . .
Вальъ играй, лети челнокъ !

XVII.

Безумный ! черпаетъ ладья,
Пловецъ ! руби свое вѣтрило :
Пусть колыбель тебѣ — ладья ;
Но бездна можетъ быть могилой.
Скорѣй ! — Ужъ поздно ; заплескалъ
Надъ челномъ бѣлогривый вальъ . . .
Прости веселіе столицъ,

Любовь родныхъ, друзей мечты
И Лады свѣтлыя зеницы !
Еще простите ! — гибнешь ты !
Въ туманѣ городъ — брегъ далеко.

Летить ѣздокъ во весь опоръ.
Достигнувъ берега Дуная,
Презрѣвъ утесистую круть,
Коня уздою понуждая,
Онъ скачетъ въ глубину прануть.
Вотще ! уперся копь ретивой,
Хранить, крутится на дыбы
Но дерзокъ витязь — несчастливой.
Не миновать ему судьбы ;
Ѣздокъ всѣ силы напрягаетъ,
Стремить — и снова поскакавъ
Съ утеса падаетъ стремглавъ,
И шумно въ брызгахъ исчезаетъ.

XVIII

Гдѣ — гдѣ, потокомъ унесенъ,
Возникъ онъ, броней сверкая.
И вдаль плыветъ на тихій стояъ,
Со шлема влагу отрасая ;
Перупъ окрестность оварилъ,
Онъ тамъ ; онъ юношу схватилъ
И вснять ! Подъ ношею двойною

Погрузнувъ добрый конь хрипнть,
Валы ревуть надъ головою,
Вода въ ухахъ его журчатъ ;
Надъ нимъ летаютъ смертны тѣни,
Не вѣдалъ витязь удалой,
Тебя стремя въ пылу сраженій
Неотразимую стрѣлой,
Не мнилъ, чтобъ влажная могила
Твой быстрый бѣгъ ужоротила.
Спасайся, витязь ! нѣтъ коня,
Грузна кольчатая броня.
Покинь-ловца на Божью волю,
Тебѣ съ нимъ къ берегу не доплыть ! . . .
Но нѣтъ ! ты хочешь раздѣлить,
А не оплакать злую долю.
Обнявъ утопшаго, пловець
Гребеть въ усиліи усталомъ ;
И тяготѣя какъ свинець,
По немъ катится валъ за валомъ ;
Ужъ цѣпенѣющая грудь
Едва взрываетъ пѣнный путь ;
Напрасно дланью бесполезной
Раздвинуть хочетъ онъ волну,
Онъ поглощаемъ алчной бездною,
Готовъ погрузнуть въ глубину ;
Но берегъ близко — въ лонѣ тучи
Проторгся молніи потокъ,
И мутный валъ, какъ змѣй шапучій

Извергъ обоихъ на несокъ;
Тамъ полумертвы, утомленны,
Лежатъ спаситель и спасенный.

XIX.

Но вотъ по берегу спѣшить
Бояринъ, гдѣ-то запоздалый,
Его заботливъ грозный видъ,
Блѣветъ пѣной конь усталый,
И шапку приподнявъ рукой,
Съ нимъ рядомъ скачетъ стремяной
Въ лице имъ, градомъ поражая,
Вихрь опасности сдуваетъ съ плечь,
Но всадники, не замѣчая
Между собою держать рѣчь:

Бояринъ.

Благодарю за добры вѣсти,
Нашъ заговоръ идетъ на ладь:
Что Любомиръ свершитъ изъ мести,
Одлай за деньги сдѣлать радъ.
Но что поестъ медлитель вѣчный
На это Янь, племянникъ мой?

Стремяной.

Онъ шлетъ къ тебѣ поклонъ сердечный
И тайной подвигъ роковой
Желалъ бы раздѣлить съ тобой . . .

Бояринъ.

Да не желаетъ? Все возможно
Тому, кто дерзостень не ложно.

Стремянной.

Что будто ратники его
Далеко разбрелись по краю ;
Что онъ на князя своего
И самъ бы прямо по Дунаю
Къ тебъ душою прилетѣлъ . . .

Бояринъ

Слова безъ дѣлъ , что лукъ безъ стрѣлъ !
Не души, а мечи намъ пужны.
Ничтожный трусъ ! но почему
Ты не открылъ союзъ окружный
Въ словахъ заманчивыхъ ему ?
Нашъ кругъ великъ, друзья надежны,
Къ намъ шайки Половцевъ идутъ,
И Польскіе паны вельможны,
Охотно руку подають.
И ждетъ блестящая награда
Боярь — сторонниковъ Всеграда ;
Онъ самъ съ полками Кіевлянъ
Обляжетъ городъ какъ туманъ ;
Андрей падеть, получить снова
Саянъ тысяцкаго Любожиръ ;
И власть друзьямъ моимъ готова
И шумный пиръ на цѣлый міръ.

Стремянной.

Я говорилъ ему все это ;
Но сердце замкнутое льдомъ,

Надеждою не разогрѣто.
Совѣтуешь, любя твой домъ . . .

Б о я р и н ъ .

Не домъ мой, клятвѣ свою онъ любить ;
Но я совѣтовъ не люблю ;
Пусть только Всеволодъ затрубитъ
Племянничка повеселю ;
Кто не подасть мнѣ длани братней,
Не уцѣлѣетъ въ голубятнѣ !
Я врагъ приятелямъ такимъ !

XX.

Стремянной.

Всего сильнѣй его пугаетъ,
Что князь гражданами любимъ.

Б о я р и н ъ .

Трусъ и во снѣ бѣду встрѣчаетъ !
Зачѣмъ такимъ людямъ дано
Копье, а не веретено ?
Ужель не вѣдаетъ причины
Моихъ надеждъ племянникъ мой ?
Скучаютъ смѣлыя дружины
Мирюлюбимостью княжой.
Ничъ нѣтъ бывалаго раздолья
Отъ поселянъ и отъ нацолья ;
Въ бѣдѣ ихъ не любовь страшна ;

Любовь народа не сильна :
Народъ на воздухъ рѣчи тратить,
Но вѣчно стерпять, все заплатавъ,
Надеждой переменны сытъ.
По Янъ пугливѣе сищицы,
Когда военной славы щить
Смѣнялъ на блюдо чечевицы !
Нѣтъ проку смѣлому въ роднѣ ;
И коловратная судьбина,
Какъ будто насмѣхаясь, мнѣ
Такогожъ даровала сына :
Онъ любить жить по старинѣ,
О дѣвахъ пѣть, звучать струною,
А не набѣдной тетивою ;
Ему чужая мѣсть моя :
Онъ князя любить, княземъ дышеть,
Ему онъ вторить, имъ онъ слышитъ !
Отъ сына утаился я.
Онъ на конѣ узнать успѣеть,
Когда гроза внолнѣ созрѣеть
Онажъ близка — ее зову
Бъ себѣ въ мечтахъ и паяву.
Внимай ! чутъ мѣсяцъ златорогой
Потопеть въ небѣ голубомъ,
Непроторенною дорогою,
Гдѣ стременемъ, гдѣ колесомъ
Ты оскѣчи друзей кругомъ.
Скажи имъ вѣстовое слово :

» Мечемъ помѣряться пора :
Въ Переяславѣ все готово
На праздникъ Павла и Петра : «
Тогда съ разсыянной дружиной
Пускай они со всѣхъ сторонъ,
На пиръ стекутся иявниной
Младому князю на поклонъ.
И въ сердцѣ радостнаго града,
Въ кругу пирующихъ гостей
Сверкнетъ булатъ — гроза вождей,
Съ неожиданнымъ кликомъ : » За Всевида ! «
И кровь, и пламя, и набатъ,
Надеи князя возвѣстятъ !

XXI.

Утихло. Мутные потоки
Шумать, промолвы бразды ;
Благоухая лѣсъ далекий
Слезится каплями дожда.
Лилецъ въ красотѣ обновки
И скромныя *нетронъ жемля*
Подъемяютъ свѣжия головки.
Вдругъ путникъ осадилъ коня ;
» То не мечталъ воображенья,
Или очей моихъ обманъ ?
Передо мной, какъ привидѣнья,
Двѣ тѣни сквозь ночной туманъ
Текутъ невѣрною стопою . . .

Одинъ въ бронѣ; къ его плечу
Другой поникнулъ головою!
Я съ ними свѣдаться хочу
Иль по кресту, иль по мечу!
Домчались тропой знаковой.
Имъ въ очи Любомиръ глядеть...
И кто же витяземъ ведомый?
То сынъ его то — Святovidъ!
Но прежде пышныя ланиты
Завѣсой блѣдности цокрты;
И съ золотыхъ его кудрей,
Вода сбѣгаетъ какъ ручей!

XXII.

Какъ сына милаго утѣшно,
Какъ нѣжно въ радости своей
Лобзаетъ Любомиръ пощѣщной,
И вдругъ чувствительность скрываетъ,
Чело въ суровость облакаетъ;
Любви отеческой порывъ
На кроткой выговоръ мѣняетъ;
Но льются павною рѣкой
Спасителю благодаренья.
Склонился воинъ молодой
На искреннія предложенья,
И весело они, втроемъ,
Спѣшать въ гостепріимный домъ.
Сверкаютъ имъ сквозь сумракъ парной
Церквей злаченые кресты,

И озаряет лучъ литарной
Переяславля высоты,
И вотъ стѣна его за ними.
Внимая лаю чуткихъ псовъ,
Они проулками пустыми
Текутъ посреди садовъ.
Уже вблизи на домъ красной
Лучина яркой свѣтъ лиетъ
И у рѣшетчатыхъ воротъ
Мать нѣжная нетерпѣливо
Избавленнаго сына ждетъ.
И вотъ на грудь свою пріяла
Надежду, свѣтъ ея очей,
И восхищенная взрыдала,
Забывъ привѣтствовать гостей.
И надъ покорною главою,
Отрадной, сладостной рѣкою
Струи чистѣйшихъ слезъ текли . . .
О радости невинной слезы!
Вы перлы на земной пыли,
Вѣнокъ росы на почкахъ розъ,
Поминка неба на земли
Съ тѣхъ поръ, какъ ангельская сила,
Звѣздой падучей съ высоты
На землю юную сходила
По зову глѣнной красоты!

XXIII.

Они ступенями рѣзными

Часть XI.

Идутъ на красное крыльцо,
Привѣтомъ брякнуло кольцо
И набожно передъ Святыми
Творять поклоны пришлецы.
Блеста камешьями цвѣтными
По образамъ горять вѣнцы
Среброчеканнаго оклада ;
И блѣднымъ теплится лучемъ
Неугасимая лампада,
Какъ мѣсяцъ на небѣ ночьюъ.
Вкругъ стѣнъ широкія бесѣды
Хрущатой обвиты кайкой,
И по коврамъ висятъ грядою
Доспѣхи ловли и побѣды,
Уборы дикой красоты :
Мечи, багряные щиты,
И самострѣлы и колчаны ;
Тамъ блестятъ боевой топоръ,
Тамъ шестоперы и чаканы,
Тамъ витязя дивитъ узоръ
По шлему золотой насѣчки,
То многоцѣнные уздечки,
То абруи жемчугомъ наборъ.

XXIV.

Межъ тѣмъ для гостя дорогова,
Храня обычай старины
Ужъ баня пыщная готова ;

Ковры стезей разостланы,
И распахнулась дверь тесова ;
Уже привѣтливо журча,
Въ дыму, алмазами сверкая,
Въ чанъ кипарисной два ключа
Падуть, и жаръ и холод сливал.
На каменку шанучій медъ
Волной обильною течеть
И дышитъ съ камней млечной тучей
Паръ, благовонный и летучій,
Вънцомъ объемля огонекъ.
И вотъ, увлаженный парами,
На пѣгу томную полокъ
Манитъ душистыми травами ;
Березы вѣтви сладкій зной,
Какъ опахаломъ, навѣвають,
Всѣ члены, лѣстными рукой,
Въ благоуханной пѣвѣ таютъ,
Онъ сходитъ внизъ, огнемъ гора ;
Изъ чаши бронзовой отрадно
Течеть на грудь богатыря
Рѣка воды струею холодной,
И путникъ свѣжъ выходитъ вонъ ,
Какъ мѣсяцъ моремъ возрожденъ.

XXV.

Опять онъ въ горницѣ красивой ;
Ему лилейною рукой

Сынная дѣвушка стыдливо
Подносить гребень золотой.
За ней идетъ хозяйка дома
Въ жемчужной кикѣ, въ ферезахъ,
Въ лицѣ ея видна истома,
Но доброта въ ея очахъ,
Любовь ко сыну, къ мужу страхъ.
Смиренно кланяясь, подходитъ
Къ Роману съ чарою вина,
Откушать просить, и заводить
Слова пріятныя она :
Повѣдай : волей иль неволей,
Иль молодецкою охотой,
Иль буйнымъ вѣтромъ занесенъ
Въ Переяславль съ какихъ сторонъ ?
Кто ангель твой ? кто твой родитель ?
Да знаемъ гостя величать,
Да возмогу тебя, вѣтель,
Въ своихъ молитвахъ поминать ?
Романъ отвѣтствуетъ ретиво :
Прости, боярыня, жена,
Что отложу отвѣтъ правдивой
О томъ до будущаго дня.
Сказать кто я — тецерь не смѣю,
Лгать не могу и не умѣю !

XXVI.

Склонивъ къ супругѣ мрачный взоръ.

Бояринъ входитъ въ разговоръ :
Храни, о витязь, имя тайно :
Какое дѣло вѣдать мнѣ,
Съ намѣреньемъ или случайно
Ты сталъ на нашей сторонѣ ;
Мой гость — мой братъ ; ему обида
Обида мнѣ : но ты одинъ
Младой хранитель Свѣтовида
Здѣсь полномочной властелинъ.
Подъ тѣнью крова Любомира
Какъ подъ щитомъ своихъ дружинъ
Ты невредимъ отъ злобы міра,
Хотя бы, гнѣвомъ распаясь,
Тебя преслѣдовалъ самъ князь.
Дай руку мнѣ, пріятель новой ;
Вотъ хлѣбъ и соль, чѣмъ Богъ послалъ.
Богато убранъ столъ дубовой
И брызжетъ дѣдовскій бокалъ.
Ужъ беззавѣтными рѣчами
Сердца отверсты ; медъ кипитъ
И неразлучными друзьями
Встаютъ Романъ и Свѣтовидъ.
И гостю на медвѣжьей кожѣ
Пеходное готовятъ ложе.
Но между тѣмъ пѣвецъ младой
За гусли звонкія садится,
И звукъ подъ легкою рукой
За перекатами струится

Звучный, звучный, и съ ними въ ладѣ
Стихи небрежные звучать

XXVII.

Успокойся, путникъ юный,
Ты разбить и утомленъ ;
На тебя златыя струны
Назвѣнять глубокий сонъ.

И прикинувъ къ изголовью,
Сновидный красота
Обойметъ тебя съ любовью
Тихокрылая мечта.

Чаровница за собою
Уманить и увести :
Ступишь легкою столою
На коверъ на самолетъ.

И завѣтною долиной
Вдаль за тридцать земель,
Съ быстротою соколиной
Упорхнеть душа отсель.

Вкусить витязь черноокой,
На берегу родимыхъ струй,
Отъ красавицы жестокой
Полуданной поцѣлуй!

Нль внося побѣду въ сѣчу

**Выторгнеть твоя рука
Знамя — гибели предтечу
Изъ желѣзнаго полка ! »**

**Звонъ гуслей тихо замираеть,
Какъ будто лѣтній вѣтерокъ
Плѣненный розою, вздыхаетъ ;
Какъ будто ропотный потокъ
Брега жемчужные лобзаетъ.
Задрнуть пологъ кружевной
Гостепріимною рукой.
Какъ льется мгла рососою ночи
На жаждущій отъ зноя макъ,
Дремота канула на очи
Усталого пришельца. Такъ
Онъ, свѣтлой совѣстью храпный,
Вкушаетъ сонъ невозмутимый.**

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Бывало, чуть ранней зарею востока
Зарумишится водъ переливный хрусталь
И сокрытый въ лозахъ надъ струями потока
Соловей огласитъ поднебесную даль,
Съ соколомъ на рукъ молодые бояра,
Иль со сворой борзыхъ, при златомъ стремяхъ,
Въ ловитвѣ носилися, полные жара,
По доламъ, по горамъ, на могучемъ конѣ.
Въ палаты княжія сквозъ занавѣсъ алой
Чуть яркое солнце, казало лицо,
Возставъ ото сна, князь удѣльный, бывало
Съ дружиною-gridней ступалъ на крыльцо;
Тамъ правду твора виноватымъ, невиннымъ,
Онъ въ совѣтъ бояръ и начало - вождей
Судилъ и рядилъ по законамъ стариннымъ,
Донуская народъ до пресвѣтлыхъ очей.

О Х О Т А .

І.

Блаженъ стократъ , на чьи зеницы
Дыханье милой сводитъ сонъ ;
Блаженъ , кто въ сумракъ денницы
Привѣтомъ друга пробужденъ !

С в ѣ т о в и д ѣ .

Встань , Романъ , отъ ложа нѣги,
На утро свѣжее взгляни !
Твои стрѣльцы , твои кони
Пришли на новые ночеги ,
И жаждутъ зрѣть тебя они .
Сіметъ солнце : манать въ поле
Волнистыхъ озимей бразды ;
Давно ужъ пѣсню милой волѣ
Поютъ веселые дрозды ;

Давно малиночна и чечеть
Росой медвяной нацмались;
Летунья ласточка щебечеть,
Вкругъ башенъ рѣя вверхъ и внизъ;
Валетасть жавронокъ игривый
За облака подъ небосводъ,
И новмиъ блескомъ дня щастливый,
Ловцамъ заутреню поеть.
Но милый странникъ мой готовъ ли
Дѣлать со мной потѣху ловли?

II.

Р о м а н ъ .

Нѣтъ, нѣтъ, плѣнительный ловець
Любовныхъ, дружескихъ сердець!
Не въ темный лѣсъ, а къ князь Андрею
Веди посланникомъ меня.
Въ рѣчахъ судьбу князей храни,
Въ сей день я миръ рукой моею
Скрѣпить или разорвать имѣю.
И вотъ на пламенномъ конѣ,
Блестая въ златѣ, какъ въ огнѣ,
Онъ ѣдетъ въ шитой однорядкѣ.
За нимъ стрѣлковъ охранный строй,
Развитый лентою цвѣтной,
Детить въ торжественномъ порядкѣ.
Романа за городъ ведутъ,

На поле мести, въ Божій судъ.
Но случай, налицѣ и сила
Сраженъе совѣсти рѣшила.
И возвращается Андрей
Въ толпѣ, надъ радостнымъ Дунаемъ,
Одинъ, любовью охраняемъ,
Безъ латы и копей и мечей.
Не въ блескъ праздничнаго хода,
Не въ шумъ дворекой суеты,
Но какъ отца въ семьѣ народа
У вратъ суда и правоты,
Посолъ встрѣчаетъ князь Андрея.
И гдѣ, скажите, видѣлъ взоръ
Земныхъ царей дворецъ или дворъ
Сего достойный и пышный?
Предъ княземъ на землю ступивъ,
Три краты голову склонивъ,
Такъ говорилъ бояринъ смѣлой:

III.

Князь Всеволодъ! Олега сынъ,
Великій князь и властелинъ
И обладатель Руси цѣлой,
Тебѣ, какъ братъ, любовно шлетъ
Въ моемъ поклонѣ свой привѣтъ?
Онъ хочетъ знать, за чѣмъ съ Дунай
Лишь ты одинъ до сей поры,
Обычай предковъ презирая,

Къ нему забылъ послать дары?
Но заключа добро въ булатъ,
Мой князь не думаетъ о славѣ,
Лишь гнѣвомъ онъ, что ты одинъ
Къ нему не выставилъ дружинъ.

К. А н д р е й.

Бояринъ! еслибъ на престолѣ
Призналъ я князя твоего,
Я бъ и тогда княжилъ по волѣ,
А не по прихоти его.
Но я ли робко и постыдно,
Забывъ родныхъ удѣлъ обидной,
Его признаю надъ собой,
Когда, безъ повода, безъ права,
За Ярополкомъ Вячеслава
Съ престола свергнулъ онъ долой?
Но я ли стану, лицемяря,
Душой играя, цѣловать
Союза крестъ, въ союзъ не вѣря?
Того ль мнѣ братомъ называть,
Кто Ярополка потаенно
Закинулъ въ плѣнъ иноплеменной?

IV.

Р о м а н ъ.

Нѣтъ, нѣтъ, Всеволодовой души
Презрѣнные обманы чужды!

Безсильный крадется въ тѣни,
Могучимъ нѣтъ въ коварствѣ нужды.
Твой братъ — молвою ослѣпленъ
Полякамъ самъ отдался въ плѣнъ.

К. Андрей.

Я вѣрю, я желаю вѣрить,
Что въ этомъ онъ не виноватъ :
Но позабыть, или измѣрить
Я не могу, хотя бы радъ,
Позоръ моей обиды кровной.....
Мои ли братья, въ наши дни,
Иль онъ, зажегъ вражды огни?

Романъ.

Соперники — невнимы ровню,
Хоть розно счастливы они:
Всевладъ воздвигъ свои знамена,
Какъ сынъ старѣйшаго колѣна,
Онъ общимъ гласомъ Кіевлянъ
Главою Русичей избранъ.
И не всегда ль рѣшаетъ снова
Права князей судьбина съчъ,
И не вездѣ ль вѣнца княжова
И предокъ и наследникъ мечъ ?

К. Андрей.

Пускай же будутъ въ дѣлѣ этомъ
Твои слова моимъ отвѣтомъ:
Когда булатъ ему судья,
Когда ему хищенье слава,

То я могу, и должень я
Стоять за честь роднаго права

Р о м а н ъ .

Давно ль поставили Князья
Превыше долга связи рода ?
Для нихъ ли Русской воевода
Отринеть славную войну
За нашихъ праотцевъ страну ?

V.

К. А н д р е й .

Посоль , души своей цѣну
Заплатимъ мы за кровь народа !
Для ней не только славу, мечь
Забылъ я хищнику нанести.
И знай, что за стѣнами града
На бой готовъ, но миръ любя,
Я не возстану на Всеграда,
Ни за него, ни для себя ;
Плѣненъ забавою жестокой,
Не поведу я въ край далекой
Красу Дунайскихъ ратныхъ силъ
Искать безвременныхъ могилъ ;
Не заслужу и укоризны,
Когда въ нылу замыслить онъ
Завоеваніе отчизны,
Чужою силой облечень.

Р о м а н ъ .

Питая мужество, напрасно
Онъ дышетъ мыслию прекрасной
Завзрить Русской стороиъ
Покой оружиемъ извнѣ!
Взгляни, въ кичени досуга,
Теперь удѣльные князья
Воюють братнѣ края,
Кують крамолы другъ на друга,
Враговъ скликая вновь и вновь,
Какъ черныхъ вороновъ на кровь!
Дни поселянъ миролюбивыхъ
Въ войнахъ князей сокращены;
Пылають кровы селъ красивыхъ;
По жатвамъ бродягъ табуны;
Довольство гибнетъ, вянутъ силы,
Ростутъ не грады, а могилы
И близки — въ шумъ вѣчныхъ ссоръ
Отчизны гибель и позоръ!
Чтобъ удалить сіи напасти,
Князей смирить и умирить,
Онъ хочетъ Русь соединить
Подъ крыльями верховной власти.

VI.

К. А н д р е й .

Видалъ ли ты, какъ черный дымъ

За чистымъ пламенемъ крутится ?
Такъ властолюбіе таетъ
Подъ снѣгъ намѣренъ святимъ.
Конечно, есиль мужъ великій,
Заслугой — родины отецъ
Возникъ надъ Русью полудикой . . .
Тогда мой княжескій вѣнецъ
Я первый бы, какъ сынъ покорной,
Къ его стопамъ сложилъ безспорно.
Но чѣмъ, скажи, твой новый князь,
Успѣхомъ дерзости гордась,
Привлекъ народное вниманье ? . . .
Или за слезы и за кровь
И правъ священнѣйшихъ поправъ
Дается вѣра и любовь ? . . .
Но расточая лести соты,
Меня ль онъ уловить хотѣлъ
Въ давно знакомыя тенеты
Блестящихъ словъ и черныхъ дѣлъ !

Р о м а н ъ .

Не посланъ я съ тобой судиться ;
Не мнѣ рѣшать, тебѣ рѣшиться :
Въ послѣдніе тебя зову
Признать Всевада за главу.

К. А н д р е й .

Въ послѣдній разъ я отвѣчаю ,
Не признаю и не признаю !

Переяславцамъ не война,
А дружба Кіева страшна.

.
.

Р о м а н ъ .

.
.
. Все такъ, но что же будетъ,
Когда мой князь къ тебѣ прибудетъ
Конями выпонть Дунай . . .

К. А н д р е й .

За правду Богъ! не угрожай! . . .
На утро въ мой дворець прибрежной
Я созову бояръ въ совѣтъ
Скрѣпить, вручить тебѣ отвѣтъ . . .
.
.
Рѣшились; болѣе ни слова

VII.

И вотъ ведутъ коня лихова
Ясельничіе подъ устцы.
Вдыхая вѣтръ, онъ бурей пышетъ,
Онъ подъ собой земли не слышитъ!
»Стой, птичка, стой!« Медвѣжамъ конь;
Узду грызетъ, уши играетъ,

Какъ будто всаднику внимаешь,
Въ глазахъ покорности огонь,
И князь, треща по стройной вышъ,
Береть поводья золотые,
Садится медленно въ сѣдло.
Конюшій управляетъ стремя,
Младой сокольникъ въ то же время
Съ поклономъ сокола даетъ
И повѣздъ двинулся впередъ.
Красуясь гордыми конями,
Дворяне мѣрною стопой
Съѣзжаютъ въ улицу рядами,
Гремя по звонкой мостовой.
При вѣтеркѣ поновы вѣютъ,
Одежды радугой пестрѣютъ,
Мелькаетъ гридней шумный рой.
Спѣшатъ довольные граждане,
Въ толпѣ прелестныхъ дѣвъ и женъ,
У князя добраго заранѣ
Почетной выманить поклонъ;
И старцы, духомъ молодые,
Съ слезами радостныхъ очей
Подъемяютъ на руки дѣтей
Полюбоваться на Андрея!
Казалось, окна говорятъ,
Одушевленные народомъ;
И голубымъ колебля сводомъ,
Благословенія летать,

И вторить кликамъ кликъ отвѣтной,
Стѣной зубчатой отразась :
» Да вѣчно здравствуетъ нашъ князь ! «
И въ обѣ стороны привѣтно
Андрей съ улыбкою чела
Склоняется къ лукъ сѣдла,
И опѣняя удила ,
Ретивый конь, взвѣвая гривой,
Мѣняетъ ходъ нетерпѣливой.
И всѣхъ перевышалъ Андрей
Красою, крѣпостію тѣла ;
Къ нему и женъ любовь летѣла,
И упованіе мужей.
Такъ манитъ взоръ въ вѣнцѣ зеленомъ
Веселіе точащій гроздъ ;
Такъ величаво небосклономъ
Восходитъ мѣсяцъ въ хорѣ звѣздъ.

VIII.

Внимая сердцемъ гласъ народный,
Съ улыбкой скромной добрый князь
И съ откровенностью свободной
Къ Роману молвилъ, обратясь :
Хвала народа мнѣ услада ;
И мнѣ ль, Романъ, страшиться золь ?
Ему опора мой престоль,
А мнѣ — любовь его ограда !
Она всѣхъ дѣлъ моихъ печать ;

Она умѣеть услаждать
Мои заботы и досуги.

Р о м а н ъ.

.
.

Прости мнѣ снѣдлость; шумный станъ
Меня взлелѣвалъ къ правдѣ пылкой;

.
.

И у меня князьямъ привѣтъ
Низать, какъ жемчугъ, дара нѣтъ.
Не рѣдко этотъ шумъ и кланки
Являютъ странника уму
Дань облаченію владыки,
А не порывъ любви къ нему!

IX.

А н д р е й.

Такъ — не одно съ молвою тихой
Молва паучиныхъ рѣчей.

.
.

И лести искуситель-змѣй,
Даря безвременною славой
За доблести, которыхъ нѣтъ,
На столько дѣль, — желаній цвѣтъ
Сражаетъ сонною отравой;
Льстецы, какъ трутней жадный рой,

Изъ самолюбія, изъ страха,
Изъ горсти золотого праха,
Предъ княземъ ползають душой,
Его порочнѣйшія кovy
Хвалить и совершать готовы.
Ихъ лестъ я оцѣнилъ. Мой дворъ
По волѣ и неволѣ знаетъ,
Что низость князя унижаетъ,
Что безъ заслугъ хвала — укоръ
И, вѣришь ли, порой досуга,
Забывъ придворныхъ суету,
Я вырываюсь за черту
Ихъ очарованнаго круга;
И чувствъ народныхъ простоту
То вызываю, то внимаю

.
.
.
.
.

Такъ, въ дѣлѣ правды вѣрю я,
Враги намъ лучшіе друзья!

Х.

Знакъ подавъ; быстрая охота,
Полетъ готовъ соколамъ,
Разсыпана по берегамъ
Вблизи дремучаго болота;

И взоры всехъ и мысли тамъ,
И все молчить. Вотъ песь седящей,
Гонитель злой пернастой дичи,
Въ павозъ бросается стремглавъ;
Но тростникамъ перебираясь,
То перескоками, то впамя.
Идетъ, на ловчухъ озираясь.
Но ловъ послыша надале,
Угрюмыхъ тундръ жидеть пустицный,
Взлетѣла цапля отъ земли,
Назадъ простерши ноги длинны,
Свистокъ! — и съ путою аэроп.
Спадають шапочки долей.
Поражены дучемъ донцады,
Расширивъ дяды арачи,
И отрясаясь, хищны птици
Не вдругъ кидаются съ руки.
И первый соколъ князь Андрея,
Добычь узявъ надале,
Стрѣлой взвился надъ облака,
Свистащими крылами рва,
Все вверхъ и впередъ, и напередъ
Ударилъ въ облакъ, какъ ошелокъ.
Но скорость сила безползковой
Встрѣчаетъ клевь ея жалъной,
И съ облаковъ на тихій долъ
Пронзенный падаетъ соколъ.
Отъ Любоміра всходитъ наирва

Часть XI.

4

Въ воздушную гromовъ обитель,
Смѣлѣи, бмстрѣ мысли онъ;
Несется, плавасть кругами,
Стоитъ . . . уналь . . . взмахнулъ крылами:
Бьетъ снизу вверхъ — и бой рѣмонъ!
Роняетъ цапля кровь и стонъ,
И тихо предъ толпою праздною
Падетъ чертой винтообразной.
Боярникъ гордый, соколу
Похвальные внимасть клики,
И восхищенна пламень дикій
Играетъ по его челу,
И низаю о паденьи енорожъ
Онъ предвѣщаетъ грознымъ взоромъ,
Какъ будто птицъ гадальный бой
Вънецъ победы роковой.

XI.

Не мнѣ представить цѣны дивной,
Въ живой картинѣ мощныхъ словъ,
Удачи ловли соколиной
И удалство младакъ ловцовъ,
И въ дебри дальной и пустынной
Подъ ясенями дроздины дѣтъ
Княжой охотничій обѣдъ!
Какъ умъ гостей, вино сшерпало
И словно радость утечало,
И вечернъ астринца день;

Хладѣя, солнце развизало
Въ долинахъ роскошную тѣнь:
Въ обратный путь охота снова
На травлю новую готова.
Романъ и юный Свѣтовидъ
Съ какой-то пѣгюю неполюхой
Сдержавъ коней страны подольной
Прелестный созерцали видъ:
Все тихой радостью дышало,
Улыбкой небо разцвѣтало,
И всюду тишина была;
Лишь запоздалая пчела
Свое жужжанье надъ цвѣтами
Сливала съ дальними звонками;
Березы, свившись въ хороводъ,
Поляну кунами обстали,
И горлицы подъ ропотъ водъ
Въ тѣни дубравной ворковали,
Напоминая сердцу вновь
Покой и дружбу и любовь.

XII.

Р о м а н ъ .

Питомецъ звучныхъ пѣнопѣвнѣй!
Не по мечу, по сердцу братья?
Я не дивлюсь, что томный взглядъ
Очей твоихъ являетъ тѣни
Влестящихъ мыслей и видѣннѣй!

Кого не вспламенитъ обзоръ
Твоихъ величественныхъ горъ!

С в ѣ т о в ѣ д ѣ . . .

Такъ, милый другъ, отъ колыбели

Нагорный звукъ плѣнвалъ меня

Пастушьею утренней свирью !

И чудомъ отрока маня,

Мнѣ повѣсти и пѣсни пѣла:

О былинахъ минувшихъ дней,

О подвигахъ богатырей.

И я любилъ во тмѣ гаданья

Старинныхъ доблестей черны,

Невѣроятныя преданья,

Неисполнимыя мечты!

И сладостны и свѣтлы были

Мои въ дыханіи весны . . .

Очаровательные сны!

Они въ тотъ край меня носили,

Гдѣ свѣтъ яблокъ золотой;

Гдѣ вьются райскія жары - штицы,

И дождь русалки молодой,

Въ волнахъ растопленной денницы . . .

Сліянъ изъ граней хрустала;

Цвѣтутъ рубинами поля;

Овны блуждаютъ алатруны

И неземныя дышатъ струны

Все это видя и внемля,

Въ восторгъ пѣсней бродилъ я!

ХІІІ.

Я возрасталъ; мои мечты
Росли невидимо со мной.
Мои любимыя гулянья
Бывали тамъ, гдѣ мракъ лѣсной,
Гдѣ гребень горъ возникъ порогами
Предъ небожителей чертогами,
Куда носилася душа,
Священнымъ воздухомъ дыша!
Одолѣваемъ сладкой лѣнью,
Въ груди задумчивость тая,
Водъ сладкозвучному наденью
Любилъ прислушиваться я;
Любилъ сливать напѣвъ отзывной
Съ стенами бурн. заунывной,
Съ веселой дробью оловья.
Тогда - то къ смѣлымъ пѣнопѣнамъ.
Въ груди моей запылала жаръ,
Тогда - то развился мой даръ:
Мысль окрылять воображеньемъ,
Давать живой языкъ страстямъ,
Сливая въ думы голосъ тайной,
Знакомый пламеннымъ сердцамъ,
Который тихо и случайно
Изъ лона жизни, изъ могилъ
Пѣвцу понятно говорилъ.
Восторгомъ сердце трепетало,
Какъ вѣтромъ сорванный листомъ,

И думы пламенной потокъ
Ладами, стройно наливало!
И эхо рѣзвое внимало
Мою восторженную грусть,
И, повторяя намзустъ,
Скаламъ отъ скалъ передавало.
Но пѣсни юности моей,
Моей задумчивой свирѣли
Незнамы умамъ людей,
Какъ станъ вольныхъ лебедей,
Звуча, въ поднебесье летѣли,
Или досель кипятъ онѣ
Въ моей сердечной глубинѣ!

XIV.

Р о м а н ъ.

И такъ пословицы извѣстной
Молва правдива, что пѣвецъ
Хотя правдивый и прелестный,
Но тѣмъ не менѣ вѣрно лжець
И Свѣтовида ли напѣвы
Внушая, не внимали дѣвы!
Да, скромный другъ, казалось мнѣ,
Замѣтилъ я въ одномъ окнѣ
Красой и статью царь - дѣвицу;
Зачѣмъ красить! — Замѣтилъ я,
При первомъ взорѣ на тебя,
Въ ея глазахъ любви заринку,

И вдругъ въ твоихъ слѣдахъ оны,
Какой-то нѣгой унесъ!
И лишь порою для отводу,
Скользилъ небрежно по народу.
И то не скрылось отъ меня,
Когда, румянцемъ пламени,
Ты въ гордый скокъ пустилъ коня,
Забывъ друзей и князь Андрея,
Но ей въ поклонъ едва, едва
Твоя склонилась голова,
Чтобъ глазъ не свестъ ни на мгновенье
Съ ея стыдливой красоты!...
Иль друга обмануло зрѣнье,
Иль обольстить желаешь ты!...

XV.

Любовникъ опытный безопасно
Внимасть съ холодомъ очей
Намекъ о склонности своей,
Хоть радъ внимать о милой вѣчно
И вѣчно говорить о ней;
Но страсти въ пламенные лѣта
Не знаютъ скромности завѣта:
Притомъ въ очахъ была видна
Столь привлекательно ясна,
Романа искренность младая,
Не прежней дружбы цѣль святая,
А новой чистая вина,

И Свѣтовидъ, любовью тая,
Предъ гостемъ сердце проясля,
Какъ переполненный вѣзель.
Онъ описалъ предѣстной Леди
Очаровательные взгляды.
И поступь — къ вѣнчику цвѣтка
Прикосновенье вѣтерка,
И стройный станъ, какъ юный колосъ,
И сердцу небомъ звучный голосъ,
Чело — души прекрасной тѣнь,
И душу, свѣтлую, какъ день;
Онъ описалъ любви томленья,
Тоску разлукъ и вѣгу встрѣчь,
И взоромъ пламенную рѣчь,
Взаимной страсти откровенья.

XVI.

Но ахъ! земныя наслажденья
Рокъ не даетъ, а продаетъ:
Отецъ невесты Бѣловодъ,
По волю князя — гласу міра
Сѣвнилъ во власти Любомира
И рай утратилъ Свѣтовидъ
Для мести суетныхъ обидъ.
Но пусть, сказалъ онъ, гнѣва силъ
Десницы наши разлучила,
Безъ обручальнаго кольца
Неразлучаемы сердца!

И я любовью Лады дитиной
Благоподученъ, блаженной,
Хотѣвъ судьбой нѣтъ суждено,
Воспоинадѣ одио!
Какимъ огнемъ, душою, пылаю,
Когда, склоняю къ сердцу моему
Люблю тебя! она встала,
И свѣтъ бѣжалъ, морхъ оуай!
Когда медлительно в отростке
Съ кораллыкъ, арисованныхъ, устенъ
Я нилъ дыханіе прекрасной,
Нѣмымъ восторгомъ уносилъ!
О ней Романъ! я былъ блуждающій,
Въ блуждѣхъ и небо уми, пр. востановилъ!

XVII.

Романъ

Такъ! вода, земля, небеса,
Не усладить минувшихъ дѣла,
И злой кручини покрываю,
Не свѣять нѣгою, дурачина!
Денимца лѣтъ вѣнчанъ, сидю,
На гробъ вѣнчанъ, сидю,
И не любовью, но, дѣлаю,
Облечена вострой, сталью,
Впервые была въ груди, мой,
Она отъ юности вѣдала,
Отчизны, вѣдана, болѣла,

И рано свѣтъ извидать я.
Межъ тѣнь за правду, за отягу
Въ бою, въ походѣ ратныхъ силъ
Я съ первыхъ лѣтъ книжонку стагу,
Княжому сердцу близкою была,
И наконецъ модѣ шумючьей нова
Въ поляхъ Чернигова роднона,
Мнѣ душу Всеволода открыла:
Онъ мнѣ сказалъ: я Русь Святую
Люблю, какъ ты, какъ ты рождалъ!
Мечтой минули времена
Владимира и Святослава,
Когда возникла наша слава,
Нераздѣлимостью грозны:
Но власть князей великихъ имѣ
Глазъ вопіющаго въ пустынь!
И древній мечъ, противный страхъ,
Дрожить въ бездобрестныхъ рукахъ.
Вождей совета и победы
Не вижу, не предаю я:
Окрестъ — могучіе воюды,
Внутри — ничтожныя князья?
Но мнѣ ль заранѣ прити грядущу
За пол-умертвую отчизну,
Когда, презрѣвъ полку и страхъ,
На благо силой плывемъ,
Когда сноподвижниковъ нѣтъ
Въ моихъ безтрусныхъ дубинахъ?

Такъ, мы пойдемъ! борьба настаетъ. —
И Всеволодъ отважно грянетъ
Коньскы въ златыхъ верстахъ,
И, какъ разсыпавши стрѣлы,
Соединитъ низшей удѣлы
Подъ сѣнью твердаго щита!
Пушкой мгновенною грозитъ,
Пугая Русь, а пролетитъ,
Но какъ гроза, се олетъ
И міру муть пронаратитъ!

XVIII.

Я видалъ, на встрѣчу счастливой дѣлѣ
Мои надежды полетѣли.
Я зналъ, что въ недрахъ стужи думъ
Возможность вѣрная таится,
И — смѣлый духъ на все рѣшится,
И все рѣшить способный умъ.
Тогда на слово и на дѣло
Я далъ обѣтъ. Веселюди стѣпакъ,
И острый мечъ, и ясный яликъ
На службу родины обрѣкъ.
О, милый другъ! какъ тошно было
Сказать навѣчно: кресты!
Всему, что сладостно и мило,
Что уюванье рай судило
Ахъ! двадцать вѣрды не животи!
Любови полноканная сила

Воспламенивъ, его разбѣла
Я могъ ли милой пожелать
Отчизнѣ отданную руку,
Иль на печаль и на разлуку
Чужую младость осудить?
О! какъ мучительно съ убогой
Привѣты въжнные выжидать,
И беззаботно - хладными взорами
Слезу любви оледѣнить,
Когда кипитъ душа и сердце
Пожаръ страстей угаивая!!!
Терзаемъ завистию злою,
Я ночи мгла въ жаркомъ дождѣ,
И утро восходило тоже
Съ нераздѣлимой тоскою!
Но наконецъ, справедливою
Я самъ себя преодолѣлъ
И на призывъ любви повелъ
Съ отважными шагами
И павшей Кіевъ —
Въ тѣ дни, славословя
И пѣной славы орѣвывая
Я мнилъ, о родившей
Сбывался въ подвигъ
Все можно въ
Былъ побѣдителя законо

Но признаюсь, о том, что вы знаете,
 Лишь только Андрей, тот, который
 Во мнѣ поставил въ первый разъ
 Уже ль въ огроби: ахъ, да и онъ
 Бѣдуль — бѣда же, бѣда же!
 Права ль неправдой говорить?
 И для чего вы такъ вѣствуете?
 Вчерѣ Андрей, мой братъ, ушелъ
 Когда ему несла, ахъ, да и онъ
 Благодареній не сказалъ
 Уже ль? . . . но вы же, вы же,
 Не несете князь мой, ахъ, да и онъ
 Отъ юныхъ летъ не знаетъ,
 Властолюбиваго, ахъ, да и онъ

Ахъ, да и онъ, ахъ, да и онъ!

С вѣдомствомъ ахъ, да и онъ
 Ты сомнѣваешься! ахъ, да и онъ
 Неправой службы горю, ахъ, да и онъ
 Конечно, ратники, ахъ, да и онъ
 Не по избранію, ахъ, да и онъ
 Но это все не оборветъ,
 Отъ тайной съ совѣстью войны!
 И я, душой благогоу,
 Творца мировъ благодарю,
 Что онъ возвелъ меня на престолъ,
 Подъ кроткой рукой Андреевъ,
 И за него, ахъ, да и онъ

Утешной взрешь единакоймъ :
Я правдѣ былъ слуга достойный,
Я палъ за родину мою!
Не гдѣ жь охота удалая?...
Всклики Романъ! На первый годъ
Раздался доважачахъ зовъ,
И съ дальними лоскѣмъ лѣй, слышавъ,
На слѣдъ нашла гоцѣхъ стада,
И въ хоръ согласный задвигавъ,
Навстрѣе тамъ зацѣпучь, владѣвъ,
По воду, ронявъ, а вышюро :
«И береги! и уладю!»
Ловцамъ отрядный мушъ охоты,
Катится въ глубь предвѣстныхъ горъ,
Гудя на радостныхъ нотахъ,
Скалы заводятъ звучный споръ,
И затихаютъ постепенно
Отзвукомъ лова отдаленной,
Едва, едва по островамъ
Нѣтъ, нечѣтъ звуку усталай,
И вотъ по холмамъ и доламъ
Молчанье вечера настало!

XVI.

Слѣдъ звѣриную войну,
Сидѣть лова на цышину,
Склоненную крутишь отобѣсно
Надъ темныхъ томошнѣхъ обвѣра,

И вдругъ долины въ глубину
Влечетъ невольно ихъ внимающе
То крикъ, то жалное стонанье . . .
Они глядятъ, и въ ихъ очахъ
Изъ дѣбри поднимайся облакой,
Языки рогатинной кривавой,
Медвѣдь леща разрынулъ изъ орака.
И нѣтъ ему отъ нихъ спасеннаго:
Стремниной путь ихъ заграждаетъ
И вдалѣ отводитъ горной стеной.
Слова напраснаго ильзвоннаго
Въ лѣсной терзаются глуши.
Ни гдѣ ни оука, ни дура.
Но Богъ вездѣ! въ полоть ижевошня,
Какъ съ облаковъ унаша вѣдана,
На зѣбра устремилъ оцокъ.
Возсталъ дубравъ аласителъ терный
И къ крови люте, въ бою упорный,
Коня когтями ранилъ въ бока;
Спранулъ боецъ; зрага встрѣцаетъ,
Одеждой руку волочасть,
И вдругъ безтрепетнунъ дана
Вонзасть въ алчную торюна:
Его объелеть зѣбра спирный,
Сдвигасть мощныхъ ланъ звелоннъ
Но крѣпикій нѣхъ, но реберъ нѣдѣ
Проникъ булатъ — вь палъ медвѣдь!

XXII

Друзья нежданнаго гласа слыша
Устрашены, наужлены,
Развѣявъ хладъ, и шибко вѣя,
Потокомъ скачуть, и в дружины
По складу ширь и востану парасты,
Несутся легка и верна стая,
И словно лебедкины, аки аки
Переплывають и востану,
И вотъ узяли преданъ себѣ
Неустрашимаго бойца,
Онъ влекся пѣшь, вродной тропею,
Въ крошечной обидѣ,
Храня разбитыя шашки,
Въ сядѣ заботливой орукоу,
И въ немъ и вродной стая,
Великодушный и вродной,
Прости, о князь, вродной стая,
Воскликнулъ, вродной стая,
Я мнилъ что мирное стая,
Презрѣнной робкой,
Уналь съ очей вродной стая,
Теперь, погибла вродной стая,
Никѣмъ не вродной стая,
Чего же, вродной стая,
Не совершилъ, вродной стая,
Передъ лицомъ своихъ дружинъ,

И почему, о вождь избранной,
Ты убьгаешь славы бранной?

XXIII.

И. Андрей.

Что слава? ложка скудель,
Румянецъ тлѣнья листопада!
Она добыча! не награда
И душъ и дѣлъ, пробившихъ цѣль!
Падутъ владѣльцы величавы,
И въ позолоченыхъ гробахъ
Сіянье сѣверное славы
Не согрѣваетъ хладный прахъ,
Не придаетъ душѣ покою:
Вѣка тяжелою пятою
Сотрутъ златыя письмена;
Изроетъ плугъ гробницъ обломки
И нерадивые потомки
Забудутъ славныхъ имена!
Скажи мнѣ: кто такіе были
Вожди безтрепетныхъ Славянъ,
Когда они съ подпочныхъ странъ
Предѣлы Римскіе громили?
Не толь мы армія! вблизи, вдали,
Окрестъ великіе народы,
Шумя побѣдами; тогда
И, какъ весной нагорны воды,
Исчезли вдругъ съ лица земли!

Гдѣ имя ихъ? гдѣ слышны рыданья?

Гдѣ слава жизни боевой?

Лишь развѣваетъ вихрь стеной

Ихъ безотвѣтные курганы!

И не про всѣхъ поютъ баллады,

Звѣзды возвышенной смны,

И тонуть въ безднѣ быстрины

Ихъ мимолетныя творенья!

XXIV.

Но пусть живыя пѣснопѣнья,

Иль темный лѣтописей гласъ

Заронять въ пепель забвенья

Хоть искру памяти объ насъ...

Заплатить ли цѣну неканій,

Цѣну кровей въ устахъ преданій

Однѣмъ прищѣвъ, однѣмъ рассказъ?

И можетъ быть, лѣтописатель,

Таясь въ глуши монастырей,

Теперь на подвиги князей

Пристрастный оныхъ наблюдатель,

Наводитъ лесть, слагаетъ брань,

Друзей народа обезславить,

Злодѣевъ доблестью оправить,

И ложную накличетъ дань

На ихъ главы отъ позднихъ братій

Рукоплесканій и проклятій.

Достойно ль жаждать славы сей,

Подруги смѣлаго порока,
Невольницы хотѣній рока,
Случайной прихоти людей!!
Не ей, — общественному благу
Я посвятилъ мою отвагу,
И лейтесь вѣки вельдѣ вѣкамъ
За улетающимъ мгновеньемъ!
И смерть по жизненнымъ путямъ
Запороши мой слѣдъ забвеньемъ!
Но если я, въ долину тмы,
Хоть сердце шаткое исправилъ,
Хотя немногіе умы
Любить прекрасное заставилъ;
Когда лучемъ душевныхъ смлъ
Законы правды озарилъ,
Когда благія увѣщанья,
Иль безупречный подвигъ мой
Взойдутъ незнаемой виной
Великодушнаго дѣянья....

XXV.

Я не изчезъ въ бездонной мглѣ,
Но сѣдиной вѣковъ юнѣя,
Раскипуть благомъ по землѣ,
Воспламеняя и свѣтлѣя!
И прокатясь ключемъ съ горы,
Нодъ снѣжною славы безъмянной,
Столь отдаленной и желанной,

Достигну радостной поры,
Когда, познавъ законъ природы,
Завѣтный плодъ, во мглѣ времени
Людми посѣянныхъ сѣмянъ,
Пожнуть счастливые народы!
Когда на землю снидуть вновь
Покой и братская любовь,
И свяжетъ радуга завѣта
Въ одинъ народъ весь смертный родъ,
И Вѣра все предѣлы свѣта
Волной живительной сольетъ,
Какъ море благи и свѣта!
Въ надеждѣ сей, Романъ, познай
Мою сладчайшую отраду,
Мою молву, мою награду,
Мое безсмертіе и рай!!

XXVI.

Умолкъ. Чело его сіяло,
На небо свѣтлый взоръ летѣлъ,
Какъ будто онъ сквозь покрывало
Лице Грядущаго узрѣлъ.
И внемля рѣчи вдохновенной,
Мечтатель, сердцемъ восхищенный,
Дань убѣжденія принесть
Невольныхъ, по отрадныхъ слезъ.

XXVII.

Межъ тѣмъ, покинувъ поведѣ шумный,
И нелюди въ одиноку,
Доволенъ твоей, какъ самъ пероно,
Съѣзжаетъ Любомиръ злоумный;
И вотъ спѣшитъ къ нему вѣдокъ,
Питомецъ гибельной науки,
Дружинной сотникъ, Вовулавъ.
Они встрѣчаются, — внимай
По вѣтру зыблемые звуки.

Бегуславъ.

Ты въ черный день пустился въ даль;
Стреманный твой добыча звѣра.
Мнѣ удалова, право, жаль:
Надежныхъ слугъ важна потеря;
Онъ переломанъ. Говорать,
Ему не жать.

Давомиръ.

Дюонъ радъ.

Когда окрѣпли зданья сводимъ,
Подпоры только въ шпильки водимъ.
Я радъ, что саудыи полетъ
Завѣлъ грѣшныи; это въ слѣдъ.
Ты былъ? ты видѣлъ?

Ботуславъ.

Всѣ готовы.

За наше дѣло возрастъ
Олай, Стенадъ, Гараладъ суровый.

Любови и грѣ.

Я зналъ, что въ золоту ланка
Варяговъ мѣдная рука.
Люди въ безъ рада и отчизны
Какія страшны укоризны,
Какая нивость не легка?
По насъ — милѣй властью награда,
По нихъ — преданое Всеграда.

XXVIII.

Богуслаѣ.

Такъ, Любимаръ, въ его нослѣ
Твоихъ собратѣи щуть взоры
И завѣреня и опоры.

Богуслаѣ.

И нѣтъ стыда на злѣ чель?
Тенерь оглядываться поздно.
Надежда смѣлыхъ — не въ полкъ,
Она въ рѣшительности грозной,
Въ своей душѣ, въ своей руцѣ,
Но храбрости отъца иврной
Досель не зрять, что сей Родъ
Защитникъ пламенный и вѣрный
Младаго князя Киевляна.

Богуслаѣ.

Но другъ ли нима?

Любови и грѣ.

О, милоу иврный!

Онъ долженъ быть, онъ будетъ имъ.

Какой мудрецъ изъ выгодъ міра

Не сотворить себѣ кушира?

Б о г у с л а й.

Онъ на корысть не уловимъ.

Л ю б о м и р ъ.

У всехъ въ умѣ одно и то же:

Кривясь — продать себя дороже.

Пускай богатъ и молодъ онъ,

Пускай не думаетъ о власти;

Но развѣ тихой славы звонъ

Плохой будильникъ юной страсти?

Когдажъ и сей напросенъ жовъ,

Волшебный ключъ: «за край отцовъ!»

Доводить этихъ безкорытныхъ

До злодѣяній ненавистныхъ.

Но онъ готовъ: и злато чашъ

Хранить дыханье прежней власти;

Поклонникъ ещотливой отваги,

Любимецъ власти — будетъ нашъ.

XXIX.

Б о г у с л а й.

Но для чего жь Романъ доведъ

Не нависенъ о зрѣнокъ дѣвъ?

Намъ дорогъ часъ и дорокъ онъ

Любовириъ.

А мнѣ успѣхъ всего дороже!
Не первенство ли за поклонъ
Ему отдать! Избави Боже!
Я знаю гордость пришлеца:
Онъ слово подвигомъ оцѣнитъ
И въ думъ Всеволода смѣнитъ
Мой трудъ — удѣлкою мѣстца!
Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ! Романы одной
Последній и въ мѣсядній часъ
Услышитъ заговора гласъ,
И будетъ онъ съ своею дружиной
Его красой, а не дружиной.
И впередъ; — такъ юный мѣлъ
Пугается крени ударомъ,
Но обезумленный пожаромъ,
Отважно прыгаетъ въ огонь.
Межъ тѣмъ призываетъ бояры
Ты возвѣстишь: «посалъ Романы
За нихъ со властие княжюю»
Предъ вѣчнозубкою толпою
Благотворителемъ обманъ.
Скажи: «успѣхъ вѣнчаетъ дѣло,
Онъ тамъ, гдѣ начинаютъ сѣло.
Намъ жить, намъ поизать — только дѣны;
И нѣтъ спасенья въ аемъ страха.
За нами гибельная олаха,

Предъ нами — счастья ступень!
Слѣши!»

XXX.

Въ туманъ возрастая,
Домой онъ медленно потекъ.
Предъ нимъ густѣла тьма ночная,
Какъ за кончиной грозный звѣкъ!
И палъ боязни хладный иней
На сердце, полное гордыней.
Невольной памяти упрекъ
Во слѣдъ ему разсѣялъ тени
Ихъ презираемыхъ видѣній:
Звучить могилою земля,
И кличетъ эллина, словно совѣсть,
И шепчетъ листъ о казни повѣсть,
И тяжекъ стонъ коростеля.
Такъ озирался и блѣднѣя,
Во мгль, какъ въ саванъ, онъ былъ.
Подобенъ групу чародѣя,
Когда сей выходецъ могилъ
Едва почуветъ лучъ холодной,
(Въ очахъ молвы простонародной
Велѣнiемъ подземныхъ силъ),
Покинувъ тихое кладбище,
Стремится въ мiръ за адской пищей,
И въ блѣдной синевѣ лица
Недвижныя мерцають очи,

Часть XI.

5

Какъ свѣтляки во мракъ ночи, —
И кровь — уста у мертвеца :
Блуждаетъ онъ, объятый иглою,
Грезя окрестностямъ бѣдою

.

1827 года.

Конецъ второй главы.

Въ этотъ вечеръ

М. С. С.

Отрывокъ изъ V пѣсни.

Въ святой одеждѣ ашмугриша
Течетъ Андрей. На ложѣ сна
Полусокрыта, полузрима
Лежить окольная страна.
И потопляетъ крылья стана,
Волна прозрачнаго тумана,
И сквозь него въ стеклы рѣки
Едва играютъ огоньки,
Едва бѣлѣютъ въ безпорядкѣ
Восначальниковъ палатки,
Подобно крыліямъ ладей,
Подобно стаѣ лебедей.
Вдали княжеское знамя дремлетъ.

И кисти дренка, въ вышнѣхъ,
Струей невыблемой объемлетъ,
И все окрестъ въ глубокомъ снѣ.
Но не затихнула покоемъ
Страстями вспѣнная кровь.
У тѣхъ чело пылаетъ боемъ
На тѣхъ улыбка и любовь.
И снова ратниковъ заноситъ
Крыло мечтаній въ пламя сѣчь,
И снова длань хватаетъ мечъ,
И снова сердце славы проситъ.
— Онъ шель. Кругомъ снѣбла степь,
Вдали уснувшій станъ военной,
И дымъ огней и стражей цѣпь,
И стражей окликъ поврежденной,
И бой конныхъ и звоны оковъ
Неукротимыхъ жеребцовъ.
Бойницы близки : князь на волю,
Но медля въ думъ роковой,
Онъ ноетъ тяжкою тоской,
Предъ нимъ вечерней битвы поле,
Едва луной озаренъ
Сверкаютъ шлемы и кольчуги,
Тѣла во прахъ и въ кровь,
Теперь узнай и назови
Кто недруги твои, кто други?
Мечи въ ихъ раны вонзены,
Впились въ крованы.

И темной рабъ , и вождь избранной
Пробиты сталью троегранной,
Къ сырой землѣ пригвождены.

Коня могучаго стремленье
Въ полетъ смерть перегнала,
И боя гордое хранище
Съ ноздрей широкихъ сорвала . . .

Онъ палъ. Недвижны удлиа
Блзютъ ивной блоснѣжной,
Какъ послѣ бури пенъ прибрѣжной,
Какъ вихремъ сбитый виноградъ
Во прахъ юноши лежать.

Умчался жизни духъ крылатый,
Въ очахъ последняя слеза,
Погусли ршнчаню латы,
По лицамъ хлещетъ роса;
Но дышетъ гнвомъ ихъ краса,
И затекли печатью крови
Укоромъ сдвинуты брови.

1827

ДУМА СВЯТОСЛАВА,

(Изъ V пѣсни кельи Андрей К. Перв—ій.)

... Съ тѣхъ поръ война, заводяще
И пламень селъ и битвы, кровь,
Мое первѣйшее желанье,
Моя послѣдняя любовь!
И вѣрю я, что славы сына
Не гаснетъ сердце и въ ниллѣ,
И душу, хладная кончина
Не вдругъ отвѣтетъ отъ земли;
Но зѣмь, но вѣтру носимыя,
На нить страстей прикрѣплена
Надъ ниллѣмъ ей, крылохъ незримыхъ,
Она летать обречена.
Какъ величаво, какъ отрадно
Привычки славныя храня

Мой сильный духъ, раздолья жадной,
Какъ взоръ ума, какъ лучъ огня,
Помчится по полю видѣній,
Неумолкающихъ сраженій,
Съ громами, съ вихрями сліянь!
Я полюблю въ часы ночные,
Будить тревогой снащій станъ,
Вздувать знамена боевыя,
Стрелить каленую стрѣлу,
Вдыхать трубъ побѣды звоны,
Кликъ боя вторить, падшихъ стоны,
И славнымъ витязямъ хвалу!
То, скуча, въ мирный парусъ вѣять,
Иль въ облакахъ орла летѣять,
Иль раздуть степной туманъ.
Низграну въ кровли крупнымъ градомъ,
Сорвусь съ утеса водопадомъ,
Огнистой радугой вѣичанъ . . .
Иль надъ поморія странюю,
Въ столбъ ужаснаго смерча,
Взовьюсь на Стрибога* войною,
Брыломъ свиста и грохоча,
Сквозь тучъ нѣа валы съдме,
Вторгая кедры въковые.

1827.

* Русскій богъ вѣтровъ.

The first part of the book is devoted to a general survey of the history of the world, from the beginning of time to the present day. The author discusses the various civilizations that have flourished on the earth, and the progress of human knowledge and art. He also touches upon the different religions and philosophies that have shaped the human mind.

The second part of the book is a detailed account of the life and times of the great men of the world. These are the men who have made the most significant contributions to human progress, and whose lives have served as examples for the rest of the world. The author describes their character, their achievements, and the circumstances under which they lived.

The third part of the book is a description of the various parts of the world, and the different climates, soils, and productions of each. The author also discusses the different customs, manners, and governments of the various nations. This part of the book is intended to give the reader a general knowledge of the world, and to show the diversity of human life.

The fourth part of the book is a collection of various anecdotes and stories, which are intended to illustrate the principles of morality and the virtues of the human mind. These stories are drawn from the lives of the great men of the world, and from the history of the world.

The fifth part of the book is a collection of various pieces of poetry, which are intended to show the power of the human mind, and the beauty of human language. These pieces of poetry are drawn from the most famous poets of the world, and are intended to give the reader a general knowledge of the art of poetry.

The sixth part of the book is a collection of various pieces of prose, which are intended to show the power of the human mind, and the beauty of human language. These pieces of prose are drawn from the most famous writers of the world, and are intended to give the reader a general knowledge of the art of prose.

The seventh part of the book is a collection of various pieces of history, which are intended to show the progress of human knowledge and art, and the different civilizations that have flourished on the earth. These pieces of history are drawn from the most famous historians of the world, and are intended to give the reader a general knowledge of the history of the world.

The eighth part of the book is a collection of various pieces of geography, which are intended to show the different parts of the world, and the different climates, soils, and productions of each. These pieces of geography are drawn from the most famous geographers of the world, and are intended to give the reader a general knowledge of the geography of the world.

The ninth part of the book is a collection of various pieces of natural history, which are intended to show the different kinds of animals and plants that inhabit the earth, and the different ways in which they live. These pieces of natural history are drawn from the most famous natural historians of the world, and are intended to give the reader a general knowledge of the natural history of the world.

The tenth part of the book is a collection of various pieces of political history, which are intended to show the different forms of government that have existed on the earth, and the different ways in which they have been managed. These pieces of political history are drawn from the most famous political historians of the world, and are intended to give the reader a general knowledge of the political history of the world.

The eleventh part of the book is a collection of various pieces of social history, which are intended to show the different customs, manners, and governments of the various nations. These pieces of social history are drawn from the most famous social historians of the world, and are intended to give the reader a general knowledge of the social history of the world.

The twelfth part of the book is a collection of various pieces of literary history, which are intended to show the progress of human knowledge and art, and the different civilizations that have flourished on the earth. These pieces of literary history are drawn from the most famous literary historians of the world, and are intended to give the reader a general knowledge of the literary history of the world.

1788

МЕЛКІЯ
СТИХОТВОРЕНІЯ.

1912

THE ALL-YEAR ONLINE

КЪ НЕКОТОРЫМЪ ПОЭТАМЪ.

Одны следовники мои — образцы!

Столь многихъ мелочей тяжелые творцы,
Премаленькихъ сташковъ, комедій, преострой-

Идиллій, пьесенокъ, трагедій неотомныхъ,

Что народными все-зублика зоветь,

Хоть смотреть, но труда прочесть никакъ не

Вы, кои прихотью зашуйливыя музы,

Поэтовъ стряси чужихъ душою (русскихъ узы),

Вы торжествуете на дамъ деревенскихъ (← шить),

Вдуси кошмий царствую, таланты — иль (рыль)

! лежать.

Съ израсфисенныхъ давно иль (зден) умами!

Мы восхищались Державина стихами?
Давноль фонтъ Визину театръ рукописалъ?
Давно ли Дмитриевъ гармоніей плѣнялъ?
Но вамъ благодаря, на высотахъ двухолмныхъ,
Мы судимъ иначе поэтовъ многословныхъ:
Теперь Глушениусъ взялъ верьхъ надъ Княж-
нинымъ

И Мевія зовутъ Гораціемъ вторымъ.
И словомъ всѣ жильцы Пермесской колыбели
Судить самихъ себя Архонтами засѣли:
Въ таланты жалуютъ, бессмертіе даютъ,
А геніевъ у насъ и куры не клюютъ!

Блаженны времена, украшенные вами,
Обильны славными ничтожества трудами,
Смотрите, радуйтесь, какъ въ пѣдрандлахъ
столицъ.

Питонцы Февомы и девяти сестрицъ,
Въ сомнамбулическомъ жару летя за славой,
Поправь патюю вкусъ, грамматику, умъ здра-
вой,

Стремятся генію невѣдомой стезей,
На верьхъ Парнасскихъ горъ безтрепетной сто-
пой,

И такъ собраніея редушею вазагой,
Будетъ храмъ калити измаранной бунатой.
О други! самъ восторгъ мнѣ равнѣ сію приу-
шилъ!

Онъ къ подражанію въ меня охоту шлеть.

Бросаю автора застычивость межъ нами :
Я стою равными вѣнчаться похвалами,
Подобно вамъ, друзья, и я пишу стихи,
Чтобъ рифмою прикрыть невѣжества грѣхи.
Мы въ многомъ различны, но въ главномъ о-
чень сходны :

И ваши и мои творенія негодны.
Линь превращенію благодаря въ унахъ,
Творецъ влийте вы на палыхъ парусахъ
Въ заливъ безсмертіа, подъ флагами забвенья.
Отъ васъ жалѣть міръ о выдумкѣ тисненья ;
Журналы, зрители, чтецы трепещутъ васъ . . .
Но дребезжащій мой слабѣть хвальный гласъ !
Прославить можете ли безцѣнныхъ радъ тво-
реній .

Едва изъ сворлумы рождающійся геній ?
Но ль ободренію ревнул чуждыхъ дѣлъ,
Для вашего вѣнца и лавръ оцѣнять хотѣлъ ;
И тщетно пробѣгала долины Геликона ;
Тамъ люди сѣдаго испорченного тона :
Державинъ, Дмитриевъ, Жуковский и Крыловъ,
Тамъ авторъ Душеньки, тамъ Карамзинъ, Ко-
стровъ . . .

Давно ужъ вырвали не только лавры — розы,
Оставивши для васъ репейникъ, ялицы и лозы.

1819 года.

Ядъ, казнь, вѣкъ смертей мучениа жертвы;
Намъ мало бѣды, мы къ намъ прибавили но-
востей, а старыя не оставили;
Новизна: сила адель, богатству предана;
Нѣтъ добродѣтели; честь въ откупъ отдана;
Источники забавъ отъ пресмыченнаго мучны;
Мы стары въ двадцать лѣтъ, а въ пятьдесятъ
распутны;
Бракъ безъ любви; любовь найдете ли вы гдѣ?
Почтенье въ женщинахъ потеряно вездѣ;
Деланье не амантиса, въ заблужденіи обиты;
Благотворенныя помыслы — одишь газетны;
А проза и стиховъ неспособенъ малой обрядъ.
Вся оудата: о щцахъ, всегда наизворотъ,
И словенъ чуждѣи въ мнѣ въ мнѣ: злу под-
вѣтъ, а не въ мнѣ;
Вся люди любима въ мнѣ, и мнѣ въ мнѣ;
Люди мнѣ,
Люди мнѣ,
Прекрасно! — мнѣ: вѣрна картина жизни сей;
Но сходства, думаетъ, ты сажь не видишь въ ней.
Я гнѣву твоему не нахожу причины.
Борьбою въ вреніяхъ, мой другъ; доводи
Воспаренъ; оженитъ, шейдутъ мнѣ: твои слова;
Жизнь особиль: Москитъ, не води не хоритъ;
Войны: жезломъ ступи: раздоры: чироманна;

Но мира твердаго навѣрно ожидаю.

Что многие должны, согласенъ я съ тобой;

Зачѣмъ же вѣрять имъ, гоняясь за лихвой?

Бракъ безъ любви, — спроси жену мою объ
этомъ.

Любови нѣтъ нигдѣ? Мнѣ Соезюшка откѣ-
томъ.

Кокетки женщины? — Въ томъ нѣтъ большой
внимъ.

Онѣ намъ, правннхъ на свѣтъ сотворили.

Забавы ложны всѣ? Но часто нескъ дружныи,

Ты радости небесъ вкушала медъ небесни.

Есть жаднѣ стихи? по разнѣ Аполлонъ

Намъ все печатное читать сирѣчь законъ?

Ходъ ридно мы нѣтъ поэзіи сбараемъ,

Но иногда стихи прекрасные читаемъ.

Системы ложныа умы вскружили намъ?

Всѣ заблуждаются! — тому примѣръ ты
самъ.

Смягчи свой гнѣвъ, мой другъ, будь прямо
безпристрастенъ.

И знай, что человекъ ни злобенъ, ни неспа-
стенъ.

Конечно нику я, какъ ты, какъ всякъ другой,

Есть зло, но есть за то и благо подъ луной;

Я благомъ пользуюсь, а зло снѣтъ стараюсь,

Но мнѣ нѣтъ тлѣмъ и нѣтъ удивляюсь.

Напрасны жалобы: не больше ли зло?

Не мнужь собой, мой другъ, хулителей чи-
сло;
Небесной мудрости познай законъ священ-
ной,
И вѣрь, что создано все къ лучшему въ все-
ленной.

1819 года.

С А А Т Ы Р Ь.

ЯКУТСКАЯ БАЛЛАДА.

Не вѣтеръ вздыхаетъ въ ущельѣ горы,
Не камень слезится рососою
— То плачетъ Якутъ до полночной поры,
Склонясь надъ женой молодою.
Ужъ пятую зорю томится она,
Любви и веселья подруга,
Безъ капли воды, безъ цѣлебнаго сна,
На жаркой постели недуга:
Съ румянцемъ ланить лучъ надежды погасъ:
Какъ воронъ надъ нею погибели часъ.

Умолкните, чаръ и моленія вой
И бубновъ плачевные звуки ?!
Съ одра Саатырь поднялась головой,
Простерла поблеклыя руки :

И такъ, какъ водъ снѣговъ рощанае ручья,
Какъ звонъ колокольниа далаиной ?
Струится по воздуху голосъ ея;
Внезапге вы рѣчи прощальной;

Священъ для живихъ предсмертнй завѣтъ:
У гробныхъ дверей ласкаириа пѣтъ!

«О други! уидеть ли журавль отъ орла?
Отъ нуля бмстроговя козы?
Коль смертнйа тѣнь нѣтъ на сердце легла,
Прильютъ ли дыханя слезы?
О лужь мой — не плачь: намъ судьба нѣрекла
И въ бракъ разлучную долю.
Но воля твоя я доселѣ жила,
Исполни теиерь мою волю:

Помой и завѣтъ перушино храня,
На горномъ холмѣ схорони ты меня!»

«Не вѣдай мой гробъ на льеной вышннѣ
Духанъ, многогодамъ забавой;
Въ роднкой землѣ рой могилу ты нѣтъ,
И кровлей замкни величавой.

Вотъ слово еще, рожное оно:
Едва я дышать перестану,
Сей шареиъ возьми и ступи въ стремено,
Отдай его князь Буидукану.

Разгадаи нѣтъ къ тому не желья, не слѣди
— Тайна эта въ носѣ повербетаи гудя!»

И смерть осбила большую крылені,
Сомкнулась зажсала вѣжды;
Казалось, она забываетъ иномъ
Въ объятіяхъ орадной надежды;
Съ дымканіемъ устъ замирали слова,
И жванъ улетѣла съ звукомъ.
Огрнувъ стрѣлу, такъ звенитъ тетива,
Могучимъ расторгнута лукѣмъ;
Родныхъ поразилъ шумляющій страхъ...
На сердцѣ тоска, и слеза на очахъ.
Убрали. Поднякъ подобіемъ струй
Текуть на богатые шубы
Но грузи не лата — стгы родныхъ поѣтлуи
Не сходить на блѣдныя губы
Лишь смѣло къ одру подходитъ Будущая
Однѣ, и стоголо возыбкой
Онъ обнялъ ее не смущенъ и румянъ,
И выпала съ надменной улыбки
И чудилось нѣтъ. Сагыръ слово,
Какъ смертнымъ блескомъ на мигъ расцѣло!...
На утре, едѣ. Лоша; мечь биннами ебрь
Течеть подъ зазѣсей туманомъ,
И звѣтарь, буда поглазающій борту
Качаетъ гробани манановъ
При клань родныхъ Сагыръ приносилъ
Въ красивой крысцѣ ядровой

И туча, развратное лето земли,
Сомкнулась надъ жертвою новой.
И дымъ и жень, и старый и младъ,
Въ улусъ потекли озирася насады.

Вскипѣли котлы, задымилася кровь
Коней — украшенія стада,
И брызжетъ кумысъ отъ широкихъ краевъ,
Онъ счастья и горя услада;
И шумно, кругомъ, упоенья кумирь
Ахъ пробѣгаетъ бездонный,
Ужъ вянеть заря. Поминательный пиръ
Затихъ. У чувала ° склоненный
Кругъ сонныхъ гостей возлежитъ недвижнмъ,
Лишь въ юртѣ, синѣя, волнуется дымъ.

Обычари кудри цвѣтныхъ тальниковъ
Росниками вѣчи осенней,
И вышета залонь холмовъ и луговъ;
Усерднѣ извѣстившихъ тѣсей;
Вотъ мѣсяцъ надъ теменемъ сумрачныхъ
Вспрѣкудъ набаргой аласторой,
И лучѣ одиночій по Ленѣ унашь
Виднвлять блестящей дорогой:
По мхамъ, по тропамъ зановѣднмъ поимъ
Мелькають онѣ сквозь прозрачный туманъ.

Что крикнулъ испуганный вранъ на скалѣ,
Блюститель безмолвія ночи?
Что испрости смилость и меркнуть во мглѣ
Огнистыя зѣлныя очи?
Не адскій ли по лѣсу рыщетъ вѣдокъ,
Заглохшей шаманскою тронкой?
Какъ бубень звуча, отражаемый скокъ
Гудить по окрестности робкой. . . .
Вотъ кто-то причался — онъ блѣденъ лицомъ,
Какъ идолъ стоитъ на холмѣ гробовомъ,

И прынулъ на землю; ударъ топора
Раздвинулъ затворъ надъ могилой,
И молвить онъ мертвой; «подруга, пора!
Женихъ дожидается милой!
Воскресни для новыхъ веселія дней,
Для жизни и счастья. Кони
Учитъ насъ далеко — и въперъ стеной
Завѣтъ слѣды отъ погоды. . . .
Притворной кончиною вольная вдова,
Со мной ты найдешь и покой и любовь».

«Тыль это, о милой? о князь Буйдукакъ!
Какъ кѣсно казалось мнѣ время!
Какъ душно и страшно мнѣ было! Об-
манъ.
На сердце палегъ будто бремя! . . .
Роса мнѣ катилась слезами родныхъ, .

На вѣтрѣ — ихъ стонъ безотрадной!
И черви на мѣсто перстней золотыхъ
Вилась — и такъ смѣло, такъ жадно! . . .
Вся кровь моя стынетъ — а близко ли нуть?
О милой, согрѣй мнѣ въ объятіяхъ грудь!»

И вотъ поцѣлуешь таинственный звукъ
Подъ кровомъ могильной святыни,
И сладкія рѣчи . . . но вдругъ и вокругъ
Слетѣлися духи пустыни,
И трупы шамановъ свались въ хороводъ,
Ударили въ бубны и въ чаши¹¹
Внимая трепещутъ любовники! вотъ
Имъ вопять: «вы наши, вы наши!
Не выдастъ могла схороненный кладъ;
Преступниковъ духи караютъ, казнятъ!»

И падаютъ звѣзды, и прыщеть огонь . . .
Исуганный адскою долей
Хранить и кидается бѣшеный конь
На кровлю — и рухнула кровля!
Вдали огласился раздавленными стонъ . . .
Погибли. Но тѣнь Саатыри
Донныя пугаетъ измѣчанныхъ женъ
По тундрамъ Восточной Сибири.
И ловчій, когда разливаются тма,
Въ боязни бѣжитъ роковаго холма.

1828 года,

...
...
...
...
...
...

...
...
...
...
...
...
...

Шебутуй,

(ВОДОПАДЪ СТАНОВАГО ХРЕБТА).

Стеней, шумя, потокъ пустынной,

Неизмѣримый Шебутуй,

Сверкай отъ высоты стремлиной

И кудри пѣнныхъ волнуй!

Туману ручьи и марши,

Но лодка талыхъ громадъ

Въ гранитной эбелки колыбели

Тебя перунами восты

Но пробужденный стелы затвори

Льдяныхъ пеленъ дредедль,

Играя скачешь съ горъ на горы,

Какъ на ловитвѣ юный левъ.

Какъ дивная мазъ лѣчной урны,
Какъ вода, затекающая путь,
Ты навсерегашь, лодны бурны
На халидедонскую грудь.

И надъ тобой краса природы,
Блестя какъ райской птицы хвостъ,
Склоняетъ радужные своды,
Полувоздушныхъ переловъ мостъ.

Орелъ по громовой дорогѣ
Кунаетъ въ радугъ крыльцъ,
И серна, преклоняя роги,
Глядится въ зеркальной скаль.

А ты, клубя волною шибкой,
Потока юности быстрѣй,
То блещешь солнечной улыбкой,
То меркнешь грустію твней.

Катись подъ роковою силой,
Неукротимый Шebutуй,
Твое роптанье — голосъ милой
Твой ливень — братній поцѣлуй.

Когда громамъ твоимъ внимаю
И въ кудри льется брызговъ пыль,
Невольню я припоминаю
Свою таинственную былъ.

Тебя подобно, гордым, глумлюсь
Отъ твоемъ родителъ сайди, глуми
Всклещи стрелно безупрочно и
Я въ бездну тубеи чуждыхъ сн

Зачѣмъ же моего паденья, ален и
Какъ твоего паденья думи; и
Дуга небеснаго прощенья
Не оверить лучемъ своимъ и

О жребій? (если въ этой жизни,
Не знать мнѣ радости; вѣща
— Хоть подлей пилатю обрѣни
Могилю тихую пѣща:

1829 Май.

Дорогой мой другъ,
Получилъ твою любезную записку
и очень радъ, что ты находишь
время писать ко мнѣ. Я вѣрю,
что ты будешь здоровъ и веселъ.
Я же все еще такъ же слабъ,
какъ и прежде. Но я надеюсь,
что скоро поправлюсь. Прощай,
мой другъ. Я люблю тебя и
желаю тебе всего хорошаго.
Твой искренній другъ,
А. С. Пушкинъ

17

законѣхъ шельжъ мнѣхъ, мнѣхъ ои
загодъ нѣхъ, атедѣхъ акрѣхъ.
зкомонѣхъ нѣхъ, атедѣхъ акрѣхъ.
загодъ нѣхъ, атедѣхъ акрѣхъ.
мнѣхъ ои, мнѣхъ ои, мнѣхъ ои

законѣхъ шельжъ мнѣхъ, мнѣхъ ои
загодъ нѣхъ, атедѣхъ акрѣхъ.
зкомонѣхъ нѣхъ, атедѣхъ акрѣхъ.
загодъ нѣхъ, атедѣхъ акрѣхъ.

ФИНЛЯНДІЯ.

Посвящено А. А. З. . . . му.

Я видѣлъ васъ, граниты въковые,
Финляндія угрюмое чело,
Гдѣ юное твореніе, впервые,
Негнѣнною развалиной взошло,
Страхнувъ съ раменій Балтическія воды,
Возникли вы, какъ остовы природы!
Тамъ рыщеть волкъ, отъ глада свирѣпѣя,
На черепѣ тамъ норшунъ точитъ клевь,
Печальный нохъ мерцаетъ слѣдой змѣя,
Тренецетъ ель пролетомъ облаковъ;
Туманы тамъ — утесовъ неизмѣнны
И дышуть въкъ прохладю осенней.

Не смущены долины жизни шумомъ;
Испытаниемъ съдѣетъ дальній боръ;
Уснула тѣнь въ величїи угрюмомъ
На зеркалѣ неизблемыхъ озеръ;
И съ крутизны въ пустынные заливы,
Какъ радуги бѣгутъ ключи игривы.

Тамъ силой водъ пробитыя громады
Задвинули порогомъ пѣнный адъ,
И въ бездну ихъ крутятся водопады
Гремучіе, какъ воющій набатъ;
Имъ вторить гулъ — жилаецъ пещеры дальней,
Какъ тажкій млатъ по адекой наковальи.

Я видѣлъ васъ! бушующее море
Вздыхалося въ губительный потокъ,
И мощное, въ неодолимомъ спорѣ,
Дробилося о крѣпость вашихъ стоѣ;
Вамъ жаркіе и влажные перуны
Нарѣзали чуть видимыя руны.

Я понялъ ихъ! на западъ сіяло
Свѣтило дня, злата ступени скалъ,
И океанъ, какъ вѣчности зеркало,
Его огнемъ живительнымъ пылалъ,
И древнихъ горъ завѣтныя скрижали,
Имъ дивныя пророчества роцтали!

1829 года.

Ч Е Р Е П Ъ .

Кончины памятникъ безгробной!
Скиталець — черепъ, возвѣсти :
Въ отрадуль сердцу ты поверженъ на пути,
Или уму загадкой злобной ?

Не ты ли мость, не ты ли первой слѣдъ
Надъ океаномъ правды улыбкой ?
Привѣтъ ли мнѣ или горестной отвѣтъ
Мерцаетъ нодъ твоей ужасною улыбкой ?

Гдѣ угаенъ твой заповѣдный ключъ,
Замокъ безсмертныхъ думъ — в тѣньяхъ ?
Въ тебѣ угасть отвѣтной лучъ,
Окрестъ меня туманъ сомнѣнья.

Ты жизнью кипѣлъ, какъ праздничный фѣялъ,
Теперь лежишь разбитой урной,

Вънокъ понятія увялъ

И прахъ ума развѣялъ вихорь бурной!

Здѣсь думы въ творческой тиши

Роилися, какъ звѣзды въ поднебесной,

И молнія страстей сверкала изъ души,

И радуга фантази предестной.

Здѣсь нѣжный слухъ вкушалъ воздушный паръ,

Восхищенъ звуковъ стройнымъ хоромъ,

Здѣсь отражался пышный міръ,

Бездоннымъ поглощенный взоромъ.

Гдѣжь знакъ твоихъ божественныхъ страстей,

И силъ и замысловъ, грань міра облетѣвшихъ?

Здѣсь только слѣдъ презрительныхъ червей

Храмъ заустѣня, презрѣвшихъ!!

Гдѣжь доблести? отдай мнѣ гроба дань,

Познаній свѣтлыхъ темный вѣстникъ?

Тыль бытія таинственная грань

Иль духъ мой въ чуждой ровесникъ?

Молчишь! но мысль, какъ вдохновенный сонъ,

Летаетъ надъ своею покинутой отчизной,

И путникъ, въ грустное мечтанье погруженъ,

Даритъ тебя землѣ мирительною тризной.

... шок, ошраомте эардэ,
... шок, а олол шидоф, агош
... шок, шокор, и отогол арок эш
... шок, шидево, аарин шидевош
... шок, шидево, аарин шидевош
... шок, шидево, аарин шидевош
... шок, шидево, аарин шидевош
... шок, шидево, аарин шидевош
... шок, шидево, аарин шидевош
... шок, шидево, аарин шидевош
... шок, шидево, аарин шидевош

ЧАСЫ.

И думъ и дѣль великихъ дары,
Часы, вышше, лань шидево, страшенъ,
Въ коропъ пламенной зары,
На высотѣ шидево, шидево,
И взоръ шидево, шидево,
Горить, неотраженъ шидево,
И сердце времени въ безчувственой прудѣ,
Чуть дышется шидево, шидево,
Оживлены чугуною стрѣлой,
На васъ таинственные рожи,
И оглашаетъ шидево, шидево,
Земль небесныя урочища,
Но блескъ, погаслошь шидево, шидево,
Звучить и озаряетъ даромъ,
Подобно молніи невѣдомыхъ письменъ,
Начертанныхъ предъ Валтазаромъ.

Летучее мгновение лови,
 Поеть любимцу голосъ лести:
 Въ немъ золото и ароматы чести,
 Послѣдній ширь, свиданія любви
 И наслажденья тайной мести.
 И въ думъ вѣтъ, что упований прахъ
 Дыханье времени уноситъ,
 Что каждый маятника взмахъ
 Цвѣты невѣрной жизни коситъ.
 Заботно времена шаги считаетъ онъ,
 И бой къ веселію призывный,
 Еще не смолокъ металла звонъ
 А гдѣ же ты, мечты помлонникъ дивный?
 Оковацъ ли безбрежный океанъ
 Вънцомъ валовъ, — минутной вѣной?
 Двѣямъ ли дней далекъ побѣдный санъ
 Надъ волей вѣка неизмѣнной?
 Безумецъ кликъ: хочу, могу.
 Вознесъ Наполеонъ стропилую десницу,
 Сдержатъ мечтая на бѣгу
 Стремилую вѣками колесницу;
 Она промчалась! гдѣжь твой мечъ?
 Гдѣ прахъ твой, полубогъ гордыня?
 Твоя молва — орканъ пустыни,
 Твой слѣдъ — поля напрасныхъ сѣчь.

.

ВЪ ДЕНЬ ИМЯНИНЪ

Ахъ. Ив. М й.

Невольный гость въ краю лужбины,
Забывшій свѣтъ, забывшій лѣсъ
Желалъ бы вамъ на именины
Цвѣтовъ прелестнѣйшахъ моднѣсть:
Они дыханію услада,
Они веселіе очей.
При нихъ бы мнѣ висать ненадо
Вамъ поздравительныхъ рѣчей!
Желанье счастья безъ пощады
Въ цвѣтахъ вы самибъ угадали . . .
Но ахъ! Якутская весна
Не зелена и не красна!
И здѣшній май холодной, дымой,

Одной поденѣжною брусьяной,
А не лидеями богатъ.

Природа спитъ, и въ полѣ цѣломъ
Я разжился однимъ пострѣломъ,
А я слыхаль, такой нарядъ
На именины не дарять.

И такъ по волѣ и неволѣ
Пришлось приняться за перо,
Хоть я забылъ въ угрюмой долѣ
Писать забавно и пестро.

Примитежь это благосмыленно,
И въ шумѣ праздничнаго дня
Не осудите вы меня

За мой привѣтъ простой и сонной.

Въ немъ правда — каждая черта;

При томъ же: ваца доброта

По слуху, по сердцу; и дома

И вчужь страннику знакома

Въ краю зныя и дружбы зныной

Повѣрите: только вы оды

Вашъ разговоръ гостепрѣимой

Напоминалъ друзьямъ и мнѣ

О незабвенной сторонѣ.

О будь же добродѣтель таме

И съ нею братъ ея — покой;

Какъ неизмѣнный часовой,

У сердца вашего на стражѣ,

Да никакой пещки зныя

Не хмуритъ тихій свѣтъ небеса,
И проводивъ веселый день,
По утру встанете вы сдравни,
Да будутъ ясны ваши очи,
Какъ небо юными звездами,
И необманчивы надежды,
И передъ вами все величье,
По крайній мѣрѣ хоть сироты,
Совѣтъ подруги чистъ и вѣренъ,
Знакомыхъ кругъ илицемѣренъ,
Неутомителецъ бостонъ,
Ни бальныхъ скринокъ ревъ и стонъ!
Когдажъ на берега великой,
На берега моей Невы,
Покниувъ край морозовъ дикой,
Стрѣлою полетите вы,
Да встрѣтить путницу родныхъ,
Безпечной юности друзья,
И все по сердцу не чужія,
И вся родимая семья
Благополучны и здоровы,
И пылки, и разлукой новы,
И смѣхъ, и радость и распрощь,
И сладкій дождь свиданья слезъ!!
Зачѣмъ же некра упованья
— Дожить до сладкаго свиданья
Въ груди моей погасла ты?
Но я ступилъ назъ за черты

Сороковерстного посланья.
И мнѣ и вамъ уныль-пора,
Болтливость моего шера,
Но знайте : это все сначала
По пунктамъ истина сдѣлана
Хоть неподкупна и строга,
Тутъ не сплетальнѣя лести ирумень
Вашъ всепокорнѣйшій слуга,
• • • • •

1828 года.

Е. И., Б ной

(Въ Альбомъ)

Зачѣмъ меня въ записки свѣ,
Тревожатъ лестныя вѣзвѣща?
Нѣтъ не поминку обо мнѣ,
Я жажду струй самолюбвѣдья!
Мое любимое давно
Во прахъ лѣтъ погребено,
Минувшихъ дней змѣнкой смѣтокъ
Хранить лишь бѣды мнѣ избытокъ
И радостей, которыхъ нѣтъ,
Неизвѣнно — хладный следъ.
Зачѣмъ, зачѣмъ же имъ жеман?
Мнѣ сердце пробудить опять!
Въ свои летучія сражания
Мою кручину записать?

Зачѣмъ? вамъ будутъ непонятны
 Страстей мятежныхъ письма
 И воли грозная волна,
 И прихоть думы коловратной,
 Которой сила, какъ стрѣла,
 Сквозь адъ и небо протекла.
 Но дайте года два терпѣнья
 И можете быть, какъ важный гусь,
 И я по' озеру смиренна
 Безстрастно плавать научусь.
 Когда съ порой мечтанья минетъ
 Вся поэтическая дурь
 И на душѣ моей застынетъ
 Кипучій слѣдъ минувшихъ бурь,
 Тогда поэта благоразумный,
 Безпечно сидя на мели!
 Я надѣбуюсь издали
 На тревоженнѣе жизни шумной;
 Тогда премилой вашъ альбомъ
 Я испещрю своимъ перомъ.
 И опишу омытые точно,
 Что я случайно или нарочно
 Извѣдалъ на своемъ вѣку:
 Печалей терны, счастья розы,
 Разлуки знойную тоску,
 И нѣжн. радости слезы,
 И своды небесъ и родомъ струй,
 И вѣчно перламутровый

Тогда, покоренъ вашей волѣ,
На Арзерумскаго нашу
Въ 15 пѣсень — даже болѣ
Я эпопею напишу.
За то позвольте мнѣ дотолѣ,
Скрѣпивъ измученную грудь,
Отъ ринемъ и гора отдохнуть.

1829 года.

Летомъ въ туманѣхъ, дымъхъ, вѣхъ,
Съ морякъхъ, съ морякъхъ, съ морякъхъ,
Съ морякъхъ, съ морякъхъ, съ морякъхъ,
Съ морякъхъ, съ морякъхъ, съ морякъхъ,
Съ морякъхъ, съ морякъхъ, съ морякъхъ,
Съ морякъхъ, съ морякъхъ, съ морякъхъ,
Съ морякъхъ, съ морякъхъ, съ морякъхъ,
Съ морякъхъ, съ морякъхъ, съ морякъхъ,
Съ морякъхъ, съ морякъхъ, съ морякъхъ,
Съ морякъхъ, съ морякъхъ, съ морякъхъ.

О С Е Н Ъ.

Палъ туманъ на море синее,
Листопада первенець.
И горить въ алмазахъ ннея
Горь безлнственннй вѣнець.

Тажко ходять волны хладные,
Буйно вѣтръ шумить крыломъ,
Только вьются чайки жадныя
На поморнн пустошъ.

Только блещеть за туманами,
Какъ созвздіе морей,
Надъ зыбучннн полянами
Стая позднннхъ лебедей.

Только съ хищностью уюрюю
Ихъ медлительной отлетъ
Надъ твердиною подзорною,
Дикой беркутъ стережетъ.

Все безжизненно, безрадостно:
Въ померкающей дали,
Но страдальцу какъ то сладостно
Увиданіе земли.

Какъ осеннее дыханіе
Красоту съ ея чела,
Такъ съ души моей сіяніе
Длань судьбины сорвала.

Въ полдень сумраки вечернія
Взору томному покой,
Общей грустью тупитъ терніе
Память родины святой.

Въѣ же пѣсней усыпительной,
Перелетная ятель,
Хладъ забвенія мирительной,
Сердца тлѣющаго цѣль.

Между мною и любимаго
Безнадежное — прости,
Не призвать невозвратимаго,
Дважды сердцу не цвѣсти.

Хоть и воем, улыбка и жнец
 Озарить мей, терять и так
 — Это, радостно, поминает
 На могилы, что в горах

1829. Апрель, дождь, оно не жужжит
 Не померкнет, и в горах
 Но сражаться, как то в горах
 Увяданіе земли.

Какое, оно не жужжит
 И в горах, оно не жужжит
 Так, оно не жужжит
 Увяданіе земли.

В горах, оно не жужжит
 В горах, оно не жужжит
 Одной, оно не жужжит
 Как, оно не жужжит.

В горах, оно не жужжит
 В горах, оно не жужжит
 Увяданіе земли, оно не жужжит
 Увяданіе земли.

Увяданіе земли, оно не жужжит
 Увяданіе земли, оно не жужжит
 Не жужжит, оно не жужжит
 Увяданіе земли, оно не жужжит.

О б л а к о .

Куда столь, быстро, и легко,
И гордо и прелестно,
Ты пролетаешь облачко
— Скиталецъ поднебесной?
Земля бездомное дитя,
Игралище погоды,
Напрасно радугой блестя
Ты прелестью природы!
Завоетъ вихрь взметая прахъ
И ты изъ лона звѣдна
Дождемъ растаешь на стѣпахъ
Безславно, бесполезно!
Блести, лети на вѣтеръ,
Подобно нашей долѣ
— И я погибну вдалекъ
Отъ родины и воли!

1828 г.

Д о ж д в:

Провидѣнья персть незримой,
Облаковъ летучихъ вождь,
Нивъ, жаждою томимой
Посылаетъ шумный дождь.
Звучно — благостью обильный,
Брызнулъ токъ живой воды,
Освѣжая злаки пыльным
И замершіе плоды.
Вотъ и радуга завѣта
Капли свѣтлыя зажгла:
То улыбка Бога свѣта
— Свѣнь безсмертнаго чела.

1829.

О Ж И В Л Е Н И Е.

Чуть крылатая весна
Радостью повзвезь;
Оживасть старина,
Сердце молодветь;
Присмирѣлыя мечты
Рвутъ долой окопы,
Словно юные цвѣты
Рядятся въ обповы,
И любви златые сны,
Осѣнная вѣжды,
Вновь и вновь озарены
Радугой надежды.

1829.

Л Е П Е Л Ь Т И Ж О
Ей.

Когда моей лелитой внемлю
Пыланию твоихъ лачитъ,
Мнѣ радость небеса и землю
И золотить и серебрить:
Душѣ такъ сладко и покойно,
И тихъ и волею сердца ходъ:
Такъ солнце катится безащойно
На лопу зеркальной водѣ!

1828.

0221

И з ъ Г е т е

(Съ Персидскаго.)

Пейте; самыхъ лѣтъ весна
— Упоенье безъ вина.
Старець — пей вино до млада:
Въ немъ чудесная отрада;
На печаль груститъ любовь,
Врагъ печали гроздїи кровь.

Не пытай, зачѣмъ оно
Было встарь запрещено!
Что завѣтно, то и слаще,
Пей же лучшее да чаще;
Будешь глауромъ вдвойнѣ
Проклятъ на плохомъ винѣ.

ИЗЪ ГЕТЕ.

(Подражаніе.)

Какъ часто, милое дитя,
Тебя чуждаюсь я невольно,
Когда въ толпѣ людей блестя
Крутимся мы — хоть сердцу больно;
Но въ мракъ ночи и въ тиши,
Тебя не видя, нахожу я
По жару дѣвственной души,
По сладкой нѣгѣ поцѣлуя.

1828.

ВСЕГДА И ВЕЗДЪ.

(Изъ Гетте.)

Ключь бѣжитъ въ ущелья горъ,
Въ небѣ свить тумановъ хоръ;
Муза манить къ волѣ, въ поле
Трижды тридевятъ и болѣ.
Вновь напѣненный бокаль
Жарко новыхъ пѣсень просить,
Время катить шумный валъ,
Но опять весну приносить.

ЮНОСТЬ.

(Подражаніе Гете.)

Рѣютъ ласточки весною
По доламъ и по водамъ:
Такъ мечтанья за мечтою
Вдаль и вкругъ и тамъ и сямъ;
Новость манитъ въ испытанье,
Сердце поетъ взоромъ дѣвъ;
Грусть для юноши — питанье.
Слезы — щастіа припѣвъ.

1828.

СЪ ПЕРСИДСКАГО.

Будь любезная далеко,
Такъ какъ занадъ отъ востока;
Но любви чего нельзя?
Стенъ и море — ей стѣня,
Сердце всюду стражъ и плата,
Къ милой шагъ и — до Багдада.

1828.

Зюлейка.

Нѣтъ, ты мой и мой навѣчно!
Отъ любви любовь крѣпка,
Прелесть, страсть, другъ сердечной,
Краще перстня и вѣнка.
Гордо я подьемлю брови
Отъ твоихъ высокихъ думъ ;
Бытіе мое въ любви,
А душа любви — умъ.

1828.

И з ъ Т а ф и з а .

**Прильнувъ къ твоимъ рубиновымъ устамъ,
Не вѣдаю ни срока ни завѣта.
Тоска любви — единственная мѣта,
Лобзанія — цѣлительный бальзамъ.**

1828.

РАЗЛУКА.

**О дѣва, дѣва,
Звучить труба!
Румянцемъ гнѣва
Горить судьба!
Ужь сердце къ бою
Замкнула сталь,
Передо мною
Разлуки даль.
Но всюду, всюду,
Вблизи, вдали,
Не позабуду
Родной земли;
И вѣчно, вѣчно
— Клянусь, сулю:**

Моей сердечной
Не разлюблю.
Ни лѣнь истома,
И страхъ и месть,
Ни битвы громы,
Ни славы лести,
Ни кубокъ пѣнной,
Ни шумный хоръ,
Ни дѣвы пѣнной
Манящій взоръ
.

1829.

А л и н ь.

Еще, еще одно лобзанье!
Какъ въ знойный день прохлада струй,
Какъ мотыльку цвѣтка дыханье,
Миѣ сладокъ милой поцѣлуй.
Миѣ сладокъ твой невинный лепетъ,
И свѣжихъ устъ летучій трепетъ,
Очей потупленныхъ роса,
И упоенія зарница
Все, все, души моей царица,
— Въ тебѣ и прелесть и краса!
Какой отрадой повѣваетъ
Съ твоихъ кудрей, съ твоихъ ланитъ!
Дыханье — нѣгою понть,
Отъ взора — сотомъ сердце таетъ,

И быстро молнія любви
Течетъ, кипитъ въ моей крови.

.....

Когдажъ твой легкой станъ объемяю,
Я, мнится, покидаю землю. . . .

Оковы праха отрѣша

Орломъ шаряется душа!

Но цѣлый міръ свѣтаветъ раемъ,

Когда восторженные, мы,

Уста и чувства и умы

Въ одно лобзаніе сливаются!

О другъ мой, еслибъ въ этотъ мигъ,

Незаяснимый, невозвратный,

Далекій горестей земныхъ,

Дней нашихъ факель благодатный

Погасъ въ пучинѣ свѣтлыхъ струй,

И палъ за нами смертный пологъ,

— Чтобъ былъ послѣдній поцѣлуй,

Какъ небо чистъ, какъ вѣчность дологъ!!

Л и д ъ.

Приди, о милая, приди
На берегъ изумрудный!
Разлуки сонъ въ моей груди
— Тяжелый, безпробудный.

Приди, и сердце оживи
Очей волшебнымъ свѣтомъ,
Невинной ласкою любви,
Младенческимъ привѣтомъ!

Съ тобой, красавица душа,
Свѣтлѣе утра — слезы,
И благовоннѣе дыша
Горить румянецъ розы.

Съ тобой, струями говора,
Потокъ сверкаетъ ярче,
Свѣжѣй вечерняя заря
И тихій полдень жарче.

И мнится воздухъ напоенъ
Невѣдомымъ томленьемъ,
И листъ, зефиромъ оживленъ,
Трепещетъ наслажденьемъ.

И къ смертнымъ благи полна,
По синевѣ бездонной,
Надъ нами катится луна
Съ улыбкой благосклонной.

Приди, о милая, приди!
И страсти валь мятужной,
Ты укротишь въ моей груди
Елеемъ дружбы нѣжной.

1829 года.

ПРЕСЫЩЕНІЕ.

Ты пьешь любви коварный медъ,
Отъ чаши усть не отнимая,
И въ сердце юное течеть
Струя восторговъ огневая;
И упоенъ и утомленъ,
Ты ниспадаешь въ тихій сонъ.
Мечтаній рой тебя лелѣетъ,
Бропя росую сладкихъ слезъ.
Такъ съ жадныхъ крылъ прохладу вѣетъ
На жертву вѣги кровососъ;
Такъ въ цвѣтѣ истлѣваютъ силы,
Отъ пресыщенья, въ пыль могилы.
Ты скажешь: «милъ завѣтный плодъ,
Не дважды молодость цвѣтетъ,
И безъ желаній волны Леты
Шумятъ всегда у нашихъ стопъ!»
Но ты и сердцу прежде мѣты
Готовишь гибельный ознобъ,
И поздній плачь, и ранній гробъ.

1829.

Г о с т ь .

Вамъ — семейство милыхъ братій,
Вамъ — созвѣздіе друзей,
Жаръ привѣтственныхъ объятій
И цвѣты моихъ рѣчей !
Вы со мной — и ледъ сомнѣнья
Растопилъ отраднѣй лучъ,
И невольно, пѣснопѣнья
Изъ души пробился ключъ !
Въ благовономъ дымѣ трубокъ,
Какъ звѣзда, несется кубокъ,
Влажной искрою гора
Жемчуга и янтара ;
Въ немъ играя и свѣтля
Дышетъ пламень Прометея,
Какъ безсмертій заря !

Раздавайся жь ликъ заздравной :
Благоденствіе — живи
На Руси перводержавной
Въ лонѣ правды и любви !
И слезами винограда,
Изъ чистѣйшаго сребра,
Да прольется ей услада
Просвѣщенья и добра !
Гряньте въ чашу звонкой чашей,
Небу взоръ и другу длань,
Вознесемъ бесѣды нашей
Умилительную дань !

.
И предметъ всемірной ловли,
Щастье рѣзвое, тайкомъ,
Да слѣтитъ на наши кровли
Сизокрылымъ голубкомъ,
Чтобъ мы грозныя печали
Незамѣтно промечтали,
Возбуждаемы, порой,
На веселье и покой !
Да изъ насъ пылаеть каждой,
Упитавъ наукой умъ,
Вдохновительною жаждой
Правыхъ дѣлъ и свѣтлыхъ думъ,
Вѣчно страху неприступанъ,
Вѣчно злагомъ неподкуменъ,
Безотвѣтно горделивъ

На прельстительной призывъ.
Да украсятъ наши сабли,
Эту молнію побѣдъ,
Крови пламенныя капли
И боевъ зубчатый слѣдъ!
Но подобно чашѣ пирной
Въ свѣжихъ розаныхъ вѣнца,
Будутъ искренностью мирной
Наши повиты сердца!
И въ сердцахъ восторга искры,
Умиленія слеза,
И на доблесть чувства быстры,
И порочному — гроза!
Пусть любви могущій геній
Дастъ намъ радости цвѣты
И перуны вдохновеній
Въ поцѣлуѣ красоты!
Пусть онъ будетъ, вѣстникъ рай,
Нашей молодости братъ,
Въ пламя жизни подливая
Свой безцѣнный ароматъ!
Чтобы съ нектаромъ забвенья,
Въ тихій часъ отдохновенья,
Позабыть у милыхъ ногъ
Мечъ, и кубокъ, и вѣнокъ

1829 года.

Сонъ.

Зачѣмъ зарницею безъ гула
Исчезла ты, любви пора,
И птичкой юность упорхнула
Въ невозвратимое вчера?
Давноль на юношу, давно ли,
Обътомъ щастія горя,
Цвѣтами радости и воли
Дождила свѣтлая заря?
Давноль съ родимаго порога
Сманила жизнь на пышный пиръ?
И какъ безгранная дорога
Передо мной открылся мѣръ!
И случай, преклоняя темя,
Держалъ мнѣ золотое стремя,
И гордо бросивъ поводъ,

Я покаталась туда, туда! . . .
Летимъ — сарнагъ бразды шелковы
Неукротимый конь судьбы
И брызжутъ пламенемъ подковы,
Гремя о плиты и гробы.
Я обсаушала, воздухъ свищетъ
— Все вдаль и вдаль — надежда прочь
И вотъ на насъ упала ночь,
И подъ скалою бездна прыщеть,
Надъ головой расшибся громъ,
И конь, и всадникъ, прынувъ съ края,
Кусты и глыбы отрывая,
Въ пучину ринулись колыцкомъ.
Замыло сердце! вихрь кончимъ
Мнѣ обуяла и взоръ и умъ.
Раздавленъ на берегу пучины
Едва я слышу ревъ и шумъ.
Вотъ набьгають грозно, жадно,
За валомъ валъ на перерывъ;
Ужъ мой отчаянный призывъ
Стихаетъ — залицъ нѣмой хладной,
— И вдругъ, съ утеса на утесъ,
Какъ звѣрь, потокъ меня понесъ
.
Очнулся я отъ страшной грезы,
Но все душа тоски полна,
И мнилось, снуть меня желѣзамъ
Къ веслу убогаго челна.

Вдаль, отуманеннымъ порокомъ,
Межъ сокрушающихся льдинъ;
Забодно озираешь окомя,
Плыву и грустенъ и одинъ.
На чуждомъ небѣ тама ночная;
Какъ сокъ бѣжитъ далекій брегъ.
И шуму жизни чуть внимаю
Стремлю туда невольный бѣгъ,
Гдѣ вѣчнень ледъ, и вѣчимъ тучи
И вѣчносеемая игла,
Гдѣ жизнь зачехнувъ, умерла,
Среди пустынь и тундръ змбучихъ
Гдѣ небо, степь и лоно водъ
Въ безрадостный сляны сводъ,
Гдѣ въ пустотѣ блуждаютъ взоры
И даже нѣтъ стопа опоры!
Плыву — на тихомъ сердцѣ хладъ,
Дремотой лѣни — тяжки вѣжды,
И звѣзды искрами надежды
Въ угрюмомъ небѣ не горятъ.
Забвеня токъ меня лелзеть,
Мечта уснула надъ весломъ,
И время въ тихій парусъ вѣетъ
Своимъ мирительнымъ крыломъ.
Все мертво у меня кругомъ
И близко бездна океана
— Бѣлзеть саваномъ тумана.

Я за моремъ синая, за синнею далью
Сердце свое схоронилъ.
Я тоской о быломъ ледовитой печалью,
Словно двойной нерушимою сталью,
Грудь отъ людей заградилъ.
И крѣпокъ мой сонъ. Не разбить, нерасколотъ
Щитъ мой. Но въ иракъ ночей
Мнится порой, раступился мой холодъ,
И снова я ожилъ, и снова я молодъ
Взглядомъ прелестныхъ очей.

1834.

ПРИМЪЧАНІЯ.

- 1) Саатирь — значить «игривая.» Содержаніе этой баллады взято изъ якутской сказки.
- 2) Якуты до сихъ поръ не кинули обычая при болѣзняхъ призывать шамановъ, которые гаданья, леченья и молебны свои сопровождаютъ волями и звуками бубна (дюгюръ).
- 3) Якутскія узды нерѣдко увѣшиваются позвонками.
- 4) Въ старину они вѣшали гробы свои на деревьяхъ или ставили ихъ на подрубленныхъ вѣтвяхъ.
- 5) Серебряныя украшенія женскія, сдѣланныя довольно искусно изъ цѣпочекъ и пластинокъ, весьма широкихъ.
- 6) Якуты боятся прикосновенія къ мертвымъ.
- 7) Шаманы болѣе прочихъ пользовались правомъ воздушнаго погребенія. Еще теперь въ дѣвкахъ мѣстахъ можно видѣть гробы ихъ.
- 8) Колода, пустая въ срединѣ и расколотая пополамъ — Якутскій гробъ.
- 9) Аяхъ — огромный кубокъ; въ него входитъ ведра полтора, но я видѣлъ удалцовъ, которые осушили его съ разу. Прожорство Якутовъ на праздникахъ (исыкъ) не вѣроятно: — въ моихъ глазахъ одинъ изъ нихъ выпилъ 30 фунтовъ растопленнаго масла.
- 10) Чуваль — каминъ, очагъ, онъ стоитъ по срединѣ юрты, спинкою ко входу. Якуты не знаютъ иныхъ печей.
- 11) Суевѣрія всѣхъ народовъ сходны. Якуты вѣрятъ, что колдуны ихъ покидаютъ ночью гробы свои, пляшутъ, бьютъ въ бубны, стараются вредить живымъ, и тому подобнос.

**ВЗГЛЯДЪ НА РУССКУЮ СЛОВЕ-
СНОСТЬ ВЪ ТЕЧЕНІИ 1823 ГОДА.**

Въ старину, науки зажигали свѣтильникъ свой въ погасающихъ перунахъ войны, и цѣлты краснорѣчія выходили подъ тѣнью мирныхъ оливъ. Въ наши времена, когда состояніе ученаго и воина не сливается уже въ одну черту, мы видимъ совсѣмъ противное: тонографъ и антикварій повѣряютъ свои открытія подъ знаменемъ браннымъ; громъ отдѣленныхъ сраженій одушевляетъ слогъ авторовъ и пробуждаетъ праздное вниманіе читателей; газеты превращаются въ журналы, и журналы въ книги; любопытство растетъ, воображеніе, недовольное сущностію, алчетъ вымысловъ, и подъ политическою печатью, словесность кру-

жился въ обществѣ. Это было и съ нами въ отечественную войну. Наполеонъ обрушился на насъ — и всѣ страсти, всѣ выгоды, пришли въ волненіе; взоры всѣхъ обратились на поле битвы, гдѣ полсвѣта боролось съ Россіей, и цѣлый свѣтъ ждалъ своей участи. Тогда слова: *отечество* и *слава* электризовали каждого. Каждый листокъ, гдѣ было что-нибудь отечественное, перелеталъ изъ рукъ въ руки съ восхищеніемъ. Похвальные пѣсни, плохи или хороши онѣ были, раздавались по улицамъ и имъ рукоплескали въ гостиницахъ; — однимъ словомъ все тогда казалось прекраснымъ, потому что все было истиннымъ. Но политическая буря ушла; украинская и антузизмъ. Внимание наше, утомленное блестящею побѣдою и подвигомъ, перевысокаго всѣмъ фактическимъ доказательствомъ Востока, и пообращеніемъ, поблуданіемъ тудоромъ, направленною великою: — постепенно, возмущеніемъ опять въ бездѣйственный покой. Англичанская дава, вырвавшая, и раздалась, подвинулась, оканчивая — и застыла. Цепель, донести на, съ чело, до, въ этомъ началъ таять радостная мнать, и тогда, мнать, паразитомъ на ней драконьими, приподнялись. Мать, картина, любовь, великихъ, восточески, мовъ, въ, словесности, жасалъ, войны, и, до, тая, рѣшению, съ, восполнимо, быва, еще, и, другія

принципы. — Отдохновение послѣ стѣснительнаго ощущенія, обратилось къ лѣтнему привычку недостаточнаго, публики пришла мысль не всею иду отечественному, какъ чувство, и бросила ся, какъ молу. Войска, возпретились съ дѣломъ на дѣлѣ, но съ Французскими ораторами на устахъ, и затанцовала отъ раба къ галлицанкамъ, захватывая вдругъ лѣтъ естественнаго, сильнаго, дѣла, дабы дабы. Слѣдствіемъ этого была совершенное охладѣніе лучшей части общества: къ родному языку, и повстанію, Начинаясь, возмущая въ это время, — и наконецъ резервированію, оцѣнкою словесности въ прошедшемъ году, Тамъ гаснетъ лампада безъ тѣнѣ воздуха, какъ рагунастов дарованье безъ ободреній! О прѣчихъ приливахъ, самодвиженіяхъ ходу естественности, мы знаемъ къ сему время.

Присутствію въ дѣла.

На дѣлѣ еще годъ не было быднѣ оригинальными произведеніями прошедшаго 1823. Заключеніемъ книги, до точныхъ наукъ отъ послѣднихъ, вся наша словесность заключалась: въ журнальныхъ, при томъ весьма незначительныхъ, статьяхъ. Движъ являлись прежнимъ явилъ тысяди, вторыхъ и третьихъ изданіемъ сдѣлалъ и разбойническіе романы, для домашнаго употребленія въ провинціяхъ. Нарядъ повѣствованій

порадочные и сознательные переводы французских речановъ Мальтера Слотта; но ни одно изъ этихъ твореній не вынесло для переладчан, на поверхность общаго Мста; въперыхъ востому, что пера слыши за прозвученіе переводы уже ладоваца, а во вторыхъ а слотти ихъ снншкомъ небрежнмъ.

Изъ оригинальныхъ книгъ вышши въ свѣтъ, послѣднато года: *Историческія известія о Россіи* эдъ С. Брожесовнато и *Музыкальное по Творенъ Мурельева Апостола*. Обѣ эти книги во всехъ отношеніяхъ заслуживаютъ вниманія репейцова; въ особенную благодарности Русонныхъ. Точность историческихъ извѣстій; чистота слага; вычитанъ ихъ похвалою архидіакона и литераторовъ; и вообще дѣлаютъ ихъ необходимыми книгами для ученаго и свѣтлаго челоика. Г. Булгаринъ, въ своихъ *Запискахъ о Испаніи*, не мѣтъ очевидецъ, описанъ живо и завлекательно многи случаи народной войны Испанцы съ Французами, обычай первыи въ началу благославленной стороны Европы. Рассказъ его слыши и разсужденія; и пожелменіи быстро; и въ выборѣ предметовъ воль въ Гоме Меразиковъ издавъ *Краткое историческое сообщеніе о испанской войнѣ*, въ свѣтъ издѣнъ днмъ учашимъ изъ участіи, стѣ она издапо владрама.

М. 1830P

Энциклопедии. Слогъ его облеченъ убавденіемъ, сдѣланъ кратокъ. Сочиненіа г. Буурлина *О важности Дипломата на Россіи*, в. княжечка графа Паскевича : *Исторія о пожарѣ Москвы*, жальна по именамъ сочинителей принадлежать ей : Русской словесности, потому что написана по Французски ; что же касается до слога пера : то и въ немъ, онъ мерзостенъ и холоденъ галантностію. Важнаго книги подекическія записки : *Древній г. Грамматика*, на слова отъ толку : *Исторія*, въ которой онъ разрѣшилъ многа сомнительныя мѣста ; но тѣмъ самоуверенности : не всегда доказывается, что его доказательства безспорны. Г. Гречъ издаде : опытъ : новой Русской грамматикѣ подъ именемъ корреспондирующаго письма, гдѣ развертывалась совершенно новая и ближайшія къ природѣ Русскаго языка, начала. К. Желайдовъ, речеиспытатель архидіаконъ языкъ, провѣтвннѣйшій старинъ Русской ; напечаталъ статью : *Древнерусскій народскій языкъ Рязанской губерніи*, гдѣ сдѣланъ верный взглядъ знатока на истинность языка : *Населеніе дѣтское стеміе Св. Писаніи* ; по слогу и цѣли : своей имѣеть болѣе достоинство ; и того же крайномъ Русскимъ *Меморіа* : достойна быть рукою писателемъ и издаваться. Смыслъ заключающаго : книжнаго

Маленькая поэма *Оскар Алмонд*, ученица Оливии и переводъ *Воспоминаний Мезуе*; г-на Габбова; были единственными отдѣльными стихотворениями. Содержание первой поэмы изъ Оссиана; въ ней богато стихи, несколько удачныхъ картинъ, возвышеннаго чувства — и только Достоинство же другой заключается въ вѣрности перевода и плавности стихосложения. Говоря о театрѣ, трудно рѣшить: авторъ, авторъ или публики была виновна худоба его? Впрочем, что бы то ни было своею очередь; но это уже безспорно, что никогда театр и сцена не были пусты. Не считая пьесъ, которыя не читаются и не играются, одни старинныя оперы забавляли праздничною фриволью, а драмы и переводымо подвигами продолжительно публики въ теченіи года. Изъ числа послѣднихъ, книга Шаховскаго; берутъ безспорное первенство надъ прочими. *Деревенскій философъ, комедія* и *Заводкина*, развѣртывая забавныя черты нашихъ баричей, доказываютъ политическій даръ автора. *Бабь*, лирическая трагедія г. Бушкова, имѣетъ только одинъ недостатокъ: именно, что героиня пьесы топчется въ 4-ю, а не въ 1-ю актъ. Въ *Мирзон* г. Ростовцова, есть блестяще стилизованная сцена, счастливыми мыслями — и недостаткомъ дѣйствія. Двѣ послѣднія трагедіи не были пред-

сказаны, и только прекрасный переводъ Федры г. Добаноминъ, одушевилъ умиравшую сцену. Въ ней жаръ чувствъ и прелесть стиховъ и краткость выраженій, переданы точно и plainly. Публика увѣчала переводчика рукоплесканіями, а критика заслуженною похвалою.

Инцидентъ дублицима въ литературныхъ обществахъ, возбуждая соревнованіе между молодыми писателями, разливается и въ публикѣ вкусъ къ родной словесности. Нередко гъ, которые прѣзжаются туда, чтобы другихъ познакомиться, или фанатизмъ себя, возвращаются домой съ новыми понятиями и съ колеблѣйшею охотою. По обычаю, Императорскія Россійская Академія читала свое годовичное торжественное засѣданіе, и тогда знаменитый исторіографъ нашъ, И. М. Карамзинъ, растрогалъ слушателей отрывкомъ своимъ въ 10 томъ Ист. Гес. Рос. о убійствѣ царевича Даниіри. Что сказать о совершенствѣ слога, о силѣ чувствъ! Слѣ качества есть столь прекраснаго начала, и дуть все выше и выше, какъ орелъ, устремляющійся съ вершины горъ въ небо. Г. Жуковский читалъ прекрасный отрывокъ изъ переводной имъ Эванды, и князь Шаховской отрывокъ изъ швейцарской комедіи своей Дрисмонанс. Общество соревнователей благодетельна и про-

судженія хвалягого: одно — публициче заст-
даніе, гдѣ разнообразіе предметовъ шла на
ровнѣ съ заинтересованностію мхт. и добросовѣ-
стозь сдущателемъ. Между прочими достойными
ми: прасами отличалось трокательнѣя омена изъ
Щиналеровой *Юлины д'Ари Жуконского*, и *Мо-*
славіе къ Державину г. Туманскаго: оно об-
ладаетъ талантъ молодого писца. Въ прѣвъ:
Греча, и князя Вяземскаго сдущаніи изъ мие-
И. К. Дмитріева. Общество при Московскомъ
университетѣ собиралось для публичныхъ за-
сѣданій оженіесячно; труды еко. заночателемъ
Должно сдущаніе, что литературные журналы
исей Европы, при наикниной: сдущаніе у
концентраціи къ сдущанію — сдущаніе. мие-
чдущаніи, и въ зрѣнь отнѣшеніи Русскіе, и
ридко, берутъ надъ нами принужденно. Мие-
періодическихъ изданій отличаетъ: у насъ ар-
леанниіи наисконіиамъ до сдущаніи сдущаніи
костей и языка отнѣшеніи; *Труды общества*
при Московскомъ университетѣ. Въ даштѣ
части оныхъ всегда есть много дѣльнее. Въ
сдущаніиамъ. и прѣсдѣлѣ, на дѣльнеемъ. Рѣ-
сдущаніиамъ, ала дѣльнее, на дѣльнеемъ. Рѣ-
сдущаніиамъ, ала дѣльнее, на дѣльнеемъ. Рѣ-
сдущаніиамъ, ала дѣльнее, на дѣльнеемъ. Рѣ-
сдущаніиамъ, ала дѣльнее, на дѣльнеемъ. Рѣ-
сдущаніиамъ, ала дѣльнее, на дѣльнеемъ. Рѣ-
сдущаніиамъ, ала дѣльнее, на дѣльнеемъ. Рѣ-

таблиць, довольно любопытными письмами и
малыми стихами. *Журналъ журнализма* (над:
г. Григорьевича въ С. Петербургѣ), достой-
ный благодарности не цѣли, и похвалы по
необходимости, составлялся изъ прекраснѣйшихъ
критическихъ, теоретическихъ и описательныхъ
статей, до величайшаго художества касающихся,
написанныхъ съ чистотою языка и языкомъ
опытнаго художника. Его еще мало у насъ оцѣ-
нили. *Сибирскій альманахъ* (над: г. Славский
въ С. Петербургѣ) содержалъ въ себѣ весьма
любопытныя матеріалы о Сибири, которая по-
лно не известна намъ самимъ, чѣмъ земля Эпи-
куровъ. *Миссионеръ* (над: г. Веселова въ С. Пе-
тербургѣ) принадлежитъ къ словесности толь-
ко своимъ приближеніямъ, въ коихъ, если онъ
былъ бѣднѣе другихъ прозою, а не богаче
оныхъ хорошими стихами. Стихотворенія г.
Лемкина, ивотарна наса г. Шлегеля, князя
Вяземскаго, Жуковскаго, прелестное Модзалё-
въ Гладуку Баратынскаго и *Новое кладбище*,
однаго издателя, украсили оныя. *Благонрав-
ный* (над: Г. Немайдовъ въ С. Петербур-
гѣ) забавень для своего круга. *Журналъ об-
щественнаго соревнованія* праспиритъ и благо-
твореній (въ С. Петербургѣ), издаваемый съ
сторы священникомъ Цылемъ, порядкомъ заклю-
чалъ въ себѣ достойныя свои листки. Мел-

ду прочтати : *О древнихъ посольствахъ съ Россіею*, г. Корниловича, *О романтическомъ г. Сенека*, и разборъ *Русскихъ писателей*, писанъ Церетелова, достойны вниманія. *Омическое мнѣніе землемѣры* (изд. г. Сивильскаго, въ С. Петербургѣ) хотя не всегда съ историческою точностію, но всегда съ патріотическимъ жаромъ, правду и передавали черты народнаго права, честиныхъ дѣлъ, и замѣчательныхъ событій. *Вспоминаніе Бароны* (изд. г. Каченовскій, въ Москвѣ), патріархъ Русскихъ журналовъ, и правда далеко отсталъ въ познѣ отъ Петербургскихъ періодическихъ изданій, до но часто презанческою, шестъ обличковенныхъ своихъ, твердымъ, шлагомъ. Въ немъ въ прозѣ замѣтны статьи : г. Гусца, о метафизическомъ *Нилецкомъ*, и о Русскихъ мѣлахъ, неизвѣстнаго ; по; статотцареніемъ ; страждокъ изъ комедіи *Алгонома*, г. Шварца, и его же *Ширъ мудрѣцова Сиверскій архисъ* (въ С. Петербургѣ), издатель Г. Булгарина, съ офларскъ архисологіи оуочаломъ въ неразработанномъ еще рудникъ ващей старини, и обираціемъ важныхъ матеріаловъ оказавъ большую услугу Русской Исторіи. Всѣмъ любящимъ путешествія, наша и чужестранная, являемъ такъ пармыс. Такъ же *Кремника*, *Леллоцели*, на исторіи *Государствъ Россійскихъ* была пріатнымъ и рѣдкимъ основаномъ въ областныхъ

словесности ; безпристрастіе, здравый умъ и глубокая ученость составляютъ ея достоинство. *Прибавленія къ Сѣверному архиву*, г. Булгарина же, оживляютъ на берегахъ Невы Парижскаго пустытника. Живой, забавный слогъ и новостъ мыслей, готовятъ въ нихъ для публики занимательное чтеніе, а оригиналы столицы, и нравы здѣшняго свѣта — неисчерпаемые источники для его сатирическаго пера. *Сынъ отечества* (изд. г. Гречъ, въ С. Петербургѣ) неизмѣнный поборникъ чистоты языка, по привычкѣ заключалъ въ себѣ много дѣльныхъ статистическихъ статей, и очень хорошихъ стихотвореній. Въ числѣ критикъ : (мимоходомъ, весьма плодovitыхъ) особенно замысловаты : *Письма на Кавказъ*, самаго издателя. Въ прозаическихъ поэмѣхъ замѣтны : *Василекъ*, прекрасная басня Н. А. Крылова ; *Путешественникъ*, Жуковскаго ; *Послѣдній Бардъ*, Мансурова ; *Май*, Туманскаго, отрывокъ изъ *освобожденнаго Иерусалима*, Раича, и нѣкоторыя другія. *Прибавленія къ Сыну Отечества* (изд. г-да Княжевичи, въ С. Петербургѣ) отличаются прекраснымъ выборомъ новѣстей, и чистымъ, плавнымъ языкомъ. Между немногихъ оригинальныхъ пьесъ носятъ отпечатокъ народности *Иванъ Костинъ*, г. Панаева ; прочія пере-

ведены съ разныхъ языковъ. — Вообще же во всѣхъ почти журналахъ, число оригинальныхъ произведеній къ числу переводовъ, относилось, какъ два къ десяти, а пропорція чисто-литературныхъ статей къ ученымъ, была едва ли не тоще : это печально.

Мало по малу Европа сквозь тусклые переводы начинаетъ распознавать нашу словесность. Въ прошломъ году, почти всѣ повѣсти изъ Полярной Звѣзды были переданы на Нѣмецкій языкъ въ журналѣ г. Ольдекопа, и повторились въ другихъ заграничныхъ журналахъ. Г. Линде перевелъ на Польской, всѣ статьи до исторіи Русской литературы касающіяся и приложилъ при переводѣ книги о томъ же предметѣ г. Греча; наконецъ г. Сень-Моръ, по слѣдамъ Боуринга*, Борха.** и Гетце***, примѣрныхъ переводчиковъ-поэтовъ, издалъ нынѣ на Французскомъ языкѣ *Русскую Антологию* ; но опытъ его былъ равно неудаченъ, какъ переводъ и какъ сочиненіе : въ копіи нѣтъ и слѣдовъ національности образца. Русскіе цвѣты потеряли тамъ не только запахъ, но даже и самый цвѣтъ свой.

Такъ прокрадся въ вѣчность молчаливый прошедшій годъ ; казалось онъ былъ осенью для

* Russian Anthology. — **Poetische Erzeugnisse der Russen.

*** Stimmen des Russischen Volkes.

соловьевъ нашей поэзіи и только въ Полярной Звѣздѣ отзывались они, — и умоляли слова; только (съ благодарностію замѣчать), но быстрому и благосклонному приему Полярной Звѣзды, замѣтно было, что еще не погасъ жаръ къ отечественной словесности въ публикѣ; впрочемъ надобно и то сказать, что Русской языкъ, подобно Германскому въ XVIII вѣкѣ, возвышается нынѣ, не смотря на неблагопріятныя обстоятельства. Теперь ученики пишутъ такимъ слогомъ, котораго самые гении сперва рѣдко добывали, и теряя въ числительности твореній, мы выигрываемъ въ чистотѣ слога. Одинъ недостатокъ — у насъ мало творческихъ мыслей. Языкъ нашъ можно уподобить прекрасному усыпленному младенцу: онъ лепечетъ сквозь сонъ гармоническія звуки, или стонетъ о чемъ-то; — но лучъ мысли рѣдко блуждаетъ по его лицу. Это младенецъ, говорю я, но младенецъ-Алкидъ, который въ колыбели еще удушалъ змѣй! — И вѣчно ли спать ему?

Р. С. Лишь теперь вышло въ свѣтъ: *Путешествіе около свѣта*, г. Головина. Первая часть его посвящена разсказу и описаніямъ, истинно романическимъ; слогъ оныхъ пропикнутъ занимательностію, дышитъ искренностію, цвѣтетъ простотою. Это находка для

моряковъ и для людей свѣтскихъ. Еще спѣ-
шимъ обрадовать любителей поэзіи; малень-
кая, и какъ слышно, и какъ несомнѣнно, пре-
красная поэма А. Пушкина *Бахчи-Сарайской*
фонтаны, уже печатается въ Москвѣ.

**ВЗГЛЯДЪ НА РУССКУЮ СЛОВЕ-
СНОСТЬ ВЪ ТЕЧЕНІИ 1824 И НА-
ЧАЛЪ 1825 ГОДОВЪ.**

Словесность вѣхъ народовъ, совершая свое круготеченіе, слѣдовала общимъ законамъ природы. Всегда первый ея вѣкъ былъ возрастомъ сильныхъ чувствъ и гениальныхъ твореній. Просторъ около умовъ высокихъ порождастъ гениевъ: они рвутся расшириться душою и наполнить пустоту. По времени кругъ сей стѣняется; столбовая дорога и полумѣнятыя вѣнки не прельщаютъ ихъ. Жажда новаго ищетъ нечерпанныхъ источниковъ, и гени смѣло кидаются въ обходъ мимо толпы въ поискъ новой земли міра правственнаго и вещественнаго; пробиваютъ свои стези; творятъ небо, землю и адъ родникомъ вдохновеній; печатають на вѣкахъ свое имя,

на однеземцахъ свой характеръ, озаряють о
боихъ своей славою, и все человечество сво-
имъ умомъ!

За симъ вѣкомъ творенія и полноты слѣду-
еть вѣкъ посредственности, удивленія и отче-
та. Пѣсенники послѣдовали за лириками,
Комедія вставала за Трагедією; но Исторія,
Критика и Сатира были всегда младшими вѣт-
вями словесности. Такъ было вездѣ, кромѣ
Россіи; ибо у насъ вѣкъ разбора предъидеть
вѣку творенія; у насъ есть критика и нѣтъ
литтературы; мы пресытились не вкушая, мы
въ ребячествѣ стали брюзгливыми стариками!
Постараемся разгадать причины столь стран-
наго явленія.

Первая заключается въ томъ, что мы вос-
питаны иноземцами. Мы всевали съ молокомъ
безнародность и удивленіе только къ чужому.
Измѣряя свои произведенія испанскою мѣ-
рою чужихъ гениевъ, намъ съ высока видят-
ся своя малость еще меньшею, и это чувство,
несогрѣтое народною гордостію, вмѣсто то-
го, чтобы возбудить рвеніе, сотворить то, чего
у насъ нѣтъ, старается унижить даже и то,
что есть. Къ довершенію нещастія мы вы-
росли на одной Французской литтературѣ,
вовсе несходной съ правомъ Русскаго народа,
на съ духомъ Русскаго языка. Заставъ ее,

послѣ бастащизнѣ произведений, въ корѣ полонитескихъ силетей, и признавъ за образецъ бездушныхъ умишковъ гѣна Людовика XV, мы и сами признались толковать обо всемъ искривъ и зкось. Говорить : чтобы все вырастить, надобно все чувствовать, но развѣ не надобно всего чувствовать, чтобы все понимать ? а мы омишкени бастрастны и омишкени гѣновы и иудовольно просвѣщенны, чтобы и въ чужихъ авторѣхъ видѣть все высокое, оцѣнить все великое. Мы выбираемъ себѣ авторовъ по-плечу, восхищаемся д'Арсенкурами, критикуемъ Ласаревъ и Делюлеву и замѣтите : перебрашивъ все что у насъ было вздорнаго, мы еще не сдѣлали комментаріа на лириковъ и баснописцевъ, которыми неминуемо можемъ гордиться.

Сказать о первыхъ причинахъ, увидану и о главнѣйшей ; теперь : мы начинаемъ чувствовать и мыслить — но ощущаю. Жизнь необходимо требуетъ движенія, а развивающійся умъ дѣла ; онъ хочетъ шевелиться, тогда не можетъ лежать, но не занятый политикою — весьма естественно, что дѣятельность его хваляется за все, что понадеется, а какъ поточники нашего ума очень малы для занятій важнѣйшихъ, мудрено-ли, что онъ кинулся въ кунство и пересуды ! Я говорю не объ одной словесности : все наши общества зараме-

ны той же болѣзни. Мы, какъ дѣла, которые понижываютъ первую свою силу надъ гурнидами, дѣлая ихъ и любовито разглядывая, что внутри.

Тенера спрашиваетъ: полтора или пять периодическая критика? Дрисе-эри говоритъ что «она полезна для периодической критики.» Мы не можемъ похвалиться и этиръ качественны наша критика не далеко ушла въ основательности и приличии. Она ударилась въ сатиру, въ частности и болѣе въ забаву тѣмъ въ пользу. Словомъ, я думаю: жена. воденныя полемике для журналовъ, нежелан для журналовъ, потому что критикъ, антикритикъ и перекритикъ мы видимъ много, а дѣльмъ критиковъ мало: но между тѣмъ листья, наполняются, и зублища, а въя надъ ставьями вовсе для ней: мезани-кавольныи, должна разбирати по складамъ надгробія безвѣстныхъ людей... Справедливо ли одинакожь, такъ мало заботиться о польѣ современниковъ, когда подобнымъ критикомъ такъ мало надежды дожить до погребца?

Мы могутъ возразить, что это дѣлается не для наставленія несправивныхъ, а для предупрежденія молодымъ писателямъ. Но, скажите мнѣ, кто ставитъ оградный мѣчикъ въ думѣ? Кто будетъ читать: глуности: для того, чтобы не писать ихъ?

Господь это, как не разумно, однеможе и при-
 тинь, которая аналитически, вообще, замыш-
 лает, установляет, правит: сама, опирается
 литературными злоупотребленіа, разлагаетъ сло-
 во, и словомъ, всадъ, во, всомъ: Отличаетъ и
 стинное отъ ложнаго. Тамъ, гдѣ самохвал-
 ство, взаимная похвала и недослуженныя
 брани давала до крайней степени, тамъ крити-
 ка необходима для разрушенія самоувѣренности
 браней какою-то манной славы и самонадея-
 ности; для обличенія самоозначенія литераго-
 ровъ. Желательно только, чтобы критика сіа
 освѣрила всѣ личности, всѣ частности, всѣ ра-
 счетныя виды; чтобы она не корчилась надъ за-
 нятими, и имѣла бы взоръ болѣе общій, кра-
 вала болѣе стихійныя. Лица и случайности
 проходятъ, но народы и стили остаются, вѣ-
 чны.

Нашъ вопросъ, почему у насъ: мнѣе крити-
 ки, необходимо слѣдуетъ другой: отъ чего у
 насъ нѣтъ гонимъ и мало талантовъ литера-
 турныхъ? Прядомому слѣдуетъ многими, что
 отъ недостатка ободренія? Тамъ, это нѣтъ, и
 слава Богу! — Ободреніе можетъ впервые
 только обмысловенна дарованія: огонь очага
 пребудеть хворосту и мѣхотъ, чтобы разго-
 рѣться — на концахъ жанинъ: прядина людской
 помощи, чтобы вспомнить и рѣчь въ небѣ!

Фонеръ — лицеполюбъ — гдѣ — свое — безсмертіе
 въ томъ; Шекспиръ — подъ — любящими — навѣсомъ
 возсвѣтивъ — трагедію; Мольеръ — съ — племъ
 дѣйствалъ — таланту; Торивато — въ — сумасшедшаго
 доми — шагнулъ — къ — канитоліи; даже Вольтеръ
 лучшую — свою — поэму — написалъ — утломъ — на — стѣ-
 нѣ — Бастиліи. Говятъ — всѣхъ — талантовъ — и — поро-
 довъ, а — высшимъ — насъ! И — вижу — въ — бѣдности,
 изнеможенности — талантовъ, или — недостатковъ,
 лицъ — нашихъ — — — разсвѣтъ — безсмертія! Оспорь-
 ешь — впередъ — мыслей; удивленію — ихъ — горни-
 ло. Порокъ — на — воздухъ — дастъ — только — воиши-
 ни, къ — сматывъ — въ — желѣзъ — они — рвется — выстрѣ-
 лами; и — давятъ, и — рушатъ — громады. . . . и — въ
 отъ — отъ — отъ — къ — отъ — мы — находимся — въ
 самомъ — благопріятномъ — случаѣ. Уваженію — или,
 во — крайней — мѣрѣ, — вниманію — къ — уму, которое
 ставило — у — насъ — богатство — и — породу — на — одну — съ
 нить — доску, — на — шею, — въ — радости — они. Не-
 слѣдствіи, — послѣдствію. Богатство — в — связи — без-
 радѣливо — захватили — все — вниманіе — толпы, —
 но — тутъ — въ — проигранный — моментъ — не — таланты!
 Иногда — корыстныхъ — ласки — Меценатовъ — балуютъ
 авторъ; иногда — не — достаетъ — объективной
 рѣшимости — вырваться — изъ — бисерныхъ — сетей
 отъ; — — — но — теперь — съ — презрѣніемъ — со-
 вертъ — его — дары, или — даю — насъ — въ — своей — кругу
 не — иначе, — какъ — съ — условіемъ — нести — на — себя

пеймо подобнаго, ограднаго ему имущества, сиречь испру Божества: какъ црво, оградитъ се: доблести какъ пероа II. Удариою сеете сло, душа пренетъ природы; богато, испр-панное, оно старина; и шощаго, ошмаго лаша, пера: нхъ разсунасен: всего отакя пера, вотъ малобель паня I.

Однакожь такая душа оругъ зародилась только въ душахъ, куда заранъ брошены были семена ученя и размышленя, только въ людяхъ умаченныхъ случайныхъ разсужденъ; у которыхъ есть къ нему обратителъ. Въ таково ли наше воспитане? Мы учимся прихвотчи, и отъ того навсегда теряемъ способность и охоту къ дальшимъ, къ долгимъ занятиямъ. При самыхъ счастливыхъ дарованияхъ мы едва имеемъ время на себѣ схватить отдѣльныя мысли; но связывать, располгать, обдумывать расположеня, не было у насъ ни въ случаѣ, ни въ привычкѣ. У насъ юноша съ учебнаго гулянья спивать на балъ; а едва придетъ истинный возрастъ ума и ученя, онъ уже въ службѣ; ужъ онъ дѣловъ — и вотъ весь его умстванный жизненный слухъ убитъ въ цвѣту раннимъ напряженемъ, и онъ цѣлый вѣкъ остается гордымъ ученикомъ, отъ того, что ученикомъ въ свое время не былъ. Сколько людей, которые бы могли прославить дѣломъ

или словесно свое существо, гибнуть, дремать
душою въ ширь одного вынощества, немощи
и по землѣ, какъ пролетная тѣнь облачно
Ду и кто въ прозвращеніи шестеръ бату, оно
бесславно лавишии карашератъ, сияетъ фран
будитъ душу? или встанитъ себя поучивомы?
Наша жизнь — бездѣльная итаѣшная итавомъ у
ваша жизнь — гробы: возмилонный?

... Такъ ли жила, такъ ли научилась простити-
тели, даровать? Никъ! въ тиндѣ, затворит
честна зпѣли, духъ души, Терповою, стезею, для
шадѣй, пробивалась, оидъ къ совершенству, Кат
ничто, слава, не всегда, летать объ руку съ, ге
ниды, часто, современники гдали, не цондмоя
ихъ; но зѣвда, будущей, славы, согрѣвала, вѣст
идѣ, и, оварла, для, нихъ, кракъ, минушаго, ко
торое, вопрошала, они, дабы, разгадать, совре
менное, и, научить, потомство, Правда, и, оидъ
кронми, чужда, свѣтъ, и, они, видѣли, страсти
людей, и, за, то, дмѣли, и, взоръ, наблюдателей,
Они, выкурили, свои, проступки, удрачидю, от
пычностію, и, глубокимъ, познаниемъ, сердца, тел
човѣческаго, Не, общество, удалко, ихъ, но, оидъ
повлекли, аз, собой, общества, Риндидица, Ами
ѣтери, непакривий, Байронъ, гордо, абросил
идѣ, съ, себя, долетѣя, и, Фортуну, презвѣлъ,
всѣмъ, заманкамъ, бѣлѣщаго, свѣта, и, за, то, и, дѣлѣй

свѣтъ подъ нами; и въ каждый день слыши яку
наследіе!!

Но время перекочево воспитанія, время за-
тѣлываго односторонняго жана нашей, время
многосторонности и безличія самаго ученика
(чуждѣ пѣнію), которое во все мѣшается, все
сильнѣе, и ничего не вымываетъ; — насъ
одолеваа стирять въ подражанію. Было время,
что мы не вѣснѣли въдыханію: не Стөрбенки;
потомъ любезничали по Французски; теперь
залетѣли въ гражданскую дадь по Нѣмецки.
Когда же попадемъ мы въ свою колею? ког-
да будемъ писать прямо по Русски? Богъ вѣсть!
До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, наша муза
отвѣдала невѣстою невѣданною. Конечно можно
увѣряться тѣмъ, что рано потерѣ, такъ или
такъ пишутъ отъи чужестранныхъ и между-
усобныхъ подражателей; но я говорю для лю-
дей съ талантомъ, которые позволяютъ себя
водить на помочахъ. Оглядываясь назадъ, мож-
но даже назадъ охотѣе; ибо время съ каж-
дой минутой разводитъ насъ съ образцами.
Притомъ всѣ образцовыя дарованія носятъ на
себѣ отпечатокъ не только народа, но вѣка и
мѣста, гдѣ жила днѣ, следовательно подражате-
лю рабства въ другія обстоятельства — не-
возможно и неугодно. Теоретика знаменитыхъ
писателей движавъ быть только итреду достоянъ

ство нашихъ вѣрній. Така чужое, высокое понятие поражаетъ въ душѣ истиннаго поэта нездѣнная догма догматів. Така, не фразы остроумныя, изъ обложаютъ ошибающихся; не, не образуетъ, нима, прекраснѣйшія дѣла.

И могъ бы, конечно и подробно изследовать, сдѣланныя приемы, и бы долженъ былъ, при- севенушить, къ нимъ, и раннее ублаживаніе та- лантовъ, чужеземныя, похвалы, для, продрѣ- нымъ, самолюбивымъ; но, уже, арена, оставитъ, приемы, всплазутъ на, провозвѣщенія.

Прочтеній, водѣ, утѣшар, насъ, за, безмол- віе, 1823, Н. М. Карамзинъ, выдалъ, въ, свѣтъ, X, и, XI, томы *Исторіи Государства Россій- ского*. Не дуря, но, крайности, сего, объема, въ, разномѣрнѣе, историческаго, ихъ, достоянія, сдѣло, должно, сказать, что, въ, литературныхъ, отношеніяхъ, мы, нашли, въ, нихъ, много. Тамъ, видны, мы, свѣжесть, и, силу, слога, и, важны- вость, разсказа, и, разнообразіе, въ, складѣ, и, звуковомъ, оборотомъ, языка, столь, послушнаго, по, и, румюю, истиннаго, дарованія. Сими, дѣла, на, началась, и, закончилась, однажды, изданія, преза, 1824, года. Да, и, до, сего, да, сакъ, верь, теорія, пошлѣннаго, нашего, некое, рюграфа, возмущается, подобно, выражается, на, слези, Русской, прѣзы, изрѣчь, социальнаго, ме-

тучныя журнальными бедуинами, или тяжело-движущимся караваном переводовъ. Изъ оригинальныхъ книгъ появились только *послѣствіе г. Наръжнато*. Онѣ имѣли бѣ въ себѣ много характеристическаго и забавнаго, если бы въ нихъ разсказъ было побольше приличія и отдылки, а въ происшествіяхъ поменьше запутанности и чудесъ. Въ родѣ описательномъ, мужественіе *Е. Тимковскаго грезъ Монголію съ Лимой* (въ 1820 и 21 годахъ), по новости свѣдѣній, по занимательности предметовъ и по легкой простотѣ слога, несомнѣнно есть книга Европейскаго достоинства. Изъ переводовъ заслуживаютъ вниманіе: *записки полковника Вумъ* о войнѣ Грековъ, переданныя со всею силою, со всею военною искренностію г. Соновымъ, къ которымъ приложилъ онъ введеніе, полное жизни и зашѣчавій справедливыхъ; *Исторія Греческихъ происшествій изъ Раббенелл*, Метаксою, военная снѣжь послѣднихъ; *Добродушій*, очень игриво переведенный г. Дешаплетомъ; *3-я часть Лондонскаго пустынноика*, его же и *жизнь Али-Паши Ямискаго*, г. Строевымъ. — Къ сему же числу принадлежитъ и книжечка: *Искусство жить* — извлеченное изъ многихъ новѣйшихъ философовъ и оправленное въ собственныя мысли извлекателя, г. Филимонова. Появилось

Часть XI. 9

также нѣсколько переводовъ романовъ Валтера Скотта, но ни одинъ прямо съ подлинника и рѣдкіе прямо по Русски.

Исторія древней словесности сдѣлала важную находку въ изданіи *Юанна Экзарха Болгарскаго*, современника Меовдіева. Къ чести нашего вѣка надобно сказать, что Русскіе стали ревностнѣе заниматься археологіею и критикою историческою, сдѣли основными камнями исторіи. Книга сія отыскана и объяснена г. Калайдовичемъ, неутомимымъ изыскателемъ Русской старицы, а издана въ свѣтъ издѣвченіемъ графа Н. П. Румянова, сего почтеннаго вельможи, который одинъ изъ всей нашей знати не щадитъ ни трудовъ, ни издержекъ для приобрѣтенія и изданія книгъ, родной исторіи полезныхъ. Такимъ же образомъ напечатанъ и *Бѣлорусскій Архивъ*, приведенный въ порядокъ г. Григоровичемъ. Общество Исторіи и древностей Русскихъ издало 2-ю часть записокъ и трудовъ своихъ; дождаось еще 15 листовъ *лѣтописи Нестора*, по *Лаврентьевскому списку*, приготовленныхъ профессоромъ Тимовскимъ.

Стихотвореніями, какъ и всегда, протекшіе 15 мѣсяцевъ, изобиловали болѣе чѣмъ прозою. В. А. Жуковскій издалъ въ полнотѣ разсѣянные по журналамъ свои сочиненія.

Между новыми достойно красуется переводъ Шиллеровой *Дюлы Орлеанской*, переводъ, какихъ отъ души должно желать для словесности нашей, чтобы ознакомить ее съ настоящими чертами иноземныхъ классиковъ. Пушкинъ подарилъ насъ поэмою *Бахчисарайской фонтанъ*; похвалы ей и критики на нее, уже такъ истерлись отъ безпрестаннаго обращенія, что миѣ остается только сказать: она цѣлительна и своеобразна, какъ красавица юга. Первая глава стихотворнаго его романа *Ольга*, недавно появившаяся, есть заманчивая, одушевленная картина неодушевленнаго нашего свѣта. Вездѣ, гдѣ говорить чувство, вездѣ, гдѣ мечта уноситъ поэта изъ прозы описываемаго общества — стихи загараются поэтическимъ жаромъ и звучнѣй текутъ въ душу. Особенно разговоръ съ книгопродавцемъ вмѣсто предисловія (это щастливое подражаніе Гёте) кипитъ благородными порывами человека, чувствующаго себя человекомъ. «Блаженъ, говоритъ тамъ въ негодованіи поэтъ:

Блаженъ, кто про себя таитъ
Души высокія созданья,
И отъ людей, какъ отъ моголь
Не ждетъ за чувства воздаянья!

И плодъ силъ чувствъ сѣнь румяная сего поэта *Дымане*. Если можно говорить о томъ что не принадлежитъ еще печати, хотя принадлежитъ словесности: то это произведение далеко оставило за собой все, что онъ писалъ прежде. Въ немъ-то пеній сего, откинувъ всякое подражаніе, возсталъ въ первоходной красотѣ и простотѣ величественной. Въ немъ-то сверкають молніиые очерки вольной жизни и глубокихъ страстей и усталою ума въ борьбѣ съ дикою природою. И все это выраженное на дѣлѣ, и не на словахъ, видимое не изъ витіеватыхъ 'разсужденій, а изъ рѣчей безъискусственныхъ. — Куда не достигнетъ отъмытъ Пушкинъ съ этой высокой точки опоры? — Н. А. Крыловъ порадовалъ насъ новыми прекрасными баснями; некоторыя изъ нихъ были напечатаны въ повременныхъ издавіяхъ, и скоро сіи плоды вдохновенія, числомъ до тридцати, покажутся въ полномъ собраніи. Н. И. Гябдичъ недавно издалъ сильный и вѣрный свой переводъ (съ ново-греческаго языка) *пѣснь Клефтовъ*, съ приложеніемъ несмаго любопытнаго предисловія. Сходство ихъ съ старинными нашими пѣснями различительно. На дняхъ выйдетъ въ свѣтъ поэма И. И. Козлова: *Чернецъ*; судя по извѣстнымъ мнѣ отрывкамъ, она исполнена трогательныхъ изображе-

ній, а въ ней теплится пышная страсть. Но-
из на гробках князя С. Шиникова въ области
отделочныхъ понатій заключаются многія кра-
соды пиничаскія, подобно исправъ золота, зире-
кладнымъ въ темный гранитъ. Ничего не оману
о *Балладахъ и Романсахъ* г. Попровскаго, пото-
му что ничего лестнаго о нихъ сказать не могу;
похваляю въ *Восточной Лютинѣ* г. Шиникова 2-го
звонкость стиховъ и плавность языка для того,
любимъ похвалить въ ней что-нибудь. Впро-
чемъ въ авторѣ, порою, проглядываетъ даръ
къ поэзіи, но вѣчно въ веригахъ подрывація.
Наполеонъ упоминаю о стихотвореніи г. Олимп
Калламанъ для того, что сей наборъ рченъ и
словъ называется поэмою. Присоединяетъ къ
себѣ нѣсколько пріятныхъ бездѣлокъ въ жур-
налахъ, разбросанныхъ Н. Языковымъ, Н. Н.
Козловымъ, Писаревымъ, Нечаснымъ и
подвелъ уже весь итогъ нашей поэзіи.

Русскій театръ въ прошедшемъ году обдѣ-
лалъ оригинальными пьесами. Замысловатый
князь Шаховской очень удачно, однакожь,
вывелъ на сцену Вольгера женошу и Вольгера
старика въ діалогіи своей: *ты и онъ*, и пере-
дѣлавъ для сценныя эпизодъ *Финна* изъ поемы
Пушкина *Людмила и Русланъ*.

Въ Москвѣ тоже давали, какъ говорятъ, хорошій переводъ: *Школы стариковъ* (Делавина) г. Кожошкина и еще кой-какіе водевилы и драмы, о коихъ по слухамъ судить не можно а здѣсь нѣкоторыя драмы обизаны были успѣхомъ своимъ сильной игръ г. Семеновой и Каратыгина. Я бы сказалъ что нибудь о печатной, но не игральной комедіи г. Фодорова: *Громиловъ*, еслибы мнѣ удалось дочесть ее. Въ числу театральныхъ представленій принадлежитъ и *Торжество музъ*, предлогъ г. М. Дмитріева на открытіе большого Московскаго театра. Въ немъ, хотя форма и очень устарѣла, есть щастливые стихи и свѣтлыя мысли. Но все это выкупила рукописная комедіи г. Грибѣдова: *Горе отъ ума*, феноменъ, какого не видали мы отъ временъ *Недоросля*. Толпа характеровъ, обрисованныхъ смѣло и рѣзко; живая картина Московскихъ нравовъ, душа въ чувствованіяхъ, умъ и остроуміе въ рѣчахъ, невиданная доселѣ бѣглость и природа разговораго Русскаго языка въ стихахъ. Все это завлекаетъ, поражаетъ, приковываетъ вниманіе. Человѣкъ съ сердцемъ не прочтетъ ее не сѣтявшись, не тронувшись до слезъ. Люди, привычные даже забавляться по Французкой систематикѣ, или оскорбленные зеркальностью сценъ, говорятъ, что въ ней нѣтъ завязки, что

авторъ не по правиламъ правителя; — но пусть они говорятъ что имъ угодно: предразсудки разсвѣтаетъ и будущее оцѣнить достойно сію комедію; и поставитъ ее въ число первыхъ твореній народныхъ.

Удача альманаховъ показываетъ нетерпѣливую и склонность времени не только мало писать, но и читать мало. Теперь ходячая наша словесность сдѣлалась карманною. Призръ Полярной звѣзды породилъ множество подражаній въ 1824 году. Началось *Мнемозиню*, которая если не по объему и содержанию; то по объему издателей принадлежитъ къ дружинѣ альманаховъ. Страсть, писать теоріи, опровергаемая самими авторами на практикѣ; есть одна изъ примѣтъ нашего вѣка, и она заглавными буквами читается въ *Мнемозинѣ*. Впрочемъ за исключеніемъ диктаторскаго тона и бпроемчивости въ сужденіяхъ, въ г. Одоевскомъ видны умъ и начитанность. Сцены изъ трагедіи *Аривилле* и пьесы на *Смерть Байрона* г. Кюхельбекера — имѣютъ большое достоинство. На 1825 годъ театральный альманахъ, *Русская Талия* (издатель г. Вулгаринъ), между многими хорошими отрывками заключаетъ въ себѣ 3-е дѣйствіе комедіи *Горе отъ ума*, которое беретъ безусловное преимущество надъ другими. Потому от-

рывокъ изъ трагедіи *Венцеславъ*, Ротру, щастливо передѣланной Жандроизъ, и сцены изъ комедіи *Нерешительный* г. Хисльницкаго и *Ворожел* кн. Шаховскаго. Кромѣ этого книжка сія оживлена очень дѣльною статьею г. Греча о *Русскомъ театрѣ* и характеристически выходящими самого издателя. — *Русская старина*, изданная г. г. Корниловичемъ и Сухо-руковымъ. Изъ нихъ первый описалъ вѣкъ и бытъ Петра великаго, а другой, нравы и обычаи поэтическаго своего народа — казаковъ. Оба разсказа любопытны, живы, занимательны. Сердце радуется видя какъ проза и поэзія скидываютъ свое безличіе и обращаются къ роднымъ, стариннымъ источникамъ. — *Несскій альманахъ* (изд. г. Аладьянъ), не лестный попутчикъ для другихъ альманаховъ. — Наконецъ *Сѣверные цветы* собранные барономъ Дельвигомъ, блистаютъ всею яркостію красокъ поэтической радуги, всѣми цвѣтами старѣйшинъ нашего Парнасса. Хотя стихотворная ея часть гораздо богаче прозаической, но и въ этой особенно занимательна статья г. Дашкова: *Аполонская гора* и нѣкоторыя мѣста въ *письмахъ изъ Италіи*. Мнѣ кажется, что г. Шлетневъ не содѣлалъ прагъ, расточая въ обзорѣннѣ полною рукою похвалы всѣмъ, и увидя нѣкоторыхъ поэтовъ, что они не умрутъ, до-

тому только, что они живы, — но у всякаго свой вѣсъ словъ, у каждаго свое мнѣніе. Изъ стихотвореній прелестныя наиболѣе: Пушкина думъ *Олень*, и *Демонъ*, *Русскія пѣсни* Дельвига и *Черныя Баратынскаго*. Одинъ только урекъ едваю я въ отношеніи къ цѣли альманаховъ: *Сверные цвѣты* можно прочесть не улыбувшись.

Журналы по прежнему шли своимъ чередомъ, т. е. все кружилось по одной дорогѣ: ибо у насъ нѣтъ раздѣленія работы, мнѣній и предлоговъ. *Иногда* наполняли свои листки и *Новости литературы*, лежалою прозою и перепечатанными стихами. Замѣтить, что съ нѣкотораго времени закралась къ издателямъ нѣкоторыхъ журналовъ привычка, помѣщать чужія прощаведенія безъ спросу, и пользоваться чужими трудами безъ отвѣта. *Вѣстникъ Европы* толковалъ о старинѣ и заржавленныиъ циркуляхъ измѣрять повеи. Подобно прочимъ журналамъ, онъ особенно въ прѣшломъ году изобиловалъ критическою перебранкою; критика на предисловіе къ Бахчисарайскому обптану, съ ея послѣдствіями, достойна порицанія, если не по предмету, то по изложенію. Подобная личность вредитъ словестности, оправдывая неуваженіе многихъ къ словесникамъ. Этого мало: — кто-то Русской пачеца-

тадь въ Парижѣ злую выходку на многихъ нашихъ литераторовъ, и передъ глазами цѣлой Европы, не могла показать достоинствъ, обнажить можетъ быть иныя ихъ недостатки и свое пристрастіе. Другой, тамъ же, защищалъ далекихъ обиженныхъ, хотя не вѣсело справедливо, но весьма благородно, и подлинная наша междусобица загорѣлась на чужой землѣ. 1825 годъ ознаменовался преобразованиемъ некоторыхъ старыхъ журналовъ и появленіемъ новыхъ. У насъ не доставало газеты для насущныхъ новостей, которая соединяла бы въ себѣ политическія и литературныя вѣсти: г. г. Греція и Бургарія дали намъ ее — это *Сѣверная звезда*. Разнообразіемъ содержанія, быстротою сообщенія новизны, терпеливостью выходомъ в самую форму — она вполнѣ удовлетворяетъ цѣли. Каждое состояніе, каждый возрастъ находитъ тамъ что-нибудь по себѣ. Между многими любовитыми и хорошими статьями замѣтилъ я, о романѣ г. Сомова и краяхъ Бургарія. Жаль, что г. Бургарія не имѣетъ времени отдѣлывать свои произведенія. Въ нихъ даже что-то есть недосказанное; но съ его наблюдательнымъ взоромъ, съ его забавнымъ сгибомъ ума, онъ могъ бы достигнуть прочтѣйшей славы. *Сѣверный Архивъ и Сынъ Отечества*

смысл, принади въ свой составъ повѣсти; зготъ
василонизитъ не очетъ поправитя ученымъ,
но публика любить такое снъшеніе. За чи-
стоту языка вѣхъ 3-хъ журналовъ обизаны
мы Г. Гречу — ибо олъ завѣдываетъ гранмати-
ческою редакціею. Въ Петербургѣ на сей годъ
пздастся вновь журналъ : *Библиографическіе*
листки Г. Кеннезонъ. Это необходимый ука-
затель источниковъ всего писаннаго о Россіи.
Въ Москвѣ явился двухнедѣльный журналъ :
Телеграфъ изд. г. Полевимъ. Олъ заключаетъ
въ себѣ все; извѣщаетъ и судитъ обо всемъ,
начиная отъ безконечно малыхъ въ математи-
кѣ до пѣтушьихъ гребешковъ въ соусѣ или до
бантиковъ на новомодныхъ башмачкахъ. Не-
ровный слогъ, самоувѣренность въ сужденіяхъ,
рѣзкій тонъ въ приговорахъ, вездѣ охота у-
чить и частое пристрастіе — вотъ знаки сего
телеграфа, а *смыслъ владѣетъ Болъ*, его де-
визъ.

Журналы наши не такъ однакожь дурны,
какъ утверждаютъ нѣкоторые умники, и врадъ
ли уступаютъ иностраннымъ. Назовите мнѣ
хоть одинъ сносный литературный журналъ
во Франціи, кромѣ *Revue Encyclopedique* Нѣм-
цы ужъ давно живутъ только переводами изъ
журнала г. Ольдекопа, у котораго, не къ славъ
здѣшнихъ Нѣмцевъ, едва есть тридцать под-

нищиковъ, и одни только Англичане поддер-
живаютъ во всей дѣлѣ славу ума чело-
вѣческаго.
: Оманчивою. Знаю, что гдѣ и гдѣ востанутъ
ча нана, за ле и ко-го, тѣ на мѣдѣ дѣс-
дятся градъ вопроствельныхъ вренкозъ и
посклицательныхъ шпалакъ. Знаю, что я из-
бралъ плохую методу, соорилъ съ своими
читателями въ предисловіи книги, которая у
нихъ въ рукахъ. Но какъ бы то ни было,
я сказалъ что думаю. — и Полярная Звѣзда
передъ нами.

**ВЗГЛЯДЪ НА СТАРУЮ И НОВУЮ
СЛОВЕСНОСТЬ ВЪ РОССИИ.**

Геній проспортивъ и поэзіи, гражданскія
дѣла странъ, ровесникъ всѣхъ возрастовъ на-
родовъ, не была чужда и предкамъ нашимъ.
Чувства и страсти свойственны каждому; но
страсть къ славы къ народу вознѣвшему
необходимо требуетъ одушевляющихъ мѣсней,
и Славяне, на берегахъ Дуная, Днѣпра и Вол-
хова, ознакомили дѣбра гавани побѣдими.
До XII вѣка, однако же, мы не находимъ
нѣсмелныхъ наметниковъ Русской поэзіи: все
прочее сокрывается въ туманѣ преданій и га-
даній. Бытописанія нашего языка еще не-
извѣстны народнымъ: вѣроятно, что Варяго-Рос-
сы (Норманны), пришельцы Скандинавскіе, сли-

ли воедино съ родомъ Славянскимъ языкъ и племена свои, и отъ сего-то смѣшенія произошелъ языкъ собственно Русскій; но когда и какимъ образомъ отдѣлился онъ отъ своего родоначальника, никто опредѣлить не можетъ. Съ Библиею (въ X вѣкѣ), написанною на Болгаро-Сербскомъ нарѣчїи, славянизмъ наследовалъ отъ Грековъ красоты, прихоти, обороты, словосложность и словосочиненіе Эллинскія. Переводчики Священныхъ книгъ и послѣдующіе лѣтописцы, люди духовнаго званія, желая возвыситься слогомъ, писали или думали писать языкомъ церковнымъ — и отъ того испестряли Славянскій отечественными и мѣстными выраженїями въ сѣрїанѣ, въ сѣрїанѣ и въ сѣрїанѣ не свойственными. Между тѣмъ языкъ Русскій обивался въ обществѣ, и постоянно терпалъ свою перабытнуну дѣлостъ, съ сѣрїанѣмъ и сѣрїанѣмъ и сѣрїанѣмъ и сѣрїанѣмъ. Владичество Татаръ ввелъ въ языкъ сѣрїанѣмъ сѣрїанѣмъ сѣрїанѣмъ, но духовные писатели XVI и XVII столѣтїи, воспитанные въ предѣлахъ Польши, не мало искажали Русское слово испорченными Славено-Польскими выраженїями. Съ времени Петра Великаго, съ учеными терминами, вкралась въ языкъ строгость къ германскому и латинизму. Въ языкъ галлицизмовъ началъ въ царствованїи Елисаветы, и теперь

только начинаеть языкъ надъ отрясть съ себя пыль древности, и гремящи чуждыхъ ему нарѣчій. — Нынѣшнее состояніе онаго увидимъ мы въ послѣдствіи; теперь мысленно пробѣжимъ политическія препоны, замедлявшія ходъ просвѣщенія и успѣхи словесности въ Россіи.

Новообращенные Россіяне, истребляя все носившее на себѣ отпечатокъ язычества, нанесли первый ударъ древней словесности. Скоро минулъ для поэзіи красивый вѣкъ Владиміровъ, и на его мѣстѣ возникли междоусобія: Русь не могла отдохнуть подъ кроткою властію Ярославовъ и Мономаховъ, ибо Удѣльные Князья непрестанно ковали крамолы другъ на друга, накликали Половцевъ, Угровъ, Черныхъ Клобуковъ, и воевали съ ними противъ братій своихъ. — Разоренное отечество вѣнодало на браняхъ противу домашнихъ враговъ, или на стражѣ отъ набѣговъ сосѣднихъ; наконецъ гроза разразилась надъ нимъ и гордый Моголь, на пепелищѣ Русской свободы, разбилъ странственную свою палатку.

Все, что можетъ и стрѣбитъ огонь, мечъ и невѣжество, гибло. Какъ враны, воцарилось племя Батыево надъ пустынями и кладбищами. Варварство заградило страхомъ свѣтъ съ запада и востока. Въ монастыряхъ только и

въ вольномъ Новѣгородѣ таялись искры просвѣщенія: за то лишь пищета и невѣжество рудились за безопасность прочихъ. Мало по малу обривалась Россія отъ бѣды, опершись на мечъ Невскаго и Донскаго; оживала въ князьяхъ Калиты и Васнаія (Димитріевича); но иноземное просвѣщеніе упало вѣсть съ Новгородомъ и его торговлею. Іоаннъ Грозный призывалъ на Русь науки и искусства: мудрый и несчастный Годуновъ ревностно имъ покровительствовалъ; но ужасы междуцарствія, злодѣянія Самозванцевъ, вѣроломство Польши, и расхищенія отъ Шведовъ задушили сѣмена, посеянные его рукою. — Алексѣй образовалъ искусство ратное, и политическими сношеніями нѣсколько приготовилъ Россіянъ къ важной переживъ; но, до благотворнаго царствованія Петра, науки были только дѣломъ, а не снестеюю.

И такъ подивимся ли, что хладный климатъ Россіи произвелъ немногіе цвѣты словесности! — Пожары, войны и время истребили остальное. Небреженіе Русскихъ о всеобщей отечественной не мало тому способствовало.

Въ лѣтонисяхъ, до насъ дошедшихъ, первое мѣсто занимаетъ Несторова. Онъ писалъ хронически, слогомъ простымъ, не вудравымъ, но болѣе или менѣе означеннымъ сдѣлани-

нелемъ.. Въ лѣтонисахъ Пелозеной и Ново-
городской встрѣчаются мѣста трогательныя,
исполненыя разсужденій саразедливыхъ, а не
одни случаи. Въ Пестеровой видны искренности
и здравомысліе. — Руская Правда — сдѣ-
ловъ съ судебныхъ законовъ Свиднавскихъ
— и еще меншия грамоты и записки кня-
жескія писаны языкомъ грубымъ, но краткимъ
и сильнымъ. — Народныя пѣсни неизменно
преданіемъ, и едва ли древнѣе трехъ столѣтій.
Рускій поэтъ за трудомъ и на досугъ, въ не-
чаяхъ и въ радости, и многія пѣсни его отли-
чаются снѣжестію чувствъ, сердечною тепло-
тою, нѣжностью оборотовъ; но бѣды отечест-
ва и туманяще его небо проливаютъ на нихъ
какое-то уныніе, и вообще въ нихъ рѣдко
встрѣчаются пылкія страсти и обиліе мыслей.
— Возвышенныя пѣнопѣвкіи старинныя Русской
печерны, какъ звукъ разбитой лиры; одно имя
соловья Фаана отстранило въ потомствѣ, по его
дворенія манули въ бездну звонъ, и отъ всей
мозаикъ древней сократилась для насъ только одна
козла о входѣ Игоря, князя Свѣрскаго,
на Половцевъ. Тамъ находимъ мы незначитель-
ныя красоты; жную природу, отвлеченный
кругъ дѣйствій. Безъименный пѣвецъ вдох-
нулъ Русскую боевую душу въ языкъ юный,
но и самую странность привлекательный, опъ

украшенъ его цвѣтами мечты, вымысломъ народной мифологiи, разительными сравненiями и чувствами глубокими. Непреклонный, славолюбивый духъ народа дышитъ въ каждой строкѣ. Драгоцѣнная поэма сія, принадлежащая къ XII вѣку, писана мѣрною прозою и ланкою, вѣроятно, южно-Русскимъ. Кажется, время сохранило ее, чтобы смѣльце дать почувствовать потерю остальнаго! — Въ пѣснѣ о битвѣ Донецкой (XV вѣка) нѣтъ того огня, той силы въ очертанiи лицъ, той самородной прелести, которыя отличаютъ Пѣснь о походѣ Игоря. Впрочемъ разказъ оной пламенъ и захватливъ, и ее должно читать наравнѣ со всеми древностями нашего слова, дабы въ нихъ найти черты Русскаго народа, и тѣмъ дать настоящую физиономію языку.

Однимъ шагомъ переступаемъ разстояніе пяти столѣтій: новая эпоха въ краснорѣчiи настаегъ отъ *Феофана*, въ стихотворствѣ отъ *Кантемира*. Первый (род. 1681, ум. 1736 г.), одаренный умомъ обширнымъ, утонченнымъ, давалъ политическія пружины государства сердцамъ слушателей и читателей. Краснорѣчiе его убѣдительно: онъ говоритъ чувствами и отъ чувства; но языкъ Феофана неправиленъ, изломавъ, и неспрещъ Подольскимъ и Славянскимъ. Остроумный Кантемиръ (р. 1708, ум. 1744 г.),

хотя неусильно ввелъ Французскій, влившій силлабическій размѣръ, хотя писалъ слогами неровными, жесткими, хотя дружилъ насъ съ Европѣйскими мыслями на языкѣ народномъ, еще необработанномъ; — но, какъ философъ, какъ вѣрный живописецъ правды и обычаевъ вѣка, будетъ жить славою въ дальнеише потомствѣ!

Подобно сѣверному сиянію съ береговъ Ледовитаго моря, гений *Ломоносова* (род. 1711, ум. 1765 г.); озарилъ полночь. Онъ пробился сквозь препоны обстоятельствъ, учился и научалъ, собиралъ, отыскивалъ въ прахѣ старины матеріалы для Русскаго слова, создалъ, творилъ — и цѣлымъ вѣкомъ двинулъ впередъ словесность нашу. — Русскій языкъ: обязанъ ему правилами, стихотворство и краснорѣчіе формами — тогда и другія образцами. Дряхлѣвшій слогъ нашъ оживилъ подъ перомъ Ломоносова. Правда, онъ занялъ у своихъ учителей, *Ивницевъ*, какое-то единообразіе въ расположеніи и обиліе въ разсказѣ; но величіе мыслей и роскошь картинъ некунаютъ сія малыя пятна въ талантѣ поэта, создавшаго языкъ лирическій.

Въ то время, какъ юный Ломоносовъ парилъ лебедемъ, бездарный *Третьяковскій* (р. 1703, ум. 1769 г.), пресмыкался, какъ мура-

вой, разладывалъ наказанья, пристрастий Русскому средосложению, и оставилъ въ себѣ принципъ трудолюбія и безвнузія. Слѣхонворники, стихами сонныи, въ отрицательномъ смѣсѣ, оны преодолѣли важный урокъ послѣдующимъ писателямъ. — *Сумароковъ*, современникъ и соизрядникъ Демонсова, былъ отцемъ нашего театра. Онъ писалъ во всѣхъ родахъ; но теперь преданіе, зѣвки его дануть и облетають: неупрощенно, потому что отъзывается ему въ славу обрацовано писателя. Въ Русскихъ трагедіяхъ подражаніе французскимъ, совершенное отсутствие иѣстности, безхарактерность лицъ, холодность страстей и сложность плана — суть всегдашніе ево пороки. Простота его басенъ, идиллій надута; веселость комедій принужденна, и вообще рѣдкія черты чувствъ и красоты воображенія скрыты въ тѣнностяхъ торжественъ слога. (Родъ 1718, ум. 1777 г.)

— *Царевскій*, первый послѣ Демонсова, писалъ чистою прозою. Цареводъ *Омеля Фетосовъ* Цѣпа, заслуживаетъ климаніе. (Родъ 1730; ум. 1760 г.)

Медленною ступою двигалась впередъ славенность: — учрежденіе семинарій, Московскаго университета (1755), кадетскихъ корпусовъ (1732, 1762); прираваніе люденныхъ ученыхъ разливала просвѣщеніе; но имъ занятъ

былъ одинъ только умъ; изображение еще дремало. Писатели, даже самые посредственныя, были рѣдки. Критика и содержанство не очищали языка, но придавали ему блеску и живости. Съ Петра III одогу дѣловой сталъ одицаться отъ Латинской примеси. Наконецъ настало золотое время для словесности и ученыхъ. Великая Екатерина II, словомъ и дѣломъ, ободрила просвѣщеніе, разширила училища, основала академію Россійскую (1783), и тѣмъ же перомъ, коимъ рѣшила судьбы государствъ, писала Русскіе стихи, собственнымъ примѣромъ вливая жаръ соривнованія въ подданныхъ. Заслуги Екатерины для просвѣщенія отечества неисчислимы. Всѣ лучшіе наши писатели возникли или образовались подъ Ея владычествомъ. Дирикъ *Петраръ* исполненъ яркихъ мыслей, пламенныхъ, смѣлыхъ оборотовъ; быстро набросанныхъ картинъ; но у него поэзія мыслей, а не стиховъ. Языкъ его разрываетъ, шероховатъ и не всегда справедливъ. (Род. 1736, ум. 1799). — *Харасковъ*, стихотворецъ античскій, по своему времени, писалъ плацыми стихами, хотя кудряво и странно. Многіе отрывки изъ поэмъ *Владимира* и *Россіды* картины, великолѣпны, но обидуютъ мѣстностями; изъ *Декарелей стихъ* обрисованы съ пріятнымъ разнообразіемъ,

Никто изъ Русскихъ писателей не произвелъ былье Херааскова во всѣхъ родахъ. Жаль только, что ему недоставало краткости и оригинальности. (Род. 1733, ум. 1807 г.) — *Босдалевскій*, поэтъ милый и добродушный, первый канцелярь у насъ стихотворную сказку, слогаецъ ласкииъ, сердечныиъ, важнеловатыиъ. — Рассказъ въ его Душенииъ прелестенъ, и досеци предметъ егоиъ иъжннго; иъображеннн жнны, природны. Онъ разннобразенъ, подобно Протью; но въ иъноторнхъ мнстахъ его сти-хослосженнне падаецъ въ прозаннжнн. (Род. 1743, ум. 1802 г.) — *Висни Хелмнмера* не писаны, а разсказаны съ иепрнтворннхъ добродушнннхъ, и ои-то гениальная небрежннность соснавляетъ прелестъ, которой нельзя подражать и которой не должно въ немъ исправлять (Р. 1744, у. 1764 г.) — *Фонъ Визннъ*, въ комедняхъ словнхъ: *Бригадиръ* и *Недоросль*, въ высочайшей степенн умнлъ схватнть черты народно-сти, и подобно Сервантесу, привести въ нгру немннн страсти деревенскаго дворянства. Его критическнн твореннн будутъ драгоценныи для потомства, какъ *свежокъ* (fac simile) правовъ того времени. (Р. 1745, у. 1792 г.) — *В. Калншннъ* иъвнстенъ колкою сатирою, комеднсю: *Абеда*; оды его дышатъ благородствомъ мыслей. Легкнн стихотвореннн достойны древ-

ней антологіи. — Проза Космоса въ переводе Феофана и донынѣ можетъ служить образцемъ благозвучія, возвышенности. Его стихи оригинальны. Переводъ осьми пѣсней Иліады не всегда равно выдержанъ, но силенъ, важенъ и цѣлѣственъ. (Р, уи. 1796 г.) — Трагикъ *Княжнинъ* навѣстенъ на драматическомъ поприщѣ *Дидонаю* и *Вадимомъ*; изъ комедій его имѣютъ большое достоинство *Хвостунъ* и *Чудаки*, изъ водевилей *Свѣтлицы*; прочія же театральныя произведенія суть рабскіе слѣпки съ Французскихъ пьесъ. — Въ *Княжнинѣ* видно чувство. Языкъ его не советамъ въреть, но легокъ. (Р. 1742, уи. 1791 г.) — Наполеонъ, къ славіи народа и вѣка, явился *Державинъ*, поэтъ вдохновенный, неподражаемый, и отважно ринулся на высоты, ни прежде, ни послѣ него недосигаемыя. Лирико-философъ, онъ нашелъ искусство съ улыбкою говорить царямъ истину, открылъ тайну возвышать души, илѣнять сердца и увлекать ихъ то перывами чувствъ, то смѣлостью выраженій, то великолѣпіемъ описаній. Его слогъ неуловимъ — какъ волна, роскошенъ — какъ природа. Не часто восторгъ его удерживалъ въ полетѣ призыва языка, и съ красотами вырвались ошибки. На закатѣ жизни, *Державинъ* нанисалъ незаконно нѣсѣ слабыхъ, но и въ тѣхъ

необлаютъ искры генія, и современники и потомки съ изумленіемъ взираютъ на огромный талантъ Русскаго Пандара, нѣвца ведопада, Фелицы и Бога. Такъ драгоценный алмазъ долго еще горитъ во тьмѣ, будучи наносящъ лучемъ солнечнымъ; такъ курится подъ свѣтлою корою трех-климатный Везувій послѣ изверженія, и путникъ въ густомъ дымѣ его видитъ предвѣчу новой бури! (Р. 1743, ун. 1816 г.) Радамъ съ имать, въ родѣ легкой пезамъ, возникъ *Дмигріосъ*, и обратилъ на себя вниманіе всѣхъ. Игривымъ слогаемъ, остроумъ отдѣлян онъ снискалъ себѣ имя образцоваго поэта и закотилъ Русскихъ къ отечественному стихотворству. Милалъ, разборчивая муза его, изъяснялась языкомъ лучшихъ обществъ, нашла друзей даже въ кругу свѣтскихъ женщинъ и своимъ вліаніемъ на всѣ сословія принесла важную пользу словесности. — Детучій рассказъ его повѣстей вѣднителей, утонченность наемъшии въ сатирахъ примѣрна; равно какъ пость и баснописецъ, *Дмигріевъ* украсился нѣнкомъ Лафонтена, и первый у насъ содалъ легкій разговоръ басенный. Оригинальный переводчикъ съ Французскаго, онъ передалъ нашему плавкосу языку всю оманчивость, всю игру, всѣ виды перваго. (Р. 1760). — Между тѣмъ, какъ *Державинъ* изумлялъ

своими одани, какъ Дмитріевъ привлекалъ живыми чувствами въ пѣсняхъ, картинностию въ оригинальныхъ произведеніяхъ — блеснулъ Карамзинъ на горизонтѣ прозы, подобно радугѣ послѣ непогои. Онъ преобразовалъ книжный языкъ Русскій, алуцшій, богатый, свальный въ сущности, но уже отягчаемый въ рукахъ безталантныхъ писателей и неспѣшь-переводчиковъ. Онъ динулъ несчастною повизною ржавыя колеса его механизма, отбросилъ чуждую постройку въ словахъ, въ словосочиненіи и далъ ему народное лице. Время разсудить Карамзина, какъ историка : но долгъ правды и благодарности современниковъ вѣнчать сего праспорѣчиваго писателя, который своимъ прелестнымъ, цвѣтущимъ слогаиъ отдалъ рѣшительный переворотъ въ Русскомъ языкѣ, на лучшее. Легкія стихотворенія Карамзина ознаменованы чувствомъ : они вытекаютъ изъ искреннаго вѣдѣнія сердца дѣвственнаго, и слезу изъ гѣхъ, которые все испытали. (Род. 1765). — Въ шутовскомъ родѣ (burlesque) навѣстимъ у насъ *Майкова* и *Осипова*. Первый (р. 1725, у. 1778 г.) оспорбилъ образованнымъ вкусъ своею поэмою *Елисей*. Второй, въ Эпиградѣ на пѣсню, довольно забавенъ и оригиналенъ. Ес же на Малороссійское нарѣчіе, съ большою удачею, переложилъ *Комаровскій*. *Нелединскій-Мелецкій* познакомилъ пѣвцами

своими пѣснями прекрасныхъ нашихъ соотечественницъ съ роднымъ языкомъ, который такъ нѣжно ласкаетъ слухъ и такъ сладостно проникаетъ сердце. (Р. 1751). Ему удачно последовалъ *графъ Салтыковъ*. — *Боброевъ* изобилуетъ сильными мыслями и рѣзкими изображеніями. Въ *Херсонидѣ* встрѣчаются оригинальныя красоты, но слогъ его нѣрѣдко напыщенъ и паденіе стонъ тяжело. (Ум. 1810). — *Андрей Дельворукій* отличенъ свободнымъ рассказомъ и непринужденною веселостію. Не смотря на частыя стихотворныя вольности, его *Ассъ*, *Каминь*, къ *Сосѣду* и *Завѣщаніе* всегда будутъ читаемы за Русское ихъ выраженіе. (Род. 1764). — *Графъ Хвостовъ*, трудолюбивый стихотворецъ нашъ, писалъ въ различныхъ родахъ, и въ немъ нѣрѣдко встрѣчаются новыя мысли. Одами своими заслужилъ онъ недвусмысленную славу, и публика уже оцѣнила всѣ поэтическія его произведенія. (Род. 1757). *Муромцевъ* (р. 1757, у. 1807) писалъ мужественною, чистою, *Подшиваловъ* (р. 1765, у. 1813 г.) безъискусственною прозою. Слогъ обоихъ имѣетъ тѣмъ большее достоинство, что они, живя въ одно время съ Карамзиннымъ, соучаствовали къ преобразованію слога. — *Макаровъ* острыми критиками своими оказалъ личную услугу словесности. (Р. 1765, у. 1804 г.)

— *Восставокъ* первый показалъ опытъ надъ гибкостью Русскаго языка для всѣхъ стихотворныхъ размѣровъ. Умылая поэзія его дышитъ философією и глубокимъ чувствомъ, (Р. 1781). — *Маринъ* славенъ острыми сатирами и забавными народіями. (Ум. 1813). *Князь Горюшковъ* превзошелъ его колкостью, правдою и народностью своихъ сатиръ; къ сожалѣнію, ихъ не много. (Род. 1762). — *Пимъ* съ дарованіемъ соединялъ высокія чувства поэта. Слогъ его особенно чистъ. (Р. 1773, у. 1805). *М. Кайсаровъ* сдѣлалъ себѣ имя переводомъ Стерна. — *Маршиковъ* (р. 1771) переводилъ Дюнати, Руссо и цѣлаторыхъ Греческихъ классиковъ — трудъ немаловажный съ нашимъ упрямымъ языкомъ, для прозы общежительной. — *Князь Шаликовъ* писалъ изящною прозою. Онъ обилеиъ великими стихотворными сочиненіями. Его нуза игрива, но наруманена — *Панкратій Сулержиковъ* отличенъ развязною шутиливостію въ стихахъ своихъ, не всегда гладкихъ, но всегда замеловатыхъ. *Сильной Эротъ* доказываетъ, что сибирскіе морозы не охладили забавнаго его воображенія. — Баснописецъ *Александръ Малайковъ* рисуетъ природу, какъ Теньеръ. Разсказъ его плавленъ, естественъ; подробности оного заставляютъ смѣяться самому дѣйствію. Онъ избралъ для предмета сказокъ

нашій классъ общества, и со временемъ будетъ жить въ своемъ родѣ большую цѣну, какъ вѣрный историкъ сего класса народа. (Р. 1779) — *Бетлицкій* написалъ только три сказки, за те образцовою прозою. Изъ нихъ: *На другой день или Застра*—будетъ на вѣхъ языкахъ оригинальнымъ, ибо пишетъ имelmani. Смерть рано похитила его у Русской словесности! (Р. 1780, у. 1809). — *Шиншковъ* — писатель прозаическій. Начатки его ознаменованы легкостью слога. Бездѣлки, написанныя имъ для дѣтей, могутъ служить образцами въ семь родѣ. Въ послѣдствіи, когда слезлима полу-Русскія іереміады наводили нашу словесность, онъ смѣло и справедливо возсталъ противу сей повзвни въ коленической книгѣ о старомъ и новомъ словѣ. Теперь онъ тщательно занимается редословною Русскихъ нарѣчій и рѣченій, и доводами е превосходитъ языка Славянскаго надъ нынѣшнимъ Русскимъ. (Р. 1754). — Стихи *Шатрова* полны рѣзкихъ мыслей и чувствъ, но слоги исказены его устарѣль. — *Князь Шинковъ* имѣетъ созерцательный духъ и плавность въ элегическихъ стихотвореніяхъ. Вирочетъ его назвія сумрачна. — *Судовниковъ* съ большою легкостью и правдою обрисовалъ своею комедію въ стихахъ: *Несмысленное дѣло или Чест-*

ный Секретарь — *Ефимовъ* довольно удачно изобразилъ въ стихотворной же комедіи преступника отъ игры (Ум. 1804). — *Аблесимовъ* известь своиъ старинныи національныи подеишленъ: *Мельникъ*. (Ум. 1784). — *Крюковской* написалъ трагедію *Пожерской*, въ которой больше патриотизма, нежели истины. Въ ней однако же есть возвышенныи мѣста въ отношеніи къ чувствамъ и характерамъ. (Р. 1781, у. 1811). — Наконецъ, на поприщѣ трагическомъ, *Озеровъ* далеко оставилъ за собою своихъ предшественниковъ. Онъ обладалъ чувства глубокии и воображеніе пламенное — творцы великихъ людей или могущихъ поэтовъ. Изъ пяти трагедій, имъ написанныхъ, *Эдинъ берегъ* безусловное первенство надъ прочими, истинною, выразительностію характеровъ и благородствомъ разговора. *Фингалъ* одушевленъ *Оссіановскою* поэзіею; *Донской* изобилуетъ счастливыми стихами, игрою страстей, народностію и картинами; но характеръ героя нѣмы унизилъ. Прозанамы рѣдки въ *Озеровъ*, и *Александрійскіе* его стихи звучны и важны. (Род. 1770, ум. 1816 г.)

Теперь приступаю къ характеристикѣ особъ прославившихся или появившихся въ теченіе

последняго пятнадцати-лѣтія. Въ ней найдутъ мои читатели и поэтовъ, составляющихъ созвѣдіе сѣверою лиры, и писателей, кои, свергнувъ, исчезали подобно кометамъ, даже и тѣхъ, которыхъ имена мелькаютъ воздушными огнями въ эфемерныхъ журналахъ. Тѣсныя рамы сего обзора не позволяютъ мнѣ упомянуть о писателяхъ, занимающихся предметами учеными, и потому не праже дѣйствующихъ на словесность.

И. А. Крыловъ возвелъ Русскую басню въ оригинально-классическое достоинство. Невозможно дать большаго простодушія разсказу, большей народности лангу, большей осваземости правоученію. Въ каждомъ его стихѣ видѣнъ Русскій здравый умъ. Онъ похожъ природою описаній на *Лафонтета*, но имѣетъ свой особый характеръ: его каждая басня — сатира, тѣмъ сильнѣйшая, что она коротка и разсказама съ видомъ простодушія. Читая стихи его, не замѣчаешь даже, что они стонованы — и это-то есть верхъ искусства. Жаль, что *Крыловъ* подарилъ театрѣ только тремя комедіями. По своему знанію языка и нравовъ Русскихъ, по неистощимой своей веселости и остроумію, онъ могъ бы дать ей черты народныя. (Р. 1768). — Съ *Жуковскаго* и *Батюшкова* начинается новая школа нашей поэзіи. Оба они достигли

тайну величественнаго, гармоническаго ламина Русскаго; оба покинули старинное право лопать смель, рубить слова для ифры, и писать полубогатыя рифмы. Кто не увлекся мечтательною поэзію Жуковскаго, чарующаго столь сладостными звуками? Есть время въ жизни, въ которое избытокъ неясныхъ чувствъ волнуеть грудь нашу; душа жаждеть наполниться, и не находитъ вещественныхъ знаковъ для выраженія: въ стихахъ Жуковскаго, будто сквозь сонъ, мы какъ знакомцевъ встрѣчаемъ олицетворенными свои призраки, воскресшимъ былое. — Нанагиченное желѣзо клонится къ безвѣстному полюсу, — его изображение къ таинственному идеалу чего-то прекраснаго, но несознаемаго, и сія отвлеченность проливаетъ на всѣ его произведенія особенную привлекательность. Душа читателя потрясается чувствомъ умнымъ, но невыразимо пріятнымъ. Такъ доходятъ до сердца несныя звуки Эоловой арфы, колеблемой владками вѣтра. — Многіе переводы Жуковскаго лучше своихъ подлинниковъ, ибо въ нихъ благозвучіе и глубокость языка украшаютъ ифрность выраженія. Никто лучше его не могъ облечь въ одежду свѣтлаго, чистаго языка разноплеменныхъ читателей; онъ передаетъ всѣ черты ажъ со всею свѣжестію красокъ портрета, но

только съ безцвѣтной точностью силуэтною. Онъ изобилуетъ, разнообразенъ, неподражаемъ въ описаніяхъ. У него природа видна не въ картинахъ; а въ зеркалахъ. Можно замѣтить только, что онъ далъ многимъ изъ своихъ твореній Германскій колоритъ, сходящій иногда въ mistake и; вообще, склонность къ чудесному; но что значать ей бездѣльные недостатки во вдохновенномъ пѣвцѣ 1812 года, который дышитъ огнемъ боевъ, въ пѣвцѣ Луны, Людмилы и предестной, какъ радость, Свѣтланы? Переводная проза Жуковского прихвѣрна. Оригинальная повѣсть его *Марина роица* стоитъ на ряду съ *Марою* посадицею Карамзина (Род. 1783 г.). — Поезія *Батюшкова* подобна рѣзвому водомету, который то непадаетъ жѣрно, то плещется съ вѣтеркомъ. Какъ въ брызгахъ онаго переломляются лучи солнца, такъ сверкають въ ней мысли поэмы, разнообразныя. Соперникъ Анакреона и Парни, онъ славитъ наслажденія жизни. Темная изга и страстное упоеніе любви попеременно одушевляють его, и, какъ электричество, сообщаются душѣ читателя. Неодолимое волшебство гармоніи, игривость слога и выборъ счастливыхъ выраженій довершаютъ его побѣду. Сами граціи натирали краски, эстетическій вкусъ водилъ черомъ его; однимъ словомъ, Батюш-

ковъ остался бы образцовый поэтъ безъ упора, если бъ даже написалъ одного *Эмира-мачаго Тасса*. (Р. 1787). — *Александръ Пушкинъ* вмѣстѣ съ двумя предъидущими составляетъ нашъ поэтический триумфъ. Еще въ младенчествѣ онъ научилъ мужествомъ своего слога, и въ первой юности далъ ему владѣ Русскаго языка, открылись чары поэзіи. Новый Прометей, онъ похитилъ небесный огонь и, обладая онымъ, своею правдою играеть сердцами. Каждая пьеса его ознаменована оригинальною; послѣ чтенія каждой, остается что-нибудь въ памяти или въ чувствѣ. Мысли Пушкина остры, смѣлы, огиеты; языкъ свѣтелъ и правиленъ. Не говорю уже о благозвучіи стиховъ — это музыка; не упоминаю о плавности ихъ — по Русскому выраженію, они катятся по бархату межчугомъ! Двѣ поэмы сего юнаго поэта: *Руссланъ и Людмила* и *Кавказскій альпимикъ* исполнены чудесныхъ, дѣвственныхъ красотъ; особенно послѣдняя, писанная въ виду сѣдовласаго Кавказа и на погилъ Овидіевой, блистаетъ роскошью воображенія и всюю жнзнію мѣстныхъ красотъ природы. Неровность нѣкоторыхъ характеровъ и погрѣшности въ мнѣніи суть его недостатки — общіе всѣмъ пылкимъ поэтамъ, увлекаемымъ порывами воображенія (Р. 1799). — *Остроум-*

ный князь *Вяземскій* щедро сыплет сравненія и насмѣшки. Почти каждый стихъ его можетъ служить поговоркою, ибо каждый заключаетъ въ себѣ мысль. Онъ творить новыя, облагораживаетъ народныя слова, и любитъ блистать неожиданностью выраженій. Итъи взгляды бѣглыя и сообразительныя, онъ вѣрно цѣнитъ произведенія разума, научаетъ шутками, и одѣваетъ свои сужденія приманчивою свѣтлостію и блестками ума просвѣщеннаго. Многія изъ мелкихъ его сочиненій сверкаютъ чувствомъ; всѣ скрѣплены печатью таланта, не смотря на неровное, видѣ, паденіе звуковъ, и длину періодовъ въ прозѣ. Его упрекаютъ въ расточительности остроты, не оставляющихъ даже тѣней въ картинѣ, но это происходитъ не отъ желанія блистать умомъ, но отъ избытка онаго. (Р. 1792). — Въ *Гильдигъ* видѣнъ духъ творческій и душа воспламеняемая, доступная всему высокому. Наштанный древними классиками, онъ сообщилъ слегу своему ненаныщенную важность. Поэма его *Рожденіе Гелмера* цвѣтотъ красотаи неба *Элады*. Въ его элегіяхъ отзывается чувство необыкновенно глубокое, и оный языкъ въ оныхъ обработанъ съ большею тщательностію. Ему обязаны мы счастливымъ появленіемъ народной идилліи. Онъ усыновляетъ *Греческій* языкъ

цесря Русскому, величавому лавцу, и Гектору
авлетю: у насъ въ собственной одеждѣ, а не
въ путяхъ тѣсноты, утопическаго Александрій-
скаго раактра. (Р. 1784).

— Въ сочиненіяхъ *В. Глинки* отвѣчивается
ясная его душа. Стихи сего поэта благоуха-
ють нравственностію, что-то невещественно-пре-
красное чудится сквозь полупрозрачный по-
кровъ его поэзіи, и сливаясь съ собствен-
ною нашею мечтою, невольно къ себѣ при-
влекаетъ. Онъ владѣетъ языкомъ чувствъ, какъ
Виземской языкомъ мыслей! Проза его про-
ста, благозвучна и округлена, хотя нѣсколько
плодовита. *Письма Русскаго офицера* написаны
перомъ патріота-воина. Стихотворенія Глинки
видимо усервщаются въ отношеніи къ меха-
низму и обдуманности. Въ заключеніе ска-
жемъ, что онъ принадлежитъ къ числу писа-
телей, которыхъ біографія служила бы дум-
шинъ предисловіемъ и комментариемъ для ихъ
твореній. (Р. 1787).

Амазонская муза. Дамаскскіе разговоры евро-
пейскимъ партизанъ воиновъ, любите бесѣды
вкругъ пламени бивуака, и съ улыбкою рѣ-
щете по полю смерти. Следъ партизана-поэта
блеститъ, партизанскіе, византийскіе. Пламень любви
рыцарской и преледущная веселость попер-

мнѣе оживляютъ оный. Иногда онъ бываетъ не радень въ отдѣльнѣ; по время ли наведенію заниматься уборомъ? — Въ пѣсняхъ родъ — *Договоръ съ невестою* и нѣсколько элегій; въ гусарскомъ — задетныя посланія и зачатныя пѣсни его останутся навсегда образцами. (Р. 1784).

Баратынскій, по гармоніи стиховъ и мѣткому употребленію азыка, можетъ стать наряду съ Пушкинымъ. Онъ нравится новостью оборотовъ; его мысли не величественны, но очень милы. *Пиръ* Баратынскаго игривъ и забавенъ. Во многихъ бездѣлкахъ видѣнъ развивающійся даръ; нѣкоторыя изъ нихъ похищены, кажется, изъ альбома граціи.

— *Милоновъ*, поэтъ сильный въ сатирахъ и чувствительный въ элегіяхъ. Въ его стихахъ слышите голосъ тоски неизлечимой. Слогъ Милонова неуклончивъ, сжатъ и рѣшителенъ, но стихосложеніе иногда отрывисто. (Р. 1792, ум. 1821).

Всейловъ прелестенъ въ своихъ сатарическихъ посланіяхъ, нарядно живописенъ въ *Сказкѣ* Дамля, силенъ въ нѣкоторыхъ эпиграмахъ поэмы: *Искусство и музыка*. Впрочемъ, онъ поэтъ, вдохновенный умомъ, а не ображеніемъ. Даръ его не дозвѣло высокъ для

предмета, и теченіе стиховъ произносить бываетъ затруднено дляными рѣчьими (Р. 1783).

Притчи *Осмолово* оригинальны рѣзкостью и правдою правоученій; сатиры его ѣдки и портретны. Онъ оказалъ большую услугу словесности изданіемъ словаря поэзіи. (Р. 1782).

— *Родзянка*, безпечный пѣвецъ красоты и забавы; онъ пишетъ не много, но легко и пріятно.

Мерзляковъ подарилъ публику занимательными разборами и характеристикою нашихъ лучшихъ писателей. Въ оныхъ, безъ сухости, безъ педантства, показавъ твердое знаніе языка, умѣлъ онъ отъвѣтить каждому съ вѣрностью и разнovidностію. Пѣсни *Мерзлякова* дышатъ чувствомъ; переводы *Науки о Стихотворствѣ*, *Виргиліевыхъ* эклогъ и еще нѣкоторые — пріятны. Но должно признаться, что его стихосложеніе небрежно, и утонченный вкусъ не всегда водилъ перомъ автора. (Р. 1778).

В. Жуковинъ отличенъ вѣжливостію, тонкимъ вкусомъ, разсказомъ природнымъ и живностію, которыя украсаютъ мелкія его произведенія. (Р. 1770). — *Шлемневъ* удачно перенесъ по слѣдамъ *Мерзлякова* въ характеристикахъ поэтовъ. Въ печатальной поэзіи онъ подражателъ *Жуковского*. Знаніе роднаго языка и особенная

слабость стиховъ составляетъ отличительную его особенность; несправедливость мысли и бледность coloringa — недостатки. Его стихотворенія можно угодить гармоникъ. Въ частности, у Щетнева встрѣчаются дѣсы — игрушки стихотворства, украшенныя всѣми цѣтами фантази. Въ романтическомъ родѣ лучшее его произведеніе элегія *Минувъ*. — *Дельмез* одаренъ талантомъ вымысла; но пристрастенъ къ Германскому эмпиризму и древнимъ формамъ, нерѣдко впадаетъ въ отвлеченность. Въ бездѣлкахъ его видна ненарушенная природа. *Идиллія Шанаева* довольно естественна, очень миловидна; но онъ прививной плодъ въ Россіи. Разсказъ его нѣженъ, плавленъ, но языкъ не всегда правиленъ. (Род. 1792). — *Александръ Крыловъ* имѣетъ рѣдкое достоинство переливать иноземныя красоты въ Русскія, не измѣняя мыслямъ подлинника. Муза его подражательная, но стихи очаровываютъ своею звучностію. — Полуразвернувшіяся розы стихотвореній *Михайлы Дмитриева* обцѣляютъ въ языкъ образцоваго юрга, съ душою огненною. — Переводы *Романа Варгмацаныхъ Гюггана* достойны звана хвалы за бѣзпощадность къ оригиналу, и за ясный, звонкій языкъ. — *Одныя* удачно перевелъ анжотормъ *Герациониди* *оды*. Въ его элегіяхъ есть некая и: какия

мысли. — *Ф. М. Монахов* вложил много ума и чувствительности въ свои произведѣнія: онъ усѣбно переводилъ Горация. *Межановъ* въ бездѣлкахъ своихъ разбрасалъ цѣпки славянской философіи съ стихотворною легкостью. — *Козловъ*, поэтъ-слѣпецъ, пишетъ мало и трогательно. — *Иванъ-Исидоръ Писаревъ* обилецъ картинами и словами. — Сверхъ означенныхъ здѣсь, можно съ похвалою упомянуть объ *Александрѣ Писаревѣ*, *Маздурѣ*, *Норовѣ* и *Петровѣ*. — Въ стихотвореніяхъ *Анны Бунцовой* и *Анны Волковой* — двухъ женщинъ-поэтовъ — разсыяно много чувствительности и меланхолическаго, но механизмъ оныхъ недовольно легокъ. Однако же *Мадонне Фаэтты*, первой изъ нихъ, разнообразно красота вымысла. Еще нѣкоторые изъ соотечественницъ нашихъ бросали иногда блестящіе поэзи въ разныхъ журналахъ, и хотя полъ авторовъ можно было угадать безъ подписи ихъ именъ, но мы должны быть признательны за подобное сансхежденіе, мы должны радоваться, что наши красавицы занимаются языкомъ Русскимъ, который въ ихъ устахъ получаетъ новую жизнь, новую прелесть. Онѣ одѣтъ умѣютъ избрать средину между школьнымъ и слишкомъ обыкновеннымъ тономъ, смягчить и одушевить каждое выраженіе. Тогда кажется у насъ слогъ разговорный,

слозь благородной комедіи, того до сихъ поръ не было на сценѣ, ибо онъ не слышеть въ гостиныхъ. — Для трагедіи ни одиѣ изъ живыхъ Евронейскихъ языковъ не можеть быть склоненіе Русскаго : отсутствіе членовъ и умолчаніе глаголовъ вспомогаельныхъ творять его главнымъ, разнообразнымъ и живѣе сжатымъ. Высокость рѣченій Славянскихъ, важность и богатство звуковъ придаютъ ему все нужество, необходимое для выраженія страстей живыхъ или суровыхъ. Со всѣмъ тѣмъ у насъ не существуетъ народной трагедіи, и, вромѣ *Осера*, не было трагиковъ ; но и тогъ, покорствуя временности, заковалъ своего генія въ академическія формы и въ рифмованные стихи. — *Князь Шаховской* заслуживаетъ благодарность публики, ибо одинъ поддерживаетъ колящую къ разрушенію сцену, то переводимыми, то передѣльными драмами и водевилями. Онъ сочинилъ трагедію *Дебору*, переложилъ *Абубара*, но настоящее дѣло его есть комедія. Въ ней видны легкость и острота, но мало оригинальнаго. Носпѣшность, съ которою пишеть онъ для сцены, опереживаеть отдѣлку стиховъ и правила языка. Изъ фарсовъ лучшіе суть : *Два сосѣда* и *Полубарскія затли*, ибо въ нихъ схвачены черты народныя ; изъ комедій благородныхъ *Солъ селья* и *Какаду*. Разговор-

ный языкъ его развязенъ, текущъ, но не довольно высокъ для хорошаго общества, и не рѣдко поблескива мншура заемныхъ острогъ портить слогъ его. *Колошкннъ* прелестно и вѣрно перевелъ *Мизантропа*; *Грибодоос* весьма удачно передѣлалъ съ Французскаго комедію *Молодые супруги*, (*Le secret de menage*); стихи его живы; хорошій ихъ тонъ ручается за вкусъ его, и вообще въ немъ видно большое дарованіе для театра. — *Лобановъ* передалъ Расинову *Ифигенію* съ неотступною вѣрностію и чувствомъ оригинала. Онъ скоро подаритъ публику *Федрую*. Любители театра желаютъ для обогащенія онаго иноземными классическими произведеніями, чтобы у насъ было болѣе подобныхъ ему переводчиковъ. Тщательная его отдѣлка — замѣтннхъ мимоходомъ — иногда замедляетъ порывы страстей пылкихъ. *Вискосамовъ* написалъ трагедію *Ксетилъ и Темиръ*, которой ходъ довольно правдоподобенъ, ибо основанъ на вымыслѣ. Страсти высказаны стихами звучными, но онъ многорѣчивъ, и дѣйствіе связано. *Гамлетъ* явился на Русской сценѣ его стараніемъ. — Въ комедіяхъ *Затоскиня* разговоръ естественъ, нѣкоторые лица и многія мысли оригинальны, но планы ихъ не новы. — *Хмельницкому* обязаны мы самыми бѣглыми стихами въ родѣ комическомъ. Какъ не

льза лучше, перевелъ онъ *Госоруну Буасси*; передѣлалъ *Воздушныя замки* Колень д'Араевилля, и передалъ намъ нѣсколько водевилей. Въ немъ мало своего; за то въ подражаніи нѣтъ надутости. *Жандръ*, съ товарищами, перевелъ съ Французскаго нѣсколько трагедій и одну комедію, отъ чего многоручные переводы сія получили нестрогу въ слогъ; трагическіе стихи его гладки, нерѣдко сильны и часто заржавлены старинными выраженіями.— *Кателинъ*, переводчикъ *Сидя*, *Эсмира*, Грессетовой комедіи *Le méchant* и двухъ четвертыхъ дѣйствій въ трагедіяхъ *Гораціи* и *Медел*; Сочинитель балладъ, критикъ и антикритикъ, и лирическихъ стиховъ. — *Борисъ Федоровъ* писалъ много для сцены, но мало по вкусу публики. Однакожъ въ отрывкахъ его Юлія Цезаря видѣнъ даръ къ трагедіи. — Имена прочихъ авторовъ и переводчиковъ нѣсть случайныхъ извѣстны только по бенефиснымъ афишамъ, и, вѣроятно, не переживутъ ихъ въ потомствѣ!

Оставивъ за собою безплодное поле Русскаго театра, бросимъ взоръ на степь Русской прозы. Назвавъ Жуковскаго и Батюшкова, которые писали столь же мало, сколь прелестно, невольно останавливаешься, дивясь беззюдыю сей стороны, — что доказываетъ младенчество проsvѣщенія. — Гремужка занимаетъ дѣтей пре-

жде циркуля: стихи, какъ дествъ слуху, спосе- ны даже самы посредственны; но слогу прозы требуетъ не только знанія грамматики языка, но и грамматики разума, разнообразія въ падежѣ, въ округленіи Періодовъ, и не терять повтореній. Отъ сего-то у насъ такое множество стихотворцевъ (не говорю, поэтовъ) и почти вовсе нѣтъ прозаиковъ, и какъ первыхъ можно укорить блѣдностію мыслей, такъ послѣднихъ погрѣшностями противу языка. Къ сему присоединилась еще односторонность, происшедшая отъ употребленія одного Французскаго и переводовъ съ сего языка. Обладая неразработанными сокровищами слова, мы, подобно первобытнымъ Американцамъ, ищемъ золото онаго на блестящія заморскія бездѣлки. Обратимся къ прозаикамъ. — Рѣзкимъ перомъ Каченовскаго владѣеть языкъ чистый и важный. Рѣдко кто знаетъ правила онаго основательнѣе сего писателя. Историческія и критическія статьи его дѣльны, умны и замысловаты. Слогу переводовъ Вл. Измайлова чистота и правиленъ, подобно переводному слогу Каченовскаго. Оба оны утвердили своими игривыми переводами знакомство публики нашей съ иноземными писателями. Вронесскій, авторъ записокъ морскаго офицера, изображаетъ, будто въ панорамѣ, берега средизем-

наго моря. Онъ привлекаетъ вниманіе разнообразіемъ предметовъ, слогомъ цвѣтущимъ, быстрою разсказа о водныхъ и земныхъ сраженіяхъ, и пылкостью, съ которою передаетъ намъ героическіе подвиги неприятелей, друзей и сыновъ Россіи. Онъ счастливо избѣгъ недостатка многого множества путешественниковъ, утомляющихъ подробностями. Онъ занимателенъ всѣмъ и нигдѣ не скученъ: жаль только, что языкъ его не совершененъ. — *Гречъ* соединяетъ въ себѣ острогу и тонкость разума съ отличнымъ знаніемъ языка. На пламени его критической лампы не одинъ литературный трутень опалилъ свои крылья. Русское слово облавно ему новыми грамматическими началами, которыя сирывались доселѣ въ хаосѣ прежнихъ грамматикъ, и онъ первый проложилъ дорогу будущимъ Историкамъ отечественной словесности, издавъ Опытъ Исторіи оной. *Гречъ* не много писалъ собственно для литературы, но въ письмахъ его путешественствія по Франціи и Германіи замѣтенъ наблюдательный взоръ и ѣдкость сатирическая, но въ разсказѣ пробивается истеричность. — *Булгаринъ*, литераторъ Польскій, ничуть не замкъ нашимъ съ особенною занимательностію. Онъ глядитъ на предметы съ совершенно новой стороны, излагаетъ мысли свои съ наивнѣ-

то восною некрепостию и краденомъ, безъ нестроты, безъ игры словъ, обладая вкусомъ разборчатымъ и оригинальнымъ, который не увлекается даже пылкою молодостью чувствъ, поражая незамысловатыми формами слога, она конечно останется въ рядъ свѣтскихъ цѣлнхъ писателей. Его записки объ Испаніи и другія журнальныя статьи будутъ всегда съ удовольствіемъ читаться не только Русскими, но и всеми Европейцами. — *Голосники* описалъ свое пребываніе въ плѣну Японскомъ такъ искренно, такъ естественно, что ему нельзя не вѣрять. Прямой, ровный слогъ его — отличительная черта переходцевъ — имѣетъ большое достоинство, и въ своемъ кругу занимаетъ первое мѣсто, послѣ слога *М. Гамалеи*, который самымъ сухимъ наукой оживляетъ своимъ краснорѣчіемъ. — *Семинъ*, сочинитель живописнаго путешествія по Америкѣ и многихъ журнальныхъ статей, пишетъ обо всемъ Русскомъ, достойномъ вниманія патріотовъ. Его слогъ небреженъ, но выразителенъ. — Въ писемъхъ *Скиннина*, сочиненіи *В. Львова*, нерѣдко вспыхиваютъ сердечныя чувства съ искрами поэзіи: тамъ много новыхъ рѣченій, но мало новосте въ слогѣ. — Въ статьяхъ *Н. Кумузова* видны цѣль и духъ благодѣтельной души; но слогъ нѣсколько помешанъ для набранныхъ имъ предисловій. — Кра-

тики *Солова* должи и не вегда сираведливы. — *И. Яковлевъ* обѣщаетъ многое въ родѣ *Жун* : слогъ его оригиналенъ; отрывистъ ; припоровленія остры и забавны, *Кюхельбекеръ* одаренъ легучимъ воображеніемъ и мечтательностью. Въ Европейскихъ письмахъ его встрѣчаются картины удачныя и новыя. — *Парьжнѣй*, въ славянскихъ Вечерахъ своихъ, разбросалъ дикіе цвѣты сѣверной поэзіи. Впрочемъ, проза его слишкомъ мѣрна и однозвучна. Онъ написалъ два романа, гдѣ много портретовъ и новыхъ мыслей. — *Д.м. Книжесига* пишетъ мило, умило и правильно — три вещи довольно рѣдкія на Руси : его отечественныя сатиры очень занимательны, — *Мелашенина* переводъ писемъ о химіи заслуживаетъ вниманія равно въ прозаическомъ, какъ и въ стихотворномъ отношеніяхъ : онъ оубѣтель, игривъ, вѣренъ оригиналу и правдлащъ нашего слова.

Симъ заключаю рядъ прозаиковъ ; ибо другіе безъименные или ожидающіе именъ писатели, по малости или по безхарактерности ихъ твореній, не произвели никакого вліанія на словесность.

Въ сей картинѣ, мною начертанной, читателю увидать, въ какомъ видномъ отношеніи находится число оригинальныхъ писателей въ

числу пишущихъ, а число дѣльныхъ произведеній къ количеству оныхъ. Рассмотримъ эту причину.

Во первыхъ: необъятность имперіи, препятствуя сосредоточиванію мнѣній, замедляетъ образованіе вкуса публики. Университеты, гимназіи, лицей, институты и училища, умноженные благотворнымъ Монархомъ и поддерживаемые щедротами Короны, разливаютъ свѣтъ науки, но составляютъ самую малую часть въ отношеніи къ многолюдству Россіи. Недостатокъ хорошихъ учителей, дороговизна выписныхъ и вдвое того отечественныхъ книгъ и малое число журналовъ, сихъ призмъ литературы, не позволяютъ проникать просвѣщенію въ уезды, а въ столицахъ содержащъ дѣтей не каждый въ состояніи. — Феодалная умонаклонность многихъ дворянъ усугубляетъ сія препятствія. Одни рубятъ Гордіевъ узелъ наукъ мечемъ презрѣнія, другіе не хотятъ ученьемъ мучить дѣтей своихъ, и для сего оставляютъ неовдѣланными ихъ умы, какъ не рѣдко волжъ пристрастія къ неовой охотѣ. Въ столицахъ разсѣяніе и страсть къ мелочамъ занимаютъ юношей; никто не посвящаетъ себя безыгодному и безорбренному ремеслу писателя, и если пишутъ, то пишутъ не по занятію, а шутя; и къ чести военнаго за-

ниа — должно сказать, что молодые офицеры наиболее, въ сравненіи съ другими, основательно учатся. Впрочемъ, у насъ нѣтъ Европейскаго класса ученыхъ (*lettrés, savans*) ибо одно счастье даетъ законы обществу, а наши богачи не слишкомъ учены, а ученые вовсе не богаты. Въ отношеніи къ писателямъ я замѣчу, что многіе изъ нихъ сотворили себѣ школы, коихъ упрямство препятствуетъ усовершенствованію слова; другіе не дорожатъ общимъ мнѣніемъ, и на похвалахъ своихъ пріятелей засыпаютъ безпробуднымъ сномъ золотой посредственности.

Человѣкъ есть существо болѣе тщеславное, чѣмъ славолубивое. Поэтъ, романтикъ, ученый работаетъ въ тиши кабинета, чтобы обратъ дань похвалы въ людяхъ; но когда онъ видитъ труды свои гнущимися въ книжной лавкѣ, и безмолвіе, встречающее его въ обществѣ, гдѣ даже никто не подозреваетъ въ немъ таланта; когда, вмѣсто награды, онъ слышитъ одинъ насмѣшки: — промѣняетъ ли онъ мажорнаго настоящаго на невинный лавръ отдаленнаго будущаго?

Наконецъ, главнѣйшая причина сего изгнаніе роднаго языка изъ общества и равнодушіе прекраснаго пола ко всему, на ономъ писанному! Чего нельзя совершить, дабы заслу-

жить благосклонный взоръ красавицы? Въ какое прозаическое сердце не вдохнетъ онъ поэзія? Одна улыбка женщины милой и просвѣщенной награждаетъ всѣ труды и жертвы! У насъ почти не существуетъ сего очарованія, и вамъ, прелестныя мои соотечественницы, жалуются музы на васъ самихъ!

Но, утѣшися! Вкусъ публики, какъ подземный ключъ, стремится къ вышнему. Новое поколѣніе людей начинаетъ чувствовать прелесть языка роднаго и въ себѣ силу образовывать его. Время невидимо съѣтъ просвѣщеніе, и туманъ, лежащій теперь на полѣ Русской словесности, хотя мѣшаетъ побѣгу, но даетъ большую твердость колосьямъ, и обѣщаетъ богатую жатву.

0

РОМАНЪ Н. ПОЛІВАГО :

Клятва при гробъ Господнеяъ.

La critique, dans les époques de transition, tient lieu fort bien de tout ce qui n'est plus ce qui n'est pas encore. La critique alors c'est tout le poème, c'est tout le drame, c'est toute la comédie, c'est tout le théâtre, c'est tout ce qui occupe les esprits; c'est la critique qui passionne et qui amuse; c'est elle qui éclaire et qui brûle, c'est elle qui fait vivre et qui tue...

Jules Janin.

Знать въ добрый часъ благословилъ насъ Ф. В. Булгаринъ своими романами. По догадкѣ, проторенной его *Самозванцемъ*, кинулись дюжины писателей на перегонку, будто соревнуя конскими ристаниями, появившимся

на Руси въ одно время съ романизмомъ. Москва и Петербургъ пошли стѣна на стѣну. Перекрестный огонь загорѣлся изъ всѣхъ книжныхъ лавокъ, и вотъ, романъ за романомъ полетѣли въ голову добраго Русскаго народа, которому, Богъ въдаетъ съ чего, припала смертная охота къ гражданской печати, къ своему родному, доморощеному. И то сказать: Французскій супъ прѣлся ему съ 1812 года; Нѣмецкій буттеръ - бротъ подъ туманомъ пришелъ вовсе не по желудку; въ Англійскомъ ростбифѣ, говоритъ онъ, черезъ чуръ много крови да перцу; даже ячменный хлѣбъ Валтера-Скотта набилъ оскомишу; однимъ словомъ, переводы со всѣхъ возможныхъ языковъ надобля землякамъ пуще ненастнаго лѣта. Стихотворцы, правда, не переставали стѣреготать во всѣхъ углахъ, но стиховъ никто не сталъ слушать, когда всѣ стали ихъ писать. Наконецъ, разсѣянный ропотъ слился въ общій крикъ: «Прозы, прозы! — Воды, простой воды!»

На святой Руси по сочинителей не кличъ кликать: стоитъ крикнуть, да денежкой бракнуть, такъ набѣжить, наползеть ихъ полтормы съ потемками. Такъ и сталося. Чернильные тучи взошли отъ ноли и отъ моря: закричали гуен, ошпананные безъ милосердія, и

занимали гусиным перья со всеусердїемъ. Пржеііе наши романисты, забытой памяти, Федоръ Ѣминъ, Паръжский, Марья Извъкова, Александръ Измайловъ, скромненько начинали съ какого нибудь Никанора, Несчастнаго дворянина; съ Евгеніа, или Пагубнаго слѣдствіа дурнаго воспитанія; съ Русскаго Жилблаза, который не чуждался ни чарки, ни палки. Тогда вороны не летали въ хоромы!... добрыя, простые времена! Но мы нашли, что простота хуже воровства. Острые локти ваши, которые тоже любятъ просторъ, проглянули изъ тѣсныхъ рукавовъ Митрофанушкина кафтана: иной-бы сказалъ, что у насъ выросли крылья, такъ бойко начали мы метаться въ даль и въ воздухъ. Исторія сдѣлалась страстью Европы, и мы сунули носъ въ исторію; а Русскій ни съ мечемъ, ни съ калачемъ шутить не любитъ. Подавай ему героя охвата въ три, ростомъ съ Ивана великаго, и съ такихъ славнымъ именемъ, что на тощакъ и не выговорить. Некромсали Карамзина въ доскутши; доскреблись и до архивной пыли; обобрали кругомъ изустное преданіе; не заважалась даже за печкой никакая сказка, ни присказка. Мало намъ исторіи, припились мы и за мораль. «Нраво-описательныхъ-ли, нравственно-ли-сатирическихъ, сатирико-исто-

рических-ли романовъ? Милости просимъ! кто купить?» — О, навѣрно ужь не я! Въ осьмую долю листа, въ тринадцатую долю смысла, хоть торцовую мостовую мости. И надобно сказать, что все они съ отащнымъ поведениемъ: порокамъ у нихъ нѣтъ новадки; колютъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, не то что у иностранцевъ: на щипокъ правоученія не возьмешь.... У насъ, батюшка, его не продаютъ будто краденое изъ подъ огонь; у насъ оно облуплено словно луковка: кушай, да локтемъ слезы вытирай. А ужь про складъ и говорить нечего! Въ поддюжины лѣтъ нажили мы не одну дюжину романовъ, поденѣжныхъ, подовыхъ романовъ, романовъ, въ которыхъ есть и Русскій квасъ и Русскій хмѣль; есть прибаутки и пословицы, отъ которыхъ не отказался-бы ни одинъ десятокъ; есть и лубочныя картинки нашего быта, раскрашенныя матушкой грязью; есть въ нихъ все, кромѣ Русскаго духа, все кромѣ Русскаго народа! Со всемъ тѣмъ, почтеннѣйшая голпа земляковъ моихъ вѣрить, что она покупаетъ мумію Русской старины во Французской оберткѣ, съ готическими виньетками, съ картинками, рѣзанными въ Вѣнѣ; вѣрить, что эти романы ея предки или современники; вѣрить съ тупоуміемъ старика или съ простоуміемъ ребенка,

и цѣлуется съ этими куклами-самодѣлками; покупаетъ не накупится; читаетъ не нахвалится. Книгопродавцы, изъ бель-этажа собственнаго дома, поглядываютъ на бульваръ и напѣваютъ: «Великъ Богъ Израилевъ!» Добрыѣше люди! А гг. сочинители, возвратись съ какогонибудь жирнаго нососелья, и гордо развязывая гордіевы узлы густо накрахмаленнаго галстуха, и съ улыбкою трепля свою шавку, говорятъ ей: «Гафизъ, другъ мой, знаешь ли ты, что я Русскій Вальтеръ Скоттъ!» Запѣйте, я сказалъ: *накрахмаленный галстухъ*; это не даромъ, мм. гг! Это предполагаетъ чистый галстухъ; а чистый галстухъ предполагаетъ, что владѣлецъ его посѣщаетъ хорошее общество, а хорошее общество требуетъ прежде блестящихъ сапоговъ, чѣмъ блестящаго дарованія, слѣдственно сочинитель нашъ долженъ вздять, по крайней мѣрѣ въ гости, въ экипажѣ. Надѣюсь, вы теперь меня понимаете! На моей еще памяти, нѣмѣ истинные таланты носили черные галстухи и въ праздники; ходили, увы! даже не въ резиновыхъ галошахъ по слякоти, и — что тамъ грѣха? клацались въ поясъ нутыми каретами. Слава Богу, слава нашему времени, скажу и я вмѣстѣ съ вами, которое за чернила платитъ Шампанскимъ и обращаетъ въ ассигнаціи листки тетрадей. Я не буду

неблагодаренъ ни къ Правительству, которое ободряетъ и ограждаетъ умственные труды, ни къ публикѣ, начинающей цѣнить нераздѣльно съ сочиненіемъ и сочинителя; но я не буду и льстить нашимъ романописцамъ. Подумавъ безпристрастно, я скажу свое мнѣніе откровенно; покрайвей нѣрѣ ручаюсь за послѣднее. Я думаю, что не смотря на многочисленность нашихъ романовъ, не смотря на заирость на романы, едва ль не превышающей готовность составлять ихъ, не смотря на ободреніе властей, мы бѣдны, едва ль не нищя оригинальными произведеніями сего рода.

Отъ чего это?

Признаться, на такой вопросъ такъ-же трудно отвѣчать, какъ на тотъ, почему у Касьяна черные глаза, когда у матери и отца они голубые? или почему огурецъ зеленъ, а смородина красна, хоть они растутъ на одномъ и томъ же солищѣ? На нѣтъ и суда нѣтъ: та бѣда, что и на есмь не подберемъ мы причины: зачѣмъ оно такъ, а не иначе?

Но пересѣемъ повнимательнѣе то, о чемъ говорилъ я шутя, и, быть можетъ, мы найдемъ разгадку если не посредствомъ нашихъ романовъ историческихъ, то успѣху историческихъ романовъ. Въ этотъ разъ я не трону даже мягкимъ концемъ пера нравственно-сатирическихъ рома-

новъ: пускай себя шллются по сельскимъ ярмаркамъ или почіуютъ въ мирѣ и въ пыли. Въ утѣшеніе г-дѣ сочинителей ихъ, признаюсь, что прочесть ни ихъ не имѣлъ я случая, другихъ не стало терпѣнія дочесть, а многихъ, очень многихъ я вовсе читать не стану, хотя бы за этотъ подвигъ избрали меня въ почетные члены Сень-Домингской академіи. Это дѣло рѣшеное.

Мы живемъ въ вѣкъ романтизма.

Есть люди, есть масса людей, которые воображаютъ, что романтизмъ въ отношеніи къ читателямъ мода, въ отношеніи къ сочинителямъ причуда, а вовсе не потребность вѣка, не жажда ума народнаго, не зовъ души чело-вѣческой. По ихъ мнѣнію, онъ износится и забудется, какъ перстеньки съ хлориновою извѣстью отъ холеры; будетъ брошенъ какъ ленты à la giraffe, какъ перчатки à la Rossini или d'une altra bestia; что наконецъ онъ минуетъ, пройдетъ. Другіе простираютъ старовѣрство до невѣрія, до безусловнаго отрицанія бытія романтизма. «Все, что есть, то было; все, что было, то будетъ; ни что не ново подъ луною!». Согласенъ! . . . , Луна есть свѣтло ночное, а ночью всѣ кошки сѣры; но, ради Бога, госнода, осмотритесь хорошенько: нѣтъ ли чего новаго подъ солнцемъ? Знаете-ли вы, мм. гг., что утверждать подобныя вещи

въ наше время, есть только героизмъ глуности — ничего болѣе. Можеть ли сомнѣнiе въ истинѣ уничтожить самую истину, и неужели романтизмъ, заключенный въ природѣ человека, и столь рѣзко проявленный на самомъ дѣлѣ, перестанеть *быть*, отъ того что его читають не понимая, или пишутъ о немъ не думая?

Мы живемъ въ вѣкѣ романтизма, сказалъ я: это во первыхъ. Мы живемъ въ вѣкѣ историческомъ; потомъ въ вѣкѣ историческомъ не превосходятся. Исторiя была всегда, свершилась всегда. Но она ходила сперва не слышно, будто кошка, подкрадывалась незнатно, какъ тать. Она буянила и прежде, разбивала царства, ничтожила народы, бросала героевъ въ прахъ, выводила въ князи изъ грязи; но народы, послѣ тяжкаго похмѣлья, забывали вчерашнiя кровавыя попойки, и скоро исторiя оборачивалась сказкою. Теперь иное. Теперь исторiя не въ одномъ дѣлѣ, но и въ памяти, въ умѣ, на сердцѣ у народовъ. Мы ее видимъ, слышимъ, осизаемъ ежеминутно; она проникаетъ въ насъ всѣми чувствами. Она толкаетъ васъ локтями на прогулкѣ, втирается между вами и дамой вашей въ котильонъ. — Баринъ, баринъ! кричитъ вамъ гостинодворской сидѣлецъ: купите шапку *Эрисанку*. — Не

прикажете-ли скрывать вамъ сюртукъ по-Варшавски? — спрашиваетъ портной. Сначать лошадь — это Веллингтонъ. Вглядываете на вывѣску, Кутузовъ навить васъ въ гостиницу, возбуждая вывѣсть народную гордость и анигитить. Берете щенотку табаку — онъ купленъ съ молотка послѣ Карла X. Запечатываете письмо — сургучъ императора Франца. Воззаете видку въ сладкій пирогъ и — его имя Наполеонъ! Дайте гривну, и вамъ покажутъ за гривну злосчастіе въковъ, Клигемнестру и Шенье, убійство Генриха IV и Ватерлоо, Березину и Св. Елену, потомъ Петербургскій и землетрасеніа Лиссабона — и что я знаю! Размѣняйте бѣлую бумажку, и вы будете кушать славу, слушать славу, курить славу, утираться славой, топтать се подошвами. Да-съ, исторія теперь превращается во все, что вамъ угодно, хотя бы вамъ было это во все не угодно. Она вѣрна какъ Обрѣва собака; она воровка какъ сорока воровка: она смѣла какъ Русскій солдатъ; она безстыдна какъ блинница; она точна какъ Брекетовы часы; она причудлива какъ знатная барыня. Она-то герой, то екоморохъ; она Нибуръ и Видокъ черезъ строчку, она весь народъ, она исторія, наша исторія, созданная нами, для насъ живущая. Мы обвѣнчались съ ней волей и неволею и нѣтъ

развода. *Исторія колоссальная* наша, во всей тяжести этого слова.

Вотъ ключъ двойственнаго направленія современной словесности: романтическо-историчеснаго. Надобно сказать однажды навсегда, что подъ именемъ романтизма, разумью я стремленіе безконечнаго духа человѣческаго выразиться въ конечныхъ формахъ. А потому я считаю его ровесникомъ души человѣческой А потому и думаю, что по духу и сущности, есть только двѣ литературы: это литература до христіанства, и литература со временъ христіанства. Я назвалъ бы первую литературой *судьбы*, вторую литературой *самы*. Въ первой преобладають чувства и вещественные образы; во второй царствуетъ душа, побѣждаютъ мысли. Первая лобное мѣсто, гдѣ рокъ палачъ, человѣкъ жертва; вторая воле битвы, на коемъ сражаются страсти съ волею, надъ коимъ, порой, мелькаетъ тѣнь руки Провидѣнія. Ничтожныя случайности дали древней литературѣ имя классической, а новой имя романтической, столь же справедливо, какъ новый свѣтъ окрестили Америкой, хотя открылъ его Колумбъ. Мы отбросимъ въ сторону имена, мы, которые видѣли столько полновѣсныхъ именъ, придавившихъ тѣмъ душамъ своихъ владѣльцевъ, какъ гробовая

панта; мы, которые слышали столько просто-народныхъ мѣлъ, ставшихъ торжественною пѣснью народовъ! Какое намъ дѣло, что свѣнца Омира и щеголя Виргилія засадили въ классахъ подъ розгу Аристотеля; какое намъ дѣло, что Романскіе трубадуры, таскаясь по свѣгу, разнесли повсюду свои сказки и припевы; какое намъ дѣло: классамъ ли, Романія ли, дали нѣя двумъ словесностямъ!... Намъ нуженъ конь, а не понона.

Возьмемся же за первобытную словесность, начнемъ съ янцъ Леды — и почему въ самомъ дѣлѣ не такъ? Развѣ эту фигуру не считаютъ началомъ міра и человѣка? Я надѣюсь, что вы читали Лукреція и Овена! Я надѣюсь, что вы уже держали визаицъ въ ассесоры!

Не понимаю кто первый сказалъ, что первобытная поэзія всѣхъ народовъ была гимнь. По крайней мѣрѣ это мнѣніе приняло чепанъ Виктора Гюго. Мнѣніе, правда, блестящее, но ни на чемъ не основанное. «Человѣкъ, изумленный, пораженный чудесами природы, великолѣпнѣемъ міра, необходимо долженъ былъ славить Творца или твореніе. Удивленіе его измѣлось гармоническою пѣсней: то былъ гимнь!» И такъ человѣкъ пѣлъ по нотамъ прежде чѣмъ говорилъ; и такъ первая пѣсня его была благодарность или торжество! Хо-

рошо смазано! Жаль только, что этот первенецъ птичій вовсе не сходенъ ни съ изрожденностию, ни съ сущностию. Первенцы мира слишкомъ озабочены были сначала тѣмъ, чтобы себѣ завѣрить бѣдное существованіе, ночь за день, день за ночь! Лишенные всякой защиты и оружія отъ природы, они должны были сражаться съ непогодами, съ землею, со звѣрями, и когда развернулось въ нихъ немножко ума, привычка навѣрно убила уже удивленіе къ чудесамъ природы. Торжествующему было еще менѣе причини — ему бѣднѣе, нущенному въ лѣтъ безъ шерсти отъ слѣпней, отъ холода, безъ клыковъ слона, безъ когтей тигра, безъ глазъ рыси, чтобы увидѣть издали добычу, безъ крыльевъ орла, чтобы достичь ее. Очень сожвѣваюсь я, чтобы ему приходило на умъ ѣсть соловьевъ, умирая съ голода. Что же касается до гинна благодарности, то мнѣ хочется и плакать и смѣяться: плакать за праотцевъ, смѣяться съ гг. систематиками, которые горой мистифируютъ насъ себѣ на потѣху. Вы забыли, конечно, что тогда не было еще ни м. Буту, ни Бретигама, чтобы одѣть и обуть странника; не было трехъ-этажныхъ гостиницъ для ночлега, не было зонтиковъ и отводовъ, не было двухъ-ствольныхъ ружьевъ съ нистонами, не было картеи на рессорахъ.

Греки, правда, проскакавши въ колесницахъ Олимпійскихъ, распѣвали гимны, но слава за-иѣвала нѣтъ рессоры. Зачѣмъ же, скажите мнѣ, не поете ихъ вы, баловни XIX-го вѣка, вы, у которыхъ есть и слава и рессоры? Скажите же или пропойте мнѣ это? Чудный народъ! Хотятъ заставить нѣтъ гимны димаря, который учился говорить у шакаловъ, и молчать сами, слышагъ столько разъ манзель Зонтатъ! — При томъ, я не знаю еще, признаете ли вы Индію люлькою человѣческаго рода (это мнѣніе убашкало ингоки), или съ Ласнедомъ полагаете четыре первобытныхъ племени; или наконецъ, похиривъ, схвативъ за волосы объ эти системы (миротворство точка сумасшествія нашего времени), вы думаете что Атласъ, Гималаи, Кавказъ и Кордильеры, какъ добрые кони на хребтахъ своихъ, развезли нѣтъ Индію племя человѣковъ; что полу-тигръ Готентотъ, полу-орелъ Черкесь и полу-семга Лопарь, родные братья? Но пусть наша первая, наша общая отчизна Индія; създайте жъ въ Индію волей и неволей; видно, не миновать намъ Индію. Г-да физиологи могутъ такъ изучить холеру въ оригиналъ, г-да археологи увѣряться, что (по зодчеству своему) церковь Василія Блаженнаго родная внучка таному-то или таноду-то нагону въ Балбекъ, а г-да поэты до-

учиться Санскритскому языку, который похожъ на Русскій словно двѣ капли чернилъ, языку, на которомъ они сдѣлали такія блестящія попытки. Правда, что мы не понимали ихъ, но вольно жъ намъ не знать по-Санскритски. Прогуляемся жъ въ Индію, г-да, хоть для того, чтобъ узнать, стоитъ ли такъ мѣть гимны! Пароходъ Джонъ - Буллъ ужъ давно курится у набережной... слышите ль звонать въ 3-й разъ!... Бдень.

И вотъ мы плывемъ не только вверхъ по теченію Гангеса, но и вверхъ по теченію вѣковъ. Покуда не бросили еще сходя на берегъ, я скажу вамъ, что по моему, первобытная поэзія народовъ непременно зависитъ отъ климата. Такъ у Кабра, великаго зноса, и у Чунчи, дрожащаго отъ мороза, у ебоихъ, которымъ голодная смерть грозитъ ежедневно, первая поэзія, какъ первая религія, есть заклинаніе. Онъ черезъ колдуна, черезъ шамана, старается умиловить злыхъ духовъ, или сковать ихъ клятвами. Напротивъ, у Скандинава, у Кавказскаго горца, у Араба, людей столько же гордыхъ какъ бѣдныхъ, столько же свободныхъ какъ безстрашныхъ, у нихъ все зависитъ отъ самого себя, которые ничего въ міръ не знаютъ выше собственныхъ силъ и отваги, поэзія есть пѣсня самохваленія. Проч-

тите вы саги, Оссіана, Моаллаки; послушайте пѣсенъ Аварца или Черкеса: это вѣчная вариация мѣстоименій я или мы; а мы значно у нихъ мой родъ, моя деревня, моя дружина. Грекъ уже гордъ народною славой: у него отечество не одно свое селеніе; силы его въ равновѣсіи съ силами природы; небо у него самое благотворенное, и онъ, вдохновенный мнѣ, поетъ гимнъ: пѣсню благодарности богамъ, пѣсню торжества собственнаго. Но Египеть, сожженный, законченный солнцемъ Египеть, который произведенъ и живетъ только издоустиной Нила, или эта Индія: оба края столь богатые драгоценностями и заразами всѣхъ родовъ, гдѣ жизнь качается на остріяхъ гибели. . . . скажите, могъ ли тамъ человѣкъ, запуганный природою, начать поэзію пѣсней благодарности или торжества? Конечно нѣтъ. Скорѣй всего она была *молитва*, ибо Индеецъ боготворитъ все, и всего хочетъ, ибо все манитъ его, и хочетъ съ жадностію, ибо завтра для него не существуетъ. Въ Индіи природа мать и мачиха вмѣстѣ, для младенца человека. Молоко великанскихъ ея сосцевъ смѣшано съ отравою; ея медъ ошляняетъ, какъ вино romodendron; благоуханіе цвѣтовъ ея убиваетъ мгновенно, какъ manzenilla; она душитъ человека то избыткомъ силъ, то избыткомъ

даровъ своихъ. Онъ чувствуетъ предъ ней свое безсиліе, свою ничтожность, и ползаетъ передъ судьбою, видя еуетность расчетовъ и залоговъ на будущее; онъ приноситъ жертвы Аришаву, злему началу, наравнѣ съ жизнедающимъ Сивою; онъ молится вещественнымъ силамъ природы, не рѣдко изуродованнымъ черезъ нелѣпный символизмъ отвлеченныхъ качествъ ея. Вотъ почему въ многобожной Индіи все носитъ на себѣ отпечатокъ религіозный, все, отъ пѣсенъ до политическаго быта, ибо поэзія и вѣра, вѣра и власть тамъ одно. Свидѣтели: Магабхарата и Рамаяна, двѣ огромныя поэмы Индійцевъ. Что такое онѣ, какъ не послѣдняя битва надшей вѣры и государства Магаде, съ побѣдительною вѣрою и властію Будды? Это страшныя грезы страшной дѣйствительности; это смѣшеніе самыхъ чистыхъ, первоначальныхъ чувствъ съ самыми неестественными вымыслами; это благоуханная вязь цвѣтовъ, перевитая жемчугомъ и алмазами, плавающая въ потоки крови. Тамъ убѣдитесь вы, что Индіецъ можетъ только роскошно мечтать, а не мыслить. Его герои, зѣври или волшебники; его боги, чудовища, его вѣра угроза. Совѣтъ тѣмъ, какъ ни грубы его вѣрованія, какъ ни бездвижны его касты, какъ ни причудливы его воображенія,

вы легко замѣтите въ нихъ попытку души вырваться изъ тѣсныхъ цѣпей тѣла, изъ подъ гнета существенности, изъ плѣна природы, и нагугаться въ новозданный міръ, отвѣдать иной жизни, пожить съ фантастическими существами. Это романтизмъ по инстинкту, не по выбору.

Но для чего намъ распространяться о Восточной словесности? Она неизвѣстна была древнимъ; она чуть чуть извѣстна намъ, и потому не имѣла никакого вліянія ни на классическую, ни на романтическую словесность. Замѣтимъ только, что фатализмъ, злобный, неумолимый фатализмъ Индіи, смягчается у Персовъ, поклонниковъ огня, до мысли о благомъ предмыслѣ. Онъ молится уже не адоу, но недоегаемому солнцу, жителю міра; онъ бездѣйствуетъ, но ужь болѣе изъ лѣни чѣмъ изъ безнадежности. Увидимъ, какъ арестепъ и силенъ этотъ фатализмъ, ринутый изъ своего покоя огнемъ Мугаммеда, когда онъ далъ обѣтъ Арабамъ своимъ: мечемъ и Кураномъ завоевать свѣтъ и рай. Между тѣмъ какъ поэтическая религія Ислама, подобно лавѣ, растекается по Востоку и зашигаетъ его, сладкозвучный Фердусъ плавить въ радугу преданія Персін, и связываетъ ея истину съ вымыслами. Говорю о Шахъ-Наме (повѣсть

царей), для которой ханжа Персидиниъ до сихъ поръ забываетъ свои чести, низкій нормотолобецъ Персидиниъ останавливается на воздухъ руку, не досчитавъ своихъ туменовъ: для которой сластолюбивый лѣнтяй Персидиниъ открываетъ отяжелѣвшія отъ оніума вѣки, покидаетъ не запертымъ гаремъ и спѣшитъ послужить Шахъ-Наме отъ площаднаго пѣвца. Онъ слушаетъ и улыбается, и гордо гладитъ бороду. Мысль гулика Гаѣнзъ; трогателецъ мудрецъ Саади—но Фердуси—о, это Ведонадъ Державина! Сколько разъ уносился я одной музикою стиховъ его, въ то время, когда какойнибудь мулла морозилъ мысль безсмысленнымъ переводомъ!

И вотъ имъ въ Греціи, въ Греціи, сторуки боговъ подобнымъ людямъ, въ сраизъ богоподобныхъ мужей! Я увѣренъ, что этотъ замошталіи не удивитъ васъ: развѣ не учились вы прыгать въ манежъ? Что касается до меня, вы сами видите, что я волтижирую на конькѣ своей не хуже Франюна сына.

Вторая, несомнѣнная степень поэзіи есть эпосъ т. е. народныя преданія о старинѣ, одѣтыя въ шумиху басни. Да, исторія всѣхъ племенъ, всегда начинается баснею, точно такъ-же какъ исторія всѣхъ народовъ должна заключиться нагою лѣтописью, если вѣрять,

что родъ человѣкъ совершенствуется. При истоки вы вездѣ находите поэму въ исторіи, равно какъ исторію въ сагахъ. Новички народы, точь въ точь дворяне изъ разночинцевъ, всегда хотять облагородить своихъ предковъ, заперть нестрыми гербами прежнюю вывѣску, заставить расти своей родословный пень — гнилушку изъ облаковъ. Родоначальники ихъ вѣчно или герои или боги. Аеннецъ ведетъ родъ свой отъ Феба; Камчадалъ счтаетъ своимъ праотцемъ Кита — это живительное солнце бытія его. Кромѣ того, первобытные народы младенчески звать всему, что льститъ ихъ самолюбію. Любо имъ, чтобы ихъ боги ссорились межъ собой за ихъ запечныя ссоры; чтобы они являлись съ ними за панибрата; безъ чуда не лзя было поколотить ихъ ни въ одной схваткѣ; не лзи было ступить шагу безъ содѣйствія чародѣевъ, ибо вѣра въ чудесное превращала для нихъ сверхъестественное въ естественное, творила невозможное обыкновеннымъ.

Туманы и вдали увеличиваютъ предметы, даютъ имъ зятвѣливыя образы. То-же самое и съ историческими истинами сквозь пыльный туманъ древности, между тѣмъ какъ правы и климаты даютъ облакамъ сихъ преданій разные характеры.

Грецію набрало кажется Промиднія про-
вить мысль, до какой высоты надщества досту-
пенъ былъ древній міръ, средою коего она была.
Какъ ранній морской цвѣтокъ, она возникла изъ
океана невѣжества, быстро созрѣла съмена-
ми всего прекраснаго, въ наукахъ, въ художе-
ствахъ, въ нравственности, въ политикѣ, въ
поэзїи всего этого . . . бросила свое благоу-
ханіе и сѣмена кытрамъ — и увидала, увидала
прежде чѣмъ кровавыя волны поглотили ее.
Свѣтлое небо Элады отражалось не только
въ водахъ Эгейскаго моря, но и въ душахъ,
въ правахъ, въ гармоническомъ языкѣ Гре-
ковъ. Восточная поэзія — чувственность и гре-
за; Греческая — все чувственно вѣрное, пылкое
чувство, которое цѣнилось родною, величе-
ственною природою, которое рвалось изъ гру-
ди на просторъ, точно такъ-же какъ самъ Грекъ
всю жизнь проводилъ на воздухѣ, на раздолѣ.
Выходецъ изъ Азіи, онъ принесъ въ своей
котомкѣ лишь самыя легкія невѣрья и сказки
дѣтства; онъ бросилъ на мѣсть ирежнихъ сто-
рукихъ крокодилоглавыхъ, птицеглавыхъ, тре-
главыхъ идиоловъ; онъ забылъ дорогою Ари-
мана, онъ научился въ снѣтаньяхъ своихъ
свосвольничать; онъ окрѣпъ, онъ сталъ дѣя-
теленъ, онъ сталъ забѣлка, онъ сталъ кри-
кунъ, онъ сталъ настоящимъ Грекомъ. И

право, если-бъ между разгульными богами Олимпна не зашпалась грозная 'ΑΝ'ΑΓΚΗ — Судьба, отъ которой сами боги трепетали какъ осиноый листъ, вы-бы не узнали, въ гнѣцеѣ —гарема, въ Пирей — базара, въ Алкивиадѣ —потомка какого нибудь изъ героевъ Магабхараты. Главное въ томъ, что душа Грека изливалась все наружу: онъ жаждалъ битвъ и пѣсенъ; онъ пѣлъ природу и битвы, и выраженіе ихъ у Грека было въ совершенномъ соответствіи съ предметомъ; выраженіе его отличалось особенною гармоническою точностію и такъ сказать отражаемостію, зеркальностію. Вотъ отъ чего вся поэзія Греческая, въ стихихъ-ли, въ ираморѣ-ли, въ иѣди-ли она проявлялась, ознаменована недоступною для насъ и ильнительною для всѣхъ красотою. Никто лучше не выражалъ чувственной природы, ибо иигда итъ природы лучше Греческой. Но не одинъ голый переводъ съ природы, не слѣное, божественное подражаніе жизни находимъ мы въ поэзіи Грековъ. Въ произведеніяхъ искусствъ мы находимъ идеаль вѣщественнопрекраснаго, т. е. тысячи разсѣянныхъ красоть, геніально слитыхъ воедино, красоть, можетъ никогда невиданныхъ, но угаданныхъ душою. Въ драмахъ, въ одахъ — сверкають уже мысли, заиѣтно уже стремленіе къ высокой, но не яе-

ной цѣли. Впоследствии философы высказали то, о чемъ написали поэты. Романтизмъ обнаружился не немногу; однако, сколько времени протекло между Омиромъ и Платономъ.

О м и р ъ ! ? . . .

Когда вы произносите это сдвигенное, осязненное въками имя, кажется, вся Эллада возстаетъ изъ праха огромнымъ призракомъ! . . . Кажется, видишь гиганта Атласа, который выноситъ на плечахъ своихъ весь древній міръ изъ ночи забвенія. Скажите, чего цѣль въ Илиадѣ и Одиссеѣ? Эогонія, родословіе всей Греціи, землеописаніе полу-міра, исторія, анатомія, все что зналъ въ тѣ поры гургоны родъ человѣчскій, все дакъ, и это все — самая ничтожная, незамѣтная частичка возрешенія съ величіемъ поэзіи, съ роскошью образовъ! Никто не зналъ, гдѣ каналась колыбель этого генія; никто не знаетъ, гдѣ его поглынула. Онъ явился въ міръ, исчезъ изъ міра, и до того даумилъ всѣхъ, что дѣлали, не безъ причины сохивваться въ его существованіи, но крайней мѣрѣ въ цѣлости поэмъ, ему приписанныхъ, трудовъ, едва-ль доступныхъ одному человѣку.

Пускай, впрочемъ, будетъ Омиръ загадкою, заданною намъ древностію; пускай, имя его

есть собирательное имя всѣхъ поэтовъ, до него жившихъ; пускай Илиада есть перечень тысячи раясодій, омытыхъ искусною рукою. Дѣло въ томъ, что подъ его именемъ извѣстныя эпопеи стали типомъ, образцемъ тысячи другихъ эпопей, начиная съ Энеиды, до какой-то Русской *иды*, или *ады*, или *омды*, въ которой затеряны слѣдующіе стихи:

«Межь тѣмъ какъ Феодоръ звонилъ въ колокола,
(Его любимая охота въ томъ была)».

Я думаю, каждый народъ имѣлъ свои эпопеи, въ каиромъ-бы лицѣ они ни проявлялись; но имѣлъ въ возрастъ юности, не иначе. Юность все чувствуетъ и всему вѣрять; юность простодушна какъ ребенокъ и смѣла какъ дужь. Вотъ почему такъ неудачны были все попытки, во времена разума создать или повторить народную эпопею. Большаго промаха дѣлалъ Торквато, замѣщая языческихъ боговъ въ свою великолѣпную поэму, поэму христіанскую въ полной мѣрѣ; но еще забавите Вольтеръ, заставляющій дѣйствовать отвлеченныя понятія въ лицахъ, въ своей надутой Ганриадѣ, этой выношенной до нитки аллегоріи, которой рукою писателя XVIII-й вѣкъ до маволой, зѣвая подъ щяцую, и надъ которою мы даже не зѣваемъ, отъ того что спимъ.

Видя, что народъ не вѣритъ уже сказкамъ, эпосы перекидываются въ драму. Она отрубаетъ отъ негорни какое нибудь частное происшествіе и переливаетъ его въ свою огромную форму; выхватываетъ изъ толпы царей нѣсколько именъ, отмѣченныхъ природою или молвою, и путаетъ ихъ въ невидимыя цѣпи судьбы, бросаетъ имъ молнію роковыхъ страстей въ грудь, раститъ эти страсти до великанскихъ размѣровъ, заставляетъ совершать страшныя злодѣйства, и потѣмъ, неумолимый судія, она бичуетъ преступника змѣями фурій, разсѣкаетъ его огненнымъ мечемъ своимъ пополамъ, и показываетъ его сердце на-голо зрителямъ, безмолвнымъ отъ ужаса, сердце, на которомъ вы видите еще зубы совѣсти, которое плачетъ кровью; которое трепещется отъ мученій. Такова была трагедія древнихъ, трагедія Эсхила, Софокла и Эврипида. Отъ того-ли, что она для большей свободы набирала героевъ, уже удаленныхъ во мракъ старины, или покорна была вліянію наружности, только всегда она выводитъ на сцену царствованія злосчастія, какъ будто человѣкъ не имѣлъ въ себѣ довольно величія. Не такъ понимали природу Шекспиръ, Шиллеръ, Викторъ Гюго, и менѣе-ль занимателенъ ихъ надшій ангель-человѣкъ, ихъ человѣкъ-мѣщанинъ, родня боговъ-Атридовъ?

Напротивъ комедія принадлежала собственно народу, ибо она изображала народъ въ домашнемъ быту, на распашку, народъ вольный однакожь, народъ царя незнанку, народъ, который зашивая дыры на туникъ, толковалъ какъ разбить Ксеркса или Югурту. Отъ того комедія у Грековъ и Римлянъ имѣла всегда политическую цѣль: она колола смѣша; она была прихожею Пирея или Форума, битвой застрѣльщикова, въ которой партіи пытали или добивали другъ друга. Мы видѣли и увидимъ, что новая трагедія, или лучше сказать новая драма, которая какъ жизнь наша смѣется и плачетъ на одномъ часу — вырываетъ своимъ деревяннымъ книжаломъ изъ могилъ еще неостылые труны героевъ, не дожидаясь, чтобы давность увлекла ихъ на историческій выстрѣлъ: она судитъ ихъ у гроба, подобно Египтянамъ или что и того злѣе, терзаетъ ихъ заживо, будто-бы она, какъ орелъ не можетъ ѣсть ничего кромѣ животрепещаго мяса. Да, рано застаетъ насъ потомство, жестокое, неумолимое потомство! застаетъ врасплохъ, подслушиваетъ или угадываетъ нашу исповѣдь, и не даетъ разрѣшенія; бросаетъ горсть земли въ очи покойника — и не молвитъ обычнаго *миръ съ тобою!* Нѣтъ . . . оно шевелитъ, оно вытаскиваетъ какъ шакалъ на свѣтъ кости,

бросаетъ на вѣтеръ пепелъ, млейжить самую гробницу насмѣшкой или презрѣніемъ, или съ проклятіемъ ломаетъ ее въ дребезги!

Наконецъ за драмою возникаетъ романъ, и потому идетъ объ руку съ драмою, романъ, который есть не что иное какъ поэма и драма, лиризмъ и философія и вся поэзія въ тысячь граней своихъ, весь свой вѣкъ на объ корки. Древніе не знали романа, ибо романъ есть разложеніе души, исторія сердца, а имъ нѣкогда было заниматься подобнымъ анализомъ; они такъ были заняты энциклопедіею и политической дѣятельностію, что нравственныя отвлеченности мало имѣли у нихъ мѣста; кромѣ того, гдѣ, скажите, онъ могли развиваться не диссертаціями, а приключеніями? Жизнь была сама по себѣ, а ученость сама по себѣ . . . Я, по крайней мѣрѣ, не знаю ни одного романа, завышеннаго наивъ древностію, ни одного, кромѣ ея исторій. Романъ, каковы Гаргантюа и донъ-Кихотъ, дѣти новаго порядка вещей, наследники среднихъ вѣковъ. О насъ, милліонщикахъ въ этомъ отношеніи, рѣчь впереди.

Между тѣмъ, важный переломъ міра вещественнаго отъ міра духовнаго тако готовился

въ Элладѣ и въ Римѣ, уже источенныхъ пороками . . . Мраморные боги шатались, но стояли еще; за то ихъ треножники были холодны безъ жертвъ, сердца язычниковъ холодимъ безъ вѣры. Давно уже Сократъ толковалъ объ единствѣ Бога — и вышлъ цыкуту, осужденный за безбожіе. Но эта чаша смерти стала задравной чашей новаго ученія, которое проникло даже въ сердца Притановъ — убійцъ Сократа. Школа Неоплатониковъ разрасталась, разливалась далѣе и далѣе — она была для земли, раздавленной деспотизмомъ, прелюдіей небесною! Души, томимыя пустотою, чего-то ждали, чего-то жаждали — и свершилось.....

Древній міръ палъ.

Но оный палъ сражался; палъ послѣ долгой битвы, и стрѣлы его, глубоко остались въ глѣбѣ новаго рагборца. Долго, долго потомъ, въ поэзіи, въ художествахъ, въ обычаяхъ, отзывались повѣрья язычества, равно Готическаго и Эллинскаго. У безсмертнаго Данте, *Virgilii come persona accorta* превежаетъ поэта по вѣрью закоулкамъ христіанскаго ада: Въ католическихъ соборахъ, каріатиды-сатиры кричатъ поддерживающъ хоры, или корчатся отъ святой воды въ украшеніяхъ крошальницы. Языческіе обряды остались доселѣ; не только въ играхъ народныхъ, но слились иные и съ

обрадами игры. Зачѣмъ ходить далеко: вспомнить пострѣги и поминки; вспомнить играща Ярылы и колдованія о свѣткахъ, семикъ и пр. и пр. и пр. — Я ужь не говорю, или я еще не говорю, о нашествїи на Русь Гречнаго вкуса, который заставилъ нашего Ивана Горюна заиграть на свирѣлкѣ Даэниа и Мелка, насладъ въ наши пѣсенники Бушидонозъ и Нинѣъ, и расплодилъ по всѣмъ городамъ пародїи Рамскихъ и Греческихъ заданїй. Ириторный вкусъ, своеобразный на съ характеръ, на съ климатомъ нашимъ!

.

Для насъ однакожь необходимъ фонарь исторїи, чтобы во мракъ среднихъ вѣковъ разглядѣть между развалинъ троицины, по коимъ романтизмъ вторгнулся въ Европу съ разныхъ сторонъ и наконецъ уюренился въ ней, овладѣлъ ею. Страшное дѣло: Востоку суждено было искони выемать въ другїе концы міра, съ индїи, съ персїи и приюстанїи, свои повѣрья и вѣрованїа, свои символы и сказки; но Съверу предлежало очистить ихъ отъ грубой коры, переплавить, одухотворить, идеализировать. Востокъ провѣщаль ихъ въ какомъ то магнетическомъ снѣ, безсвязно, безотчетно: Съверъ возрастилъ ихъ въ темяцѣ анализа, ибо Востокъ есть воображенїе, а Съ-

воръ разунъ. Я не приглашалъ съ собой ни старичковъ нашихъ въ плесовыя самотахъ отъ подагры, ни молодежи съ одинокимъ отъ тандеви. Нойдутъ со мной: одни охотники побродить — но, ради Бога, ни костью, ни ночей!

Предпоследній Римлянинъ умеръ съ Катонемъ, послѣдній съ Тацитомъ. Преторіанскія когерты продавали уже скипетръ Августа съ молотка, и бездарные тираны, одинъ за другимъ, а иногда и по двое, всходили на престоль, чтобы удивить съ высоты этой Тарпейской скалы цѣлый свѣтъ своимъ развратомъ и насмѣямъ. Но Римъ стоялъ такихъ цезарей, когда могъ ползати предъ ними, лизати ихъ стопы . . . Со всѣмъ тѣмъ, имя Рима, все еще пугало, упрекало ихъ прежнею славою, прежними доблестями, настоящимъ позоромъ обѣихъ, и Константинъ перенесъ столицу въ Византію. Римъ перѣхалъ въ Грецію, но перѣхалъ только въ титулѣ императора; онъ не привезъ на берега Босфора ни цѣпа, ни духа предковъ. Римскому орлу прилепалъ еще голоду, позабывъ, что варвары подрѣзали ему крылья. Коварство замѣнило силу, семейныя снѣтны и расмеши заняли изгнѣженный Дворъ Византіи, между тѣмъ какъ Европейскіе и Азіатскіе и Аерманскіе диктары нани-

рали на границу имперіи, вторгались въ ея сердце, нускали на жатву мечъ, раскатывали головней города. Какой словесности можно было ожидать при такомъ Дворѣ, въ такомъ выродившемся народѣ? Надутая лесть для знатнаго класса, щепетильная схоластика и богословскія снлетни въ школахъ — вотъ что, подобно речейнику, цвѣло тамъ, гдѣ красовались прежде Тиртей, Сафо, Демосеенъ. Правда, Іоаннъ Златоустъ, святой Августинъ, Григорій Назіанзинъ, Синозіи, въ Римѣ, въ Киринѣ, въ Ассинахъ, въ Птолемаидѣ, развивали во всемъ блескѣ и чистотѣ ученіе духовной жизни, воплощали христіанство въ нравы, но сила ихъ пѣнительнаго, убѣдительнаго краснорѣчія прешла съ ними въѣсть; вѣка и волны варваровъ протекли между ихъ вликомъ и отголоскомъ. Римъ палъ жертвой мести за насиліе; Греція пала жертвой зависти отъ безенлія. Вся дѣятельность жизни сосредоточилась на Западѣ: тамъ лишь, за развалины власти Римской, бились кочевые народы, потоками крови омывали другъ друга съ лица земли, или отбрасывали, загоняли куда глаза глядятъ; но въ хаотическомъ мракѣ и бурѣ Среднихъ Вѣковъ готовился новый порядокъ гражданственности и нравственности. Народы-завоеватели стали вѣжкомъ посреди побѣжден-

ныкъ, раздѣляли ихъ вѣсть съ землею про-
 жешь себя какъ добычу, сохранивъ и въ мирѣ
 на случай похода военное чиновначаліе. Въ
 Европѣ обрѣсла тогда землями феодалныхъ
 бароновъ, между которыми раскрылась власть
 прежнихъ царей. Многие изъ Готическихъ и
 Славянскихъ народовъ управлялись сходками
 (Meeting, Wergmaneu, сейтъ), большая часть
 Князьями (könig, prince, suzerain, herzog, earle, com-
 te), избранными въ вожди, въ начальники, то на
 время похода, то на время мира, иногда для того
 и другого вѣсть. До поры осѣдлости, можно
 сказать, одна война была религіей западныхъ
 варваровъ, и потому христіанская вѣра быстро
 разлилась между ними, равнодушными къ ста-
 рому, жадными къ блестящимъ новостямъ.
 Лонгобарды, парадившись въ Римскую тогу,
 захотѣль и молиться въ Римской базилкѣ.
 Для побѣдителей вѣра сія была роскошь, от-
 личіе; для побѣжденныхъ услада. Первымъ
 она давала частые предлоги къ завоеваніямъ;
 вторымъ надежду на свободу, на облегченіе,
 по духу евангельскаго братства. Посреди это-
 го броженія, волнованія, сокрушенія народовъ,
 возникло невѣдомое варварамъ есловіе ду-
 ховенства, есловіе независимое отъ дворянъ
 десятиною съ народа, защищенное отъ наро-
 да святостію своего сана. Непрестанно и без-

предѣльно возрастающая власть его, власть, которой представительски были наша, доказавшая силу слова надъ совѣстью, побѣду духа надъ грубою силой. Пользуясь суеверіями и религіозностью, католическое духовенство (уже давно отдѣленное отъ Восточной Церкви) не безъ битвъ, но безъ славы захватило царство всего міра, проповѣдая «царство не отъ міра сего». Крестъ сталъ рукояткою меча; тиара задала корону, и монахи — эти надземные гробы — устремились къ вѣбу колоколовъ своихъ, сложенныхъ изъ разрушенныхъ замковъ. Со всѣмъ тѣмъ, эпоха была самая драматическая, поэтическая: жизнь не текла, а кинулась въ этотъ вѣкъ набожности и любви, вѣры рыцарства и разбоя. Охотничьи рога гремѣли въ лѣсу безъ устали. Вдали рождало аббатство вечерню звономъ колоколовъ. Турниры славяли по-едино красоту и отвагу. Странствующие рыцари ломали коня на всѣхъ перекресткахъ. Баронъ на барона ходилъ войной вопреки своему сюзерену. За то странникъ смѣло случался въ калитку феодалнаго владѣльца, садился за нижній конецъ его стола, и владелъ за гостепріимство разсказомъ. Бродячій кѣселецъ былъ необходимое лицо и на пиронахъ. Онъ вымывалъ чару (эта преледія сохранялась очень набожно между кѣселями)

и пѣлъ, брелъ на арѣ ; пѣлъ романомъ пре-
бывы и подвиги предковъ, про дивныя при-
ключенія маладиновъ, про чародѣевъ-зави-
стликовъ, про полицейныхъ красавицъ ; про
некушенія Святыхъ угодниковъ, которые вы-
ручала несчастныхъ изъ когтей бѣса или изъ
пощи колеса судьбы. Но больше всего они
пѣли про славу и любовь, ибо всѣ тогда лю-
били славу и славили любовь. Христіанство
вывело женщинъ изъ-за рѣшетокъ и покрывала,
и оставило ихъ паравнѣ съ мужчинами. Ры-
царство возвысило ихъ надъ собою и природою ;
сдѣлало изъ нихъ идоловъ, обожаго ихъ, чуть не
обожествило ихъ. Обѣты, испытанія и постыли-
ства, едва прѣрваны намъ, были тогда обы-
кновеніе хлѣба насущнаго. Этотъ духовный
союзъ душъ, это немалѣнное стремленіе къ
предмету своей страсти, это чудное свойство :
во всей природѣ чувствовать одно, видѣть одно —
не есть ли практическій романтизмъ, роман-
тизмъ на дѣлѣ? — Прибавьте ко всему этому
установленіе военнодуховныхъ орденовъ, про-
лившихъ мрачный мистицизмъ на поэзію, и
ужасъ, наведенный тайнымъ судилищемъ на
всѣхъ. Vehinggericht былъ какаа-то стѣна, таго-
тѣвшая надъ средними вѣками, какое-то под-
земельное привидѣніе, поражавшее какъ раз-
бойникъ изъ-за угла. А проклятія Церкви? а

цивилизация? . . . Вотъ отъ чего нѣсни груверовъ, миннесингеровъ, менестрелей, такъ часто переходятъ отъ звона мечей ко вздохамъ, отъ клятвы къ молитвѣ, отъ грусти разлуки къ бѣшенству гулянки — и нѣсня ихъ не рѣдко замираетъ недоконченная, будто они оглаждаются со страхомъ, не подслушиваешь ли ихъ какой домовый или разсмысликъ.

Но всего болѣе на Готическую литературу произвело впечатлѣнiя вторженiе Норманновъ (нашихъ Варяговъ) во Францiю, Мавровъ въ Испанiю, и крестовые походы.

Шайки голодныхъ, полунагихъ, но безстрашныхъ, бѣшенныхъ славою Скандинавовъ, кидались въ лодки, выбирали себѣ морскаго царя (See Konung) и подъ его началомъ перешли море незнаемыя, входили въ первую встрѣчную рѣку, волокли на себѣ ладьи по землѣ, если нужно было спустить ихъ въ другую рѣку, и по ней вторгались внутрь сильныхъ обильныхъ государствъ; гибли или покоряли области, сражались не спрашивая числа, грабили, не трепляли не щадя ни пола, ни святыни; но взявъ осѣдлость, укрощались вѣрою, хотя страсть къ завоеванiямъ и водному кочевью долго бросала ихъ потомковъ на другiе народы. Вспомнилъ завоеванiе нашей родины и Нормандiн; сперва; завоеванiе Англии, потомъ,

и частные набоги ихъ въ Испанію, въ Сицилію, въ Ирландію, всюду, гдѣ была добыча на приманку и вода для славы. Скоро забыли Снаиднавы своего Одина, своихъ Валкирій, свою Валгаллу (рай), обѣщанную храбрый — но духъ сагъ ихъ, но мысленность Сѣвера, соединяясь съ остроуміемъ и живостию Французовъ, видѣлись въ характеръ Норманскій, и перешлы за Ламаншъ съ Вильгельмомъ завоевателемъ, перегорѣвъ въ пламени битвъ и мятежей, возникли, вѣдчественны и самобытны, въ литературу Англійской, которая по яраву и по достоинству стала образцовою. Изъ этой-то амальгамы, безнечнаго, вѣтреннаго, легкомысленнаго, всегда ноющаго Француза, съ жителемъ угрюмаго Сѣвера, который будучи озабоченъ зимою въ своей жизни, но неволь былъ загнанъ въ самого себя и углубляясь въ душу, произвелъ неподражаемый юморъ, отличающій языкъ нашъ, Стойки величались тѣмъ, что презирали страданье и смерть — юморъ дѣлаетъ лучше безъ всякой хвастливости: онъ смѣется въ промежуткахъ страданій и шутитъ надъ смертію, играетъ съ петлей; не рѣдко рискуетъ самою душою для остраго слова. Мы воротимся къ нему, когда станемъ говорить о стихахъ романтической словесности.

Нужда выживала Скандинавовъ изъ отчизны, а безуміе отваги, жадность къ славъ влекли ихъ къ опасностямъ и завоеваніямъ. Мавры были движуты вдохновеніемъ Мугаммеда. Съ кликомъ : бисмалла ! бисмалла ! (во имя Божіе) ворвались они въ Испанію и принесли съ собою Востокъ, во всей изящности поэзіи, архитектуры и нарядничества ; но по несчастію, просвѣщеніе халифовъ было не звезда, а ракета : оно изумило, плѣнило всѣхъ — и погасло въ неразгонимой тучѣ Испанскаго невѣжества. Но если съ паденіемъ Боабдилла, университеты Пиренейскаго полуострова вѣкъ отъ вѣка погрызали глубже въ болото вздорной схоластики, за то роскошь выраженій, за то новостъ стили чудно привились къ Европейскому романтизму, и утонченное рыцарство, вмѣстѣ съ сегедиллами и романсерами, вмѣстѣ съ витыми столбами, съ кружевнопрорѣзанными башенками, со стрѣльчатыми окнами, разлилось по всему лицу Европы.

Трудно постичь, какъ могли Мавры мусульмане возвыстись до такой степени чистоты въ понятіяхъ уваженія къ женщинамъ и рыцарской чести, въ чемъ они стали указкою для Европейцевъ ! Впрочемъ, они, запирая женъ своихъ подъ замокъ, тѣмъ не менѣе охочи были поволочиться за христіанками, хотя-

бы то была чужая жена или невеста, и также охотно давали серенады подъ окномъ своей Дильферибъ (обольстительница сердець), какъ ломали конья на груди соперниковъ по славъ или по любви. Бросая символическій букетъ на грудь своей любезной, Мавръ изъяснился и въ рѣчи цѣптами, подобіями, гиперболами. Онь ввелъ въ моду узорочья, блестяки, благовопія, насѣчку — и скоро ихъ калейдоскопическая пестрота отразилась на всей поэзіи Юга и Запада, а крестовые походы слѣдали ее еще болѣе общемо. То была радуга Индустана, блеснувшая въ облакахъ Европы.

Крестовые походы были умилительное, величественное событіе. На зовъ бѣднаго пустынника короли покинули свои короны; дворяне за оружіе заложили или продали помѣстья; богачи роздали имѣнія бѣднымъ или монастырямъ, и цѣлыя поколѣнія, не зная дороги, не заготовивъ хлѣба, ринулись куда-то, восторженные духомъ набожности и негодованія, отбивать у невѣрныхъ гробъ Господень. Старъ и малъ тѣснился въ первый рядъ на битву, восклицая: «Такъ хочетъ Богъ!» И трижды обрушивалась такъ Европа на Азію, подобно ледяной лавинѣ, для того чтобъ растаять подъ жгучимъ солнцемъ Палестины. Храбрые крестоносцы погибли все, потеряли все, и то что

завоевали, и то что оставили дома. Но дѣло судебъ Божіихъ минуло не даромъ. Огромный былъ подвигъ, свидѣствіа неисчислимы. Крестовые походы дали средства усилиться королямъ, во время отсутствія непослушныхъ бароновъ, силиться во едино маліе народцы, округлить, устроить по-немножку свои владѣнія. Единовластіе и соединеніе (послѣдствіе его) бывали всегда благотворнымъ во времена междоусобій. Крестовые походы пресытили духовенство окладами, возгордили его властію, протекшею изъ религіознаго направленія умовъ — и все это на пагубу себя. Развратъ, лукавство, киченіе, злоупотребленіе исповѣди и разрешеній, самое богатство духовенства пробудили въ сердцахъ многихъ народовъ глухое чувство нестерпимости къ деспотизму свѣтскихъ, и неудачно записки къ церковнымъ похитителямъ, вырощенныхъ потомъ ихъ . . . То было предтечею лютеранства, которое впоследствии раскололо на части всю Европу, послѣ тяжкихъ войнъ и кровавыхъ авдѣній. Крокъ того, не одинъ крестъ и раковинки принесли инвалида-крестоносца на родину, съ береговъ Иордана — о цѣтъ: изъ тяжкихъ походовъ своихъ онъ принесли свидѣнія истеричности. Науки раздвинулись опытнымъ познаніемъ свѣта. Словесность разбогатѣла Восточными сказ-

ками, столь причудливими, столь замисловатыми! Въ нихъ-то впервые простолюдины стали играть роли наравнѣ съ визирями и ханами, и дворане въ первый разъ сознались вниманіемъ своимъ, что и народъ можетъ быть очень занимателенъ, народъ, который у себя водила они въ ошейникахъ, будто гончихъ, и цѣпляли часто ниже гончихъ. Но и Баррейскіе простолюдины (внѣдалеко еще было до имени народа), не жившіе никакихъ нравъ, нѣгли свои обычаи, свои забавы, свою поэзію. Составляя часть глыбы земли по закону, по природѣ они составляли часть челоуѣчества, и хотя ползали, но подвигались впередъ; жили какъ овцы; но какъ живая овца, любилъ, ненавидѣлъ. Мало дѣла до насъ старинныхъ пѣсенъ черни Баррейской въ первобытомъ видѣ (за исключеніемъ Британіи и шотландской Руон, гдѣ народъ составлялъ массу), но мы можемъ угадать протонародное происхожденіе многихъ балладъ въ вычурныхъ стихахъ пѣвцовъ, которые заимали основу, не рѣдко и самыя выраженія, у наустныхъ преданій черни. Сказки за то, эта картина, это *fac-simile* ума старины, была старина, живыя еще доселѣ въ устахъ протонарода, лежать бездоннымъ рудникомъ для родной поэзіи. Божественная поэзія! Ангель утѣшитель старины! Ты являлась вездѣ гдѣ толь-

ко нужно было стереть слезу, или дать сладость улыбкѣ. Ты одушевляла на добро и славу князей, гуслами индоевѣ; ты заставляла прыгать бѣднягъ подъ линою, гудюмъ бродячаго слѣнца; ты убаюкивала чудесною сказкою раба на цепи хитины, сожженной въ двадцатый разъ междуособиенъ. Ты снѣжила голодныхъ солдатъ своими прибаутками; ты бросала символы свои во всею обряды важныхъ случаевъ жизни; засмѣла радужнымъ весельемъ пруживающее маранье. (grimoire) приговоровъ. Ты населяла даже занесть и подполье рѣзвыми жидьцами; давала гомось бутылкѣ шипяра, нѣвно оговаривать узника, блескъ гонору казни. Ты была вездѣ, украшала все; ты вила струны свои то изъ цѣпочки паниадила, то изъ темноты, то изъ удавки. Простой народъ почти всегда сохранялъ эту неазію, но мы къ ней только что возвращаемся; и слава Богу! Лучше нетолкаться у горъ на наследницѣ; чѣмъ стнать въ обществѣ Греческихъ боговъ или въ портретами своихъ нанудренныхъ предковъ. Между тѣмъ какъ дробные и большіе владыцы торжешали другъ друга, между тѣмъ какъ святые войны ушликали ихъ за тридцать земель, возникла и крѣпла въ Европѣ, совершенно незнаемая въ древности стихія гражданственности, стихія, которая впоследствии

поглотила всё прочіе — я говорю о кнѣзѣнствѣ, bourgeoisie. Купцы и ремесленники, обыкновенные жильцы городовъ, ждалъ собственного суда и расправы, покупали право на оное у своего владѣльца, деньгами или услугами, а иногда, чувствуя себя въ силѣ, возмущались просто, прибѣгали подъ защиту какогонибудь соседняго владѣльца или епископа, и дрались на смерть съ тѣми, которые хотѣли по праву или по прихоти покорить ихъ вновь; лукавили, ползали въ безсиліи и мятежничали охоту до тѣхъ поръ, пока сила какогонибудь короля не уничтожала ихъ до тла, или сила обстоятельствъ не отсанивала до позднихъ временъ. Случалось, что одна только часть города получала или брала право общины, отдѣлялась стѣной и не рѣдко вела войну съ соседями. Случалось, что сами короли производили деревни въ слободы, и города въ общины, для населенія ихъ послѣ язвы или разоренія отъ враговъ. Какъ-бы то ни было, но эти коммуны (communes) не походили ни на Римъ, ни на Спарту, гдѣ городъ былъ государство; ни на Лондонъ и Парижъ, гдѣ городъ столица государства; ни даже на Тиръ, на Каррагенъ, на нашь Новгородъ, которые владѣли областями, имѣли отдѣльный политическій бытъ; это были просто города, иногда

съ неограниченнымъ самоуваженіемъ внутри, и часто безъ выгона за стѣною. Но въ стѣнахъ всѣхъ городовъ вообще, и вольныхъ въ особенности, кипѣло бодрое, смысленное народонаселеніе, которое породило такъ называемое среднее сословіе. Не имѣя ни дѣла земли, оно завладѣло силами и произведеніями природы, наняло труды человѣка, отдало въ насѣнь свои способности. Оно дало купцовъ, ремесленниковъ, художниковъ, ученыхъ; надѣло ршеу священника, шарикъ адвоката или судьи, нахлобучило шапку профессора, переодѣлось въ пострую куртку ограничивающаго коледіанта; но всего важнѣе: оно дало жизнь писателямъ всѣхъ родовъ, поэтамъ всѣхъ величинъ, авторамъ не пуждѣ и по наряду, но отъ себя и по вдохновенію. Въ нихъ зачателъно для насъ то, что родясь въ эпоху дѣтской и рѣшей, въ сословіи ищущаго, въ сословіи унижающемъ себя цѣну и между тѣмъ униженномъ, презираемомъ аристократіею, которая въ тѣ блаженныя времена считала все позволеннымъ себѣ въ отношеніи къ нижнимъ слоямъ общества — авторы воспитали въ своей кастѣ, и сохранили въ своихъ сочиненіяхъ какую-то насмѣшливую досаду на вельможъ и на дворянъ. Они сторицею отплатили имъ равно за насмѣшки, и подачки гораздо обид-

и вѣншія насѣншскѣ. Не могли стунить за Кляхейскую стѣну благородства, которую сторожили моглии во крайней мѣрѣ двѣнадцати пошодшій (quattrescenti) — авторы бросали чрезъ все стурьлы ситвры, комедіи или эниграмы, толковали сельской и городской черни объ обязанностяхъ господѣ, а между тѣмъ духъ времени работаетъ событіями лучше нежели въ они вивѣть. Изобретеніе пороха и книгопечатанія добило старинное дворянство. Первое ядро, пружуживавшее въ рядахъ рыцарей, сказало имъ: «Опасность равна для васъ и для вассаловъ вашихъ.» Первый печатный листъ былъ уже прокламація побѣды просвѣщенныхъ равночинцевъ надъ невѣждами дворянчиками. Даты распались въ прахъ. Ковы и семейныя тайны знатныхъ стали достояніемъ каждаго. Духъ зашевелился вездѣ: онъ рвался на просторъ, отъ того что тѣлу пришло черезъ чуръ тѣсно. Открыли новый свѣтъ; новый вулканъ потрясъ Европу, утомленную папизмомъ. Войны протестантовъ на полѣ и на каедрѣ прояснили духовность христіанской религіи во всей ея чистотѣ, а переводами на народныя языки книгъ священнаго писанія она впервые стала знакома народу. Съ атихъ поръ, пророческій мистицизмъ, восточная роскошь описаній, иносказанія и торжественность языка

завладѣли всею поэзією: міръ библіи ожилъ подѣ кистью Рафаэля, модѣ перомъ Мильтона, отразился во всемъ и вездѣ. Можно сказать: съ той поры не преставала явная борьба двухъ началъ политическихъ, принавшихъ на себя сперва краску религіознаго фанатизма, а потомъ литературной исключительности. Реформаты отвергли католичество, отъ того, что оно впадо въ вещественность и вѣшалось не въ свои дѣла, захвативъ чужое добро. Мы сбрасываемъ съ себя классицизмъ, какъ испльвшую одежду мертвеца, въ которую хотѣли нарядить насъ. И ничего нѣтъ справедливѣе: дубъ прекрасное дерево — слова нѣтъ; но дубовый конь плохая защита отъ солнца. Зачѣмъ-же вы призываете дѣтей къ гнѣдушкѣ, когда они могутъ найти прохладу подѣ кудрявою березкою? Для живыхъ надо живое.

Со всѣмъ тѣмъ, эпоха возрожденія наукъ и художествъ не понимала такихъ полновѣсныхъ истинъ, и воехщенная находкою знаменитыхъ произведеній древности, увѣрила себя, что они безусловный образецъ изящнаго, и что кромѣ ихъ нѣтъ изящнаго. Затѣмъ, она принялась подражать до упаду Грекамъ, а пуще того Римлянамъ, которые сами передразнивали Грековъ. При томъ, Латинскій языкъ былъ

нарѣченіи вѣры, и чрезъ духовныхъ, служившихъ за секретарей, сталъ нарѣченіи прагматикн; онъ-же былъ и ходячею монетою всѣхъ училищъ. Ученый не смѣлъ говорить иначе какъ по-Латини, а писать и подавно, хоть отъ его Вандадо-Римскаго языка Цицеронъ и въ могилѣ зарылся-бы въ глубь сажени на три. Такъ было вездѣ для ученаго класса, или, лучше сказать, для педантовъ; но даровитые умы срывались со смычка, на который ихъ снарижала съ Аристотелемъ свинцовая схоластика, и пробивали новыя трѣны въ области прекраснаго. Одна Франція, низшая столь обширное вліяніе на всю Европу и въ особенности на словесность нашу, Франція живая, Франція вертлявая, Франція, у которой великой вкусомъ загараются страстью — постриглась въ монахини и зативо замуровала свой умъ въ гробовыя плиты классицизма. Въ то время, какъ Италія владела уже Дантомъ, однимъ изъ самыхъ творческихъ, оригинальныхъ гениевъ земли; когда Кальдеронъ населилъ Испанскую сцену драмами, полными огня и прелести; когда Камонесъ выплылъ на доскѣ съ разбитаго корабля, держа надъ головою своихъ Дуэтанъ; когда Англія, въ мятежѣ волнъ и междуособій, закалила духъ Шекспира, великаго Шекспира, который былъ сама поэзія,

весь воображеніе . . . Политическая поэзія съ-
вера, глубокомысленное воображеніе съвера...
въ то время, говорю, Франція набивала ко-
лодки на даръ Корнеля и разсыропливала Ра-
сина водою Тибра, съ ержадомъ пополамъ.
Пускай-бы еще она изображала древній міръ,
каковъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ — но она
не знала его, еще менѣе понимала. Францу-
зы наружными старушку древность: красными
красно, облѣпили ее мушками, затянули въ
китовые усы, научили танцевать менуэтъ, при-
сѣдать по смѣлку. Бѣдняжка зашивалась на
каждомъ шагѣ своими высокими каблучками;
путалась въ хвостъ платья; заикалась цезура-
ми сверхъ положенія; была смѣшна до жало-
сти, скучна какъ не лѣзя болѣе. Но зрителей
и читателей схватывали судорога восторга отъ
маркизовъ Фрестовъ, отъ жевалье Брютосъ,
отъ мадамъ Агриппины, лицъ очель почтен-
ныхъ впрочемъ, и весьма историческихъ при-
томъ, которыя неумѣнно говорили преновѣди
Александрійскими стихами, и обѣими горетыми
кидали пудрой, блестящими и афоризмами, до
того приношенными, что они негодялись даже
на виграфы. Да однихъ-ли древнихъ пере-
варили Французы въ своемъ соусѣ? Досталось
всѣмъ сестранъ по серьгамъ. И дикая Але-
ксандра, и Турецкій султанъ, и Китайскій

мансарцевъ, и рыцарь среднихъ вѣковъ —
всѣ поголовно разсыпались кофастами привѣт-
ствій, и всѣ на одну стать.

Зажмурьте глаза — и вы не узнаете, кто
говорить: Фросманъ или Альзира, Китайская
сирота или камеръ-юнкеръ Людовика XIV.
Малютку природу, которая имѣла несправи-
ное несчастіе: быть недворянкою — по при-
говору академіи выгнали за заставу, какъ по-
васкушку. А здравый смыслъ, точно бѣдный
проситель, съ трепетомъ держался за ручку
дверей, между тѣмъ какъ швейцарь-классикъ
навалился передъ нимъ своею диврсею и
преважно говорилъ ему: «Приди завтра!» И
какъ долго не пришло это завтра, а все отъ
того, что Французы нашли Божій свѣтъ слиш-
комъ площаднымъ для себя, живой разговоръ
слишкомъ простонароднымъ, и вздумали укра-
шать природу, облагородить, установить я-
зыкъ! И стали нелѣпы отъ того, что черезъ
чуръ умничали.

Чудное дѣло: Французы, столь охочіе по-
смѣяться и пошалить всегда, столь развратные
при Людовикѣ XV и далѣе, словно вмѣсто
элитимьи — становилецъ важны входя въ те-
атръ, стыдились услышать на сценѣ про румя-

ны, и слово *обладе* изъясняли перифразами, какъ неприличность! Французы столь пылкіе, столь безразсудные въ страстяхъ, восхищались пороженными, подкрашенными страстями, не мнѣвшими въ себѣ не только правды, но даже и правдоподобія! Французы, у которыхъ такъ недавно были войны Лиги, Варооложесевская ночь, аква-тофана и хрустальные кинжалы Медицисовъ, пистолеть Витри и ножъ Равальяка; у которыхъ рѣзали прохожихъ на улицахъ среди бѣлаго дня и разбивали ворота ночью заперсто — на театрѣ болалась брызги крови, капля яду, прятали всѣ катастрофы за кулисы, и вѣстникъ обыкновенно выходилъ рапортовать о нихъ барабанными стихами. Мало этого: не смѣя драться передъ зрителями, Французскіе герои не смѣли ни поѣсть, ни вздремнуть, ни побраниться передъ ними * — котурны подымали ихъ до облаковъ. Кромѣ того, Аристотелева пѣнтика, растолкованная по-своему, хватала насъ за воротъ у входа и ревѣла: «Три единства или смерть! Признавайтесь: исповѣдуете-ль вы три единства?» И разумѣ-

* Что вытерпѣлъ Корнель, позволивъ въ своемъ Сидѣ пощечину!... Вольтерова Маріамна упала отъ того, что какой-то шалунъ закричалъ при отравленіи: «La reine boit!»

ется, вы крестились и говорили: «Да развѣ я какъ грибокъ выросъ подъ сосною! Развѣ я не сидѣлъ на школьной лавкѣ!» И дотѣ всѣхъ вну-скала въ театрѣ; и вотъ вамъ заказывали на-прѣнно сморкаться и кашлѣть; и вотъ вамъ говорили: «Эта замѣчательная занавѣска — хранитъ Эмменидъ, или дворецъ тирана (имя режиссера); дѣйствіе не продолжится болѣе сутокъ (сложившихъ въ 4 часа, не включая и между-дѣйствій); а всего покойнице, что оно не укатится далеко, и будьте вы хоть педагогомъ все таки догоните его не задыхаясь.» Жалкіе мудрецы! И они еще увѣрили, что вѣроятность соблюдена у нихъ строго. . . . Какъ будто безъ помощи воображенія можно забыть въ нихъ ондизъ-театрѣ, болѣе чѣмъ въ Англійскомъ театрѣ-самолетѣ, не сказанномъ никакими усло-віями, никакими приличіями, объемлющемъ весь нути, всю жизнь человѣка! Неужто лег-че повѣрить, что заговорщики приходятъ тол-ковать объ Идахъ марта въ переднюю Цеза-ра; чѣмъ колдованью 3-хъ вѣдьмъ на поляхъ? Ужели воображеніе какъ извѣстникъ занимает-ся только на день, и бѣшенъ перейти черезъ улицу, чтобъ не получить насморка? Ужели оно лучше пойметъ напыщенный, чопорный, условный языкъ, который не говорила ни

одна живая душа, несли обильное между людьми нарѣчіе?

Какъ ни противуестественно все это, но все это сохранилось въ цѣлости до 1820 года. Франція была республикою, была имперією; революція перекинула ее до влада въ кровавомъ котлѣ своемъ: — но старикъ театръ остался тѣхъ-же старикомъ. Домая алтари, Франція не тронула точеныхъ ходулей классицизма; она отрекалась вѣры и осталась вѣрна преданіямъ Батто, стихамъ Демира, танъ, что когда Русскій казакъ съѣлъ на даровое мѣсто въ Одессѣ, въ 1814-мъ году, онъ зѣвалъ отъ тѣхъ-же длинныхъ, длинныхъ монологовъ, отъ которыхъ зѣвать позволялъ и Людовикъ XIV-й, съ тою только разницею, что революціонеръ Тальма есмѣялся не пѣть, а говорить стихи, проглатывать цезуры и ходить по-человѣчески, а не гуемнымъ шагомъ.

Но не вся литература Французская казнена по театральной волѣ. Смерть Людовика XIV-го вынудила на волю умы и нравы. Придворное волокитство превратилось въ развратъ, ханжество въ вольнодумство. Матеріализмъ замбалнилъ эммосеію. Рабле, кронцательный ловецъ слабостей общества, и Монтань, глубочайшій наследователь слабостей человека, оба романтики первой степени — были

забыты. Мольеръ и Ласонтенъ, два гения, которые посреди всеобщаго лицемерства и ползанья уибли сохранить искренность и смѣли говорить правду — пошли за безцѣвь. Вольтеръ, съ дружиною энциклопедистовъ, овладѣлъ всѣмъ вниманіемъ Европы; Вольтеръ, который былъ трибуномъ своего вѣка, представителемъ своего народа. Гордый ползунъ, льстецъ и насмѣшникъ вмѣстѣ, скептикъ по рожденію и остроумецъ по ремеслу, онъ первый своими сказками научилъ вольнодумство навадинической стрѣльбѣ насмѣшками. Вольтеръ былъ Діогенъ XVIII вѣка, но Діогенъ иѣженка, Діогенъ съ ключемъ на карманѣ, Діогенъ, который не только смѣялся надъ людьми и богами, но лѣстилъ Богу и людямъ.

Какъ ни велика была однакожь власть Вольтера, даже у насъ, гдѣ нѣмѣ до сихъ поръ считаютъ его, жалкаго болтуна, величайшии философомъ, Вольтеръ не опередилъ своего вѣка. Своевольный, оригинальный въ родахъ сочиненій, мнѣ созданныхъ, онъ отъ души копировалъ въ Гайриадѣ древнюю эпосею, смѣялся надъ мужикомъ Шекспиرونъ, и невѣря на чему, набожно вѣровалъ въ преданія Французскаго театра. Можно судить, что онъ былъ по плечу своимъ современникамъ, когда академія избрала его въ свои члены — за

Орлеанскую дѣлу, поэту, катящему вѣкъ свой! И Франція рукоплескала этой поэзі, въ которой онъ волочилъ по грязи священное имя Іоанны д'Аркъ, и отдавалъ поспѣванію чистѣйшую славу ее предковъ!

Но романтизмъ имѣлъ представителя и въ эту пору вещественности: то былъ независямый чужакъ Руссо. До него, около него, въ поэзіи, ученые не видали ничего выше Грековъ и Римлянъ — идеалъ совершенства былъ у нихъ позади. За утоніей риллисъ они въ землѣ, а не въ небѣ. Напротивъ, блестящій сонъ Руссо, удивительный парадоксъ Руссо, отвергъ не только весь обычай общества, но и возвратилъ и самую природу человѣка, создалъ своего человѣка, выдумалъ свое общество. Правда, подобно Платону онъ заблудился въ облакахъ; онъ не достигъ истины, главнаго условія поэзіи; но онъ искалъ ея; онъ первый, хотя и въ бреду, сказалъ, что міръ можетъ быть улучшенъ иначе какъ есть, иначе какъ было. Донъ-Кихотъ утопіи, онъ ошибся въ приложеніи; но начала его были вѣрны. Поэтъ безъ рифмы, мыслитель безъ неопредѣленности, онъ оставилъ звѣно между матеріализмомъ цѣна и духовностію вѣковъ.

Но современники не могли постичь въ Руссо бореиіа двухъ этихъ силъ, не угляди оцѣ-

нить его нескренности : они только заслушивались гармоніи его краснорѣчія, выписывали страницы изъ Элоизы въ свои *billet-doux* — и отирались въ маленький домикъ, на свиданіе съ какой нибудь маленькою маркизою. Откушавши доживали тогда остальные милліоны, аристократія послѣдній кредитъ свой, но все звенѣло, все прыгало : деньги и люди ; система Лау изображала золото, котораго уже не было ; титулы — достоинства, которыя исчезли ; литература стала мелочна какъ люди, безстыдна какъ люди. Кребильонъ смѣхъ и раздражатели Грекура (я беру только фланговыхъ) были достойными историками этой поры холоднаго, жеманнаго разврата, съ наемъ на устахъ, съ носомъ на вѣтеръ, съ грудями на помазъ . . . Не наше дѣло изслѣдовать грозу, всколебавшую всю Европу до дна и надолго ; но долгъ нашъ замѣтить, что въ послѣдніе годы передъ революціей началось переселеніе мнѣвій, гораздо разрушительнѣйшее чѣмъ переселеніе народовъ, и центръ его была Франція, а проводникомъ его Французскій языкъ.

Матеріальная Европа хлынула въ Россію, когда Петръ великій сломалъ стѣну, ихъ дѣлившую ; но вѣку Петра нѣкогда было заниматься словесностію : его новзія проявлялась

въ подвигахъ, не въ словахъ. Долгое бездѣйствіе пало на Русь, съ кончиною Его кипучей дѣятельности, а въ часъ досуга Русскій баринъ любилъ чужестранныя сказки; онъ не кони отличался необыкновенною уступчивостію своихъ нравовъ, необыкновенною пріемлемостію чужихъ. Онъ пилъ кумысъ съ ханами Золотой Орды; онъ носилъ контушь при Самозванцѣ. За бороду, правда, онъ сперилъ долго, будто-бъ она приросла у него къ сердцу; но разъ въ мундирѣ—онъ грудью полѣзъ въ Нѣмцы. При Елисаветѣ Французскіе нравы смѣнили обычай Бирона — Русскій баринъ не остался и тутъ назади, такъ что въ царствованіе Екатерины, смѣшеніе языковъ Гасконскаго съ Нижегородскимъ не было уже диковинкою. Съ тѣхъ то поръ привыкли мы жить Парижскими обносками и объѣдками, не разбирая стараго отъ новаго, хорошаго отъ худаго. Съ тѣхъ-то поръ Французская литература завалила матушку-Русь своими обломками и своими потомками. Съ приторною Французскою кухнею вѣхали къ намъ и герои Французскаго страпанья. Бульонъ (не графъ Бульонъ) и галантинъ выставлены были на одномъ паспортѣ съ Нарцессомъ и Клелією. Рагу и фрикассе нагринули объ-руку съ Полѣонтомъ и Нерономъ, тиранами желудка и

тертійя въ 4-хъ лицахъ. Зенеры и Адонисы, Фронты и Селимены, сахарные голубки и розовые барашки, переложены были чепчиками и робронами. Мраморная челядь Олимпиа, оборыши со всей Италии, замыкала шествіе. Но пусть-бы ужъ вытерпѣли мы одну скуку отъ настоящихъ и передѣланныхъ на Русскіе нравы Криспановъ, Валеровъ, отъ злодѣевъ и наперсниковъ, которые приходятся ко всемъ лицамъ, какъ винты Систербецкаго завода ко всемъ гайкамъ. Пускай-бы ужъ осуждены мы были слушать ухорѣзную Французскую музыку, питаться соусами-микстурами, слонаться по стриженнымъ въ видѣ грибовъ аллеямъ Лекотра, любоваться пестрядиными картинами Ванлоо. Такъ пѣтъ, Франція XVIII вѣка наводнила насъ пѣснями, гравюрами и книгами, постыдными для челоуѣчества, гибельными для юношества выдумками, охлаждающими сердца къ доблестямъ старины, лишшающими собственного уваженія. Эти-то отвратительныя подстреканія убивали въ цвѣту лучшія надежды Россіи, ставя цѣлью бытія животныя наслажденія, внушая невѣріе, или, что еще хуже, равнодушіе ко всему благородному въ челоуѣкѣ, ко всему священному на землѣ! . . .

Красивѣе какъ Русскій, упоминаю. (вспоминать я, слава Богу, не могу) про эту эпоху

графинскъ и князьковъ, мушкетъ и ежики, привозныхъ романчиковъ въ 12-ю долю, и связей на 3 часа, не жившихъ извѣщеніемъ ни любви, ни нылу, ничего кромѣ моды—связей, не носившихъ даже блестки Французскаго остроумія! — эпоху, въ которую городское дворянство наше такъ-же усердно старалось выказывать свою безнравственность, какъ въ другое время се причуть; въ которую продажность гуляла вездѣ безъ укора или скрывалась безъ труда!! Довольно, и черезъ край, золотили мы прошлый вѣкъ свой—время на переборъ намъ съѣдаетъ эту сусальную позолоту . . . Старички ахаютъ, заводя слово о тогдашнихъ весельяхъ, о дешевизнѣ, о легкости жить и служить! Надо знать (не къ тому будь сказано), каково отозвалось это дѣтство? Они выплачиваютъ долги ихъ в аптекъ и ломбарду, за ихъ безразсчетную роскошь на нѣтъ, на здоровье, на самую доброту. Эмигранты отдарили насъ за гостеприимство не одною своею ничтожностію и безграмотными гувернерами, но профлями своими, но и пудами сублимату, но и душегубными анжюнками, съ которыхъ переводы таятся донинѣ въ углахъ нашихъ уязвимыхъ библиотечекъ, на соблазнъ внушанъ. Кто однакожь выслѣдилъ пути Продвинія, кто? Можетъ быть, оно нарочно да-

есть грязному ручью преобразить дворянскую землю, чтобы въ его ложе бросить по весѣ многоводную рѣку просвѣщенія! . . .

И не одна мода была причиною пристрастія Русскихъ къ Французской литературѣ, но и потребность. Но модѣ я могу пить лимонадъ вмѣсто квасу, но жажда тѣмъ не менѣе существуетъ во мнѣ, независимо отъ подражанія или привычки. Жажда чтенія пробудилась и въ Русскихъ съ началомъ просвѣщенія; а изъ какого источника могли они скорѣй всего утолить ее, какъ не изъ своего подручнаго? Свое не было еще создано или такълось забыто! Англія для насъ лежала тогда на днѣ моря-Оціана, Германія была еще невѣстною (т. е. безсловесною), не для однихъ насъ, древность пѣла Лазаря въ одиѣхъ семинаріяхъ, и Тредьяковскій отпугнулъ Русскихъ на долго отъ гексаметровъ и древнихъ своимъ попытками. Ломоносова, правда, хвалили всѣ . . . и никто не читалъ! . . . Публичка энциклопедика свою *десперацію*, что ей нечего читать. *Аттенція* съ которой она приняла Курганова писемовникъ, ободрила писакъ на дальнѣйшіе подвиги, и вотъ Сюдери обновилась для насъ въ Феодоръ Элизинъ, Респьеръ назвался Книжничимъ, трагедія завѣла Сумароковымъ, энеида отиѣла себя въ

Херасковъ. И вдругъ, изъ этого моря миндалянаго милона, возникъ огнемшащій Державинъ, и взбросилъ до звѣздъ жѣдь и пламя Русскаго слова. Саморедный великанъ этотъ пошелъ въ бой поэзіи по безднамъ, надвинулъ огнепернатый шлемъ, схвативъ на бедро лучъ солнца, раздавливая хребты горъ пятою, кидая башни за облака. Философъ-поэтъ, онъ первый положилъ камень Русскаго романтизма не только по духу, но и по дерзости образовъ, но новости формъ. Прочтите его Ласточку, его оду Богъ, его оду къ Счастію, его Фелицу, Вельможу, Водонадъ — и вы назовете ихъ романтическими поэмами. Его восторгъ славленъ всегда съ грустною мечтательностію.

Но едва-ли успѣхъ Державина заключался въ его талантъ. Всѣ поклонялись ему, потому что онъ былъ любимецъ Екатерины, потому что онъ былъ тайный совѣтникъ. Всѣ подражали ему, потому что полагали съ Парнасса махнуть въ слѣдующій классъ, получить перстенецъ или приборецъ на нижнемъ концѣ вельможи, или хоть позволеніе потолкаться въ его прихожей Всѣ читали Державина — очень немногіе понимали. Публикѣ нужна была едосееностъ для

домашняго обихода . . . И вотъ Богдановичъ прокопался очель нило своею Душенкою. И вотъ оеиъ Визинъ замѣденикъ для потомства лица оеиъ современникоу провинціалюу. И вотъ явилася Дмитриевъ съ легиниъ стизоуу, съ летучиъ разказанъ; съ нарѣчиенъ лучшаго общества, кой гдѣ съ презленюу народноуу. Но пачи весь онъ состоелъ изъ дереводуу. Наконецъ блеснулъ образователъ таиной прозы, Карамзинъ. Судьба дала ему двѣ, пачи несомнѣнныя для другиъ: выгоды: внушить въ Русскиъ романтическую мечтательность и новомъ заставить ихъ полюбить родину и исторію; возбудить страсть къ самыъ плодотворнымъ изысканіямъ, какъ будто предвѣщая собой двойственное направленіе вѣка, которому предшлъ онъ. Гравировка началась у насъ лубочными картинками Спасскаго моста, знакомство съ Нѣмецкою словесностию драмми Коцебу. Мѣщанство ихъ не испугало насъ (династія Агридовъ не вѣриво вѣлалась въ наши нравы). Поправилось намъ и просмѣяться оеиоу слезъ — это такъ близко къ природѣ; Тогда Коцебу и Жанлисъ уже начали вводить въ моду ложную чувствительность, аханю надъ пустяками, слезы участія для слабостей любви, именно для слабостей — огня страстей, яду страстей они не знали. Карамзинъ привезъ

изъ-за границы полный запасъ сердечности, и его Бѣдная Лиза, его чувствительное путешествіе, въ которое онъ такъ неудачно подражалъ Стерну, вскружили всѣмъ головы. Всѣ заводыхали до обморока; всѣ кинулись ронять алмазные слезы на ладони, надъ горшкомъ палеваго молока; тониться въ лужѣ. Всѣ заговорили о матери-природѣ — они, которые видѣли природу только съ пробошка изъ окна кареты! — и слова *чувствительность, несчастная любовь*, стали шиболетомъ, лезунгомъ для входа во всѣ общества.

Вопреки этому безвременному, разслащенному Вертеризму, занятому по перепадѣ отъ Нѣмецъ, XIX вѣкъ взнеслъ не розовую зарю, а заревогъ военныхъ пожаровъ; но Русь еще дремала, Русская словесность еще пережевывала Мармонтеля и мадамъ Жанлисъ. Одинъ только самобытный, неподриженный, Крыловъ обновлялъ повременно и умъ и языкъ Русскій, во всей ихъ народности. Только у него были они оубжи собственнымъ румянцемъ, удалы собственными силами. Онъ первый не казалъ намъ ихъ безъ пыли древности, безъ Французской фольги, безъ Нѣмецкаго вѣлика изъ незабудокъ. Мужички его природные Русскіе мужички; звѣрьки его съ неподраженною остью. Счастливы мы: Крыловъ и XIX

вѣкъ была нашими крестьянами: отцами! Первый научалъ насъ говорить по-Русски, второй имелъ по-Еврейски. Тогда Державинъ уже деливалъ между поэзии: развалинами любитель Русскаго слова. Дмитриевъ молчалъ уже; Карамзинъ еще писалъ: только свою Исторію. Одинъ Крыловъ былъ достойнымъ представителемъ словесности нашей.

Между тѣмъ Европа прошивала вѣка въ не-многіе годы. Русь вездѣ простираала мечъ свой между деспотизмомъ Наполеона и правдами народовъ, которыхъ грозилъ онъ; сражалась за нихъ . . . всегда благородно. Купчиха Англія стрѣляла чугуномъ и золотомъ и наскви-лила въ великана, который обѣщалъ согнать ее съ земнаго шара. Только Германія, улетѣвъ изъ житейской жизни, углубилась въ умозритель-ныя тонкости, прислушивалась къ гармоніи себѣ, и подобно Архимеду не слышала, что враги берутъ приступомъ ея священныя твер-дыни. Англія давно имѣла свою огромную ори-гинальную повзю, но она жила съ нею посреди воли и тумановъ, одиоко, какъ отшельникъ, счастливый міромъ дивныхъ мечтаній, въ гру-ди его совершающагося. Міръ воть долго жилъ безъ отголоска въ нашешъ міръ, откуда гений Шиллера не угадалъ его двѣтвенной преле-сти, и не усвоилъ Нѣмецкой словесности ро-

кантизма. Шаменипроза, во всей волнистой его простоте. Прядь нить, за нить, радость съ нить, за нить, словесность, исторія, философія, критика, поэзия, сны, плоды, творными идеями, объяснявшими человечество, раздвинутыми углы человека уже не бѣднымъ опытомъ какъ прежде, но пылкостью воображенія. Тогда же блеснулъ и Гете, который собралъ въ себя аршины сѣтлосты все лучи просвѣщенія Германіи, который воплотилъ, олицетворилъ въ себѣ Германію, мечтательную, полудрежнюю Германію, вѣчно колеблющуюся между карлофельдъ и звѣздами, Германію, которой половина въ нѣмъ осодавлена, а другая въ облакахъ стлечивностей, Германію, престоупную до смѣха и учевую до слезъ, Германію всеобъемлющую, вселюбящую, всеатающую, все, начиная съ англійскія Индїи краи, до замисловъ Розенкрейцеровъ, отъ символизма Зендъ-Авесты до магистрана земли.

Все, что создали гении Германіи для науки, для искусства, для воображенія, сошлось въ Гете. Все яркое въ мірѣ отразилось въ его твореніяхъ, все... край чувствъ патриотизма — и этнико-то всего больше оустетанлъ онъ въ себѣ Германію, которая научила насъ чловѣка душу и разсматривала ее

отдѣльно отъ народной жизни; анатомировала законы природы, безъ отношенія ихъ къ человеку. Фаустъ есть фокусъ генія Гете, точно такъ же какъ самъ онъ былъ фокусомъ просвѣщенія и духа Германскаго.

Но Германія, истощенная умозрительнымъ усиленіемъ ея геніевъ во всѣхъ отрасляхъ точнаго и прекраснаго, геніевъ, которые какими-то чудомъ взошли дружными созвѣдіями вдругъ на горизонтъ прошлаго полуустольгія, ушла въ дремоту, и поротась изъ всемірнаго облака, ушла за частности, за бытъ замечный; нарядилась въ alte deutsche Tracht, заиграла на гудкѣ сельскую нѣню, заземлосостворала на старый ладъ съ Гегелемъ, затлила съ Уландомъ про зло-то и добро, превратилась въ дещетъ засыпающаго. Въ эту-то эпоху засталъ ее Жуковскій, и въѣзненный чистою мечтательностію Шиллера и легендами Нѣмецкой старины, пересадилъ романтизмъ въ действительную почву Русской словесности. Но онъ пересадилъ только одинъ цвѣтокъ его, одинъ изъ необъятной его природы. Еще Русь отзывалась грустными напѣвами Жуковского, еще передъ очами нашими носились туманные образы его поэзіи, еще сердце теплилось его неземною любовью, его отрадными надеждами замогильными, когда блеснула Александръ

Пушкинъ, рязный, дерзкій Пушкинъ, почти ровесникъ своему вѣку и вполнѣ родной своему народу. Овладевъ языкомъ, овладеваемъ страстями до глубины души, онъ скоро могъ оказать вниманію публики: «Мое!» Сначала причудливый, какъ Потемкинъ, онъ бросалъ жемчугъ свой въ каждого встречнаго и поперечнаго; но зачатнѣе данъ Лафору и Парни, расклявшися съ Дона-Жуаномъ, Пушкинъ обрелся делой владѣцъ Байрона, и въ послѣднихъ твореніяхъ явился гордъ и самобытенъ. Но я не раскинусь въ обзоръ ни о Державинѣ, ни о Жуковскомъ, ни о Пушкинѣ; да и зачѣмъ-бы я сталъ пересказывать то, что тамъ дѣльно, такъ безпристрастно, такъ увлекательно высказано въ Телеграфѣ, журналѣ, который должна гордиться Россія, который одинъ стоитъ за нее на стражѣ противъ старозвѣтства, одинъ для нея на долѣ Европейскаго просвѣщенія!

Впрочемъ, мнѣ цѣлю замѣтить, какое вліяніе производила действительность на поэзію, и какъ высказывались вѣка поэтами, я не оставляю Державина на одну доску съ Жуковскимъ и Пушкинымъ, потому что первый изумилъ всѣхъ подобно кометѣ, но исчезъ въ пучинѣ воздуха, безъ слѣда; а два послѣдніе были двигателями нашей словесности и заставили своимъ духомъ цѣлѣе табуны подра-

жателей. Народность Державина ускользнула отъ его близорукихъ современниковъ точно такъ - же, какъ незамѣтно протекла чистота языка Ломоносова прежде, и Державинъ, не смотря на ливанъ торжественныхъ одъ, умеръ безъ наследниковъ, даже безъ подражателей.

Жуковский и Пушкинъ, напротивъ, при жизни своей увлекли въ свою колею тысячи, но утонули печально, неумышленно, такъ сказать *гусаромъ*^{*}. Тамъ бездарныхъ и полударныхъ крадуновъ пѣвца Минина, сдѣлались велики пѣвцами *успокой души*, утомительными пѣвцами *толкотни*, близорукими пѣвцами *дали*. И потому, собачій вой ихъ балладъ, страшныхъ одною нелѣзностию; ихъ бѣсы, нахвучіе кренделями, а не сѣрою; ихъ разбойники, взятые на прокатъ у Ноды, надошли всѣмъ и всякому не хуже нынѣшней гонимостической и холерной полемики. Съ другой стороны Гурнизмъ и довь-Жуаннизмъ, выкраденный изъ кармановъ Пушкина, развѣненный на полумки, разбитый въ дробь, полетѣлъ изъ всѣхъ рукъ.

* Биллиардное выраженіе. Когда безразсечетнымъ ударомъ игрокъ положить въ лузу шаръ, въ который не мѣтиль, это называется — гусаръ. *Примѣзаніе для прекраснаго поля.*

Жизнь не стало отъ толтошечкой безнадежности, отъ самоубійствъ шаншанскими пробками, отъ злодѣевъ съ башоками, въ перчаткахъ *glacés*; не стало житья отъ похитильщика студентоу, вооружающаго сальныхъ Гетеръ Фонариато переулка. Но какъ-бы то ни было, мы перестали играть въ жиурки съ мраморными стагулами, и роковое слово: *Романтизмъ!* было произнесено. Оно раздалось выстрѣломъ.

Надо было видѣть, какъ встрепенулся тогда старикашка классицизмъ отъ дрекмы на своей мюедрѣ, источенной червями. «Къ перу! къ перу!» возопіалъ онъ гласомъ великимъ, и вточивъ указку, потащился въ бой съ романтиками. Должно признаться, что безкровный бой этотъ былъ очень смѣшонъ. Старикъ не постигалъ древнихъ; молодежь толмовала о новыхъ писателяхъ по слышкѣ. Одни задыхались подъ ржавыми латами, другіе не умѣли владѣть своимъ духовнымъ ружьемъ.

Стыдно, право, упоминать что писали тѣ и другіе въ обвиненіе другъ друга! Но молодежь между тѣмъ нечужко училась, кой-что вычитала — а старички наши только упирались; конецъ можно было предвидѣть: фарфоровый Голиаѳъ брякнулся о землю,

«И весь . . . ща тамъ образъ напечаталъ.»

Майковъ.

Романтизмъ побѣдиль, идеализмъ побѣдилъ, и гдѣ-жъ было воевать пудръ съ порохоми? Но не будемъ сохолобивы. Не наши силы, не наши познанія были виною такой побѣды — далеко нѣтъ! Намъ выручило время, единственный въ свѣтѣ старикъ безъ предрассудковъ, старикъ, который вѣчно балуетъ молодежь, и шалитъ съ нею за одно. Мы не признали романтизма, но онъ взялъ насъ съ бою, завеселъ насъ какъ Татары, такъ что никто не зналъ, не вѣдалъ, откуда взялись они? Онъ скитается между нами, этотъ вѣчный Жидъ; онъ уже строитъ свои фантастическіе замки — а мы все споримъ, существуетъ-ли онъ на свѣтѣ, и вѣроятно не ранѣе повѣримъ, что онъ получилъ Русское гражданство и княжество, какъ прочитавъ это въ Гамбургскомъ Корреспондентѣ.

Видѣтъ съ появленіемъ у насъ Германской мечтательности и Англійскаго спанна, еще пожаловалъ на святую Русь неожиданный, но милый гость: я говорю объ историческомъ романѣ. Геній Валтеръ-Скотта угадалъ домашній бытъ и вселенный умъ рыцарскихъ временъ, точно такъ-же какъ Гиббонъ постигъ ихъ бытъ политическій, какъ Нибуръ выкопалъ Римъ царей изъ-подъ тройной лавы консульства, императорства и папства. Да, Вал-

теръ Скоттъ сирянулъ ихъ живою водою своего творческаго воображенія, дунулъ имъ въ ноздри, сказалъ: живите. — и они ожили, съ румянцемъ жизни на щекахъ, съ біеніемъ дѣйствительности въ груди. Это не выходимъ изъ могилъ, съ прахомъ тѣлѣи на темъ, не тѣнь Саула въ общемъ смертномъ мундирѣ, т. е. въ саванѣ; напротивъ, это живые люди, съ ихъ мелкими страстишками, съ ихъ повѣрьями, съ ихъ обычаями, съ любимыми ихъ приговорками. Онъ распахнулъ передъ нами старину, но не ее подвинулъ къ намъ, а насъ перенесъ въ нее, заставилъ насъ любить, драгаться, бунить, нить, трусить вмѣстѣ съ своими героями и за своихъ героевъ. Конечно, въ таможенномъ значеніи слова, Валтеръ Скоттъ не романтикъ по предмету, но онъ романтикъ по изложенію, по формамъ, по Стерновскому духу анализа всѣхъ движеній души, всѣхъ поступковъ воли. Онъ не говоритъ какъ идеализмъ: *потому?* Но онъ говоритъ *потому и потому-то*. Самая точка возарнія на старину доказываетъ, что онъ поэтъ — этого довольно. Поэтъ въ нашъ вѣкъ не можетъ не быть романтикомъ.

Континентальная система, закиравшая Европу отъ Англіи, рухнула вмѣстѣ съ Наполеономъ и въ литературномъ отношеніи. По за-

кону равновѣсія гидростатки, Англійская и Нѣмецкая имеленность пролились во Францію, какъ скоро опалъ вихорь, иѣшавшій имъ прѣдти въ урванъ. Бурунь отъ этого тройствениаго боренія была страшный, потому что подь именоеть романтизма и классицизма тамъ сражалась политическя и религіозная партія. Суда, соединенная съ убѣжденіемъ, рѣшила бой тамъ; въ этомъ наше дѣло сторона; но забудемъ-ли, что мадамъ Сталь первая ввела въ гостиную Франціи Германскую музу, а Валтеръ Скоттъ заманилъ Французовъ въ знакетво съ Шекспиромъ, разлакомилъ ихъ своими доеказками къ исторіи и внушилъ Баранту его романтическую дѣтлонь. Однимъ словомъ и наконецъ, Валтеръ Скоттъ рѣшилъ наклонность иика въ историческимъ подробностяъ, создалъ историческій романъ, который сталъ теперь потребностію всего читающаго міра, отъ стѣнъ Москвы до Вашингтона, отъ кабинета вельможи до прилавки мелочнаго торгаша.

И вы думаете, что это сдѣлалось людьми и вдругъ?

Montaigne eût dit: que sais-je, et Rabelais peut-être.

V. Hugo.

14*

Я не скажу ни того ни другаго, потому что я думаю иначе, потому что я вѣрю въ то, что обдумалъ . . .

Изыскательность Баронейская, осѣдлавъ гѣвъ и нарѣ, некрестивъ облака и океаны, открыла новые міры и въ области мысленія и въ выдѣ забвенія. Чѣмъ далѣе прозвонилъ взоръ ея туманъ будущаго, тѣмъ вѣрнѣе, тѣмъ глубже ногъ онъ проникаетъ и въ минувшее . . . Зрѣніе расширяется во все стороны: это законъ природы. Нибелунги, благодаря кровозливостн, освободились изъ подземелья Сентъ-Гальскаго монастыря. Обновилась Эдда Скандинавовъ; нашелся Аргусъ и другія Карлевингокія поэмы. Геберъ открылъ Индійскую Иліаду, а Карей, Шези, Козегартенъ, Вальсонъ растолковали ее. Мы Русскіе выискали свою предестинную жемчужину: вѣсь о полку Игоревѣ . . . Могъ-лиже Русскій свѣжій народъ быть чуждъ этого движенія? Могъ-ли онъ не подумать объ исторіи, онъ, исторій такъ славно, такъ безкорыстно работавъ для исторіи? Каразинъ захотѣлъ насъ къ преданіямъ нашей старины; археологическія процыты собрали кой-какіе элементы для романа. Историческія повѣсти Марлинскаго, въ которыхъ онъ, сбросивъ пути книжнаго языка, заговорилъ живымъ Русскимъ нарѣчіемъ, служили дверь.

ни въ хороми полнаго романа . . . Любопытство было напряжено тѣмъ сильнѣе, что Пушкинъ только дразнилъ его главами Онѣгина, что на театрѣ не было ничего, кромѣ бытыкъ, перебитыхъ водевилей съ Французскаго, только нѣтъ утиности называемыхъ двумисленными. И вотъ выясался наконецъ человекъ, который рѣшился прыгнуть въ разверстную пасть крокодила — публички. Это былъ Булгаринъ.

Г. Булгаринъ исполнилъ этотъ подвигъ такъ же удачно какъ само. Зависть, возбужденная его *Дмитріемъ Самозванцемъ*, доказала, что въ немъ были достоинства; но скажемъ правду: въ немъ онъ подарилъ намъ Европейскимъ, не Русскимъ романомъ. Трудъ его, конечно, заслуживаетъ одобреніе современниковъ, но едва-ль врѣжется въ память потомства, отъ того что авторъ не постигъ духа Русскаго народа, не доглядѣлъ того, что не народъ, а вельможи подковали тронъ Годунова; что не любовь къ Рюриковичамъ, а зависть бояръ къ власти недавняго товарища была причиною успѣховъ Дмитрія. Не Русь, а газетную Россію изобразилъ намъ онъ. Мастеръ въ живописи подробностей, естественный въ Теньеровскихъ сценахъ, онъ натянуть тамъ, гдѣ дѣло идетъ на чувства, на сильныя выпышки

страстей. Характеръ Годунова очерненъ, характеръ самозванца не выдержанъ, а государственные люди его черезъ чуръ просты и трусливы: нѣ-ли быть совѣтниками или врагами царей, главами заговорщиковъ, виновниками переворотовъ! Потому, онъ слишкомъ романсизировалъ похождения своего героя и прибѣгъ къ чудесному, очень уже извощенному, заставивъ молдунью пророчить Годунову самымъ пошлымъ образомъ надъ змѣями и жабами, которыхъ (между нами будь сказано) не найдти въ мартѣ мѣсяцѣ ни за какія деньги. Въ *Исторіи Выжмиши* историческая часть вовсе чужда. Увѣрять, что Наполеонъ пошелъ въ Россію, обманутый Коленикуромъ, будто его примутъ съ открытыми объятіями, можно было въ 1812 году, не позже; да и тогда этимъ слухамъ вѣрили только на гостинионъ дворѣ. Въ подобномъ тонѣ писаны почти все портретныя сцены съ Наполеономъ, а Наполеонъ занимаетъ въ *Выжмиши* болѣе мѣста, чѣмъ самъ герой повѣсти. Русскихъ едва видно, и то они терзаются въ воегласахъ или падаютъ въ карриатуру. Впрочемъ, ошибочные въ цѣломъ, романы Булгарина въ частностяхъ носятъ отпечатокъ даровитаго юмора, и многія изъ лицъ его обратились въ пословицу. Мы обязаны ему благодарностію за про-

бужденіе въ Русскихъ охоты къ роднымъ историческимъ романамъ. Онъ первый прошелъ по скользкому льду: мудро-ли, что стезя его залучаста? Теперь ступайте! . . .

Призывъ не остался напрасенъ. Явился Загоскинъ, и съ первой попытки догналъ Булгарина, хотя онъ далеко не оправдалъ заносчивыхъ титуловъ своихъ романовъ: «Милославскій или Русскіе въ 1612 году» — «Рославскій или Русскіе въ 1812 году»! Неужели три, четыре черты составить могутъ картину? Неужели пара офищниковъ, да пары двѣ офицеровъ, да одинъ уголокъ траншеи подъ Данцигомъ, могутъ дать полное понятіе о Русскихъ, о войнѣ громаго 1812 года? Помилуй Богъ! Въ истинѣ мелкихъ характеровъ и быта Руси, онъ превзошелъ автора *Самозванца* — ни сколько во взглядѣ на событія. При томъ, душевная подѣлка не спряталась у него подъ игристою Русскаго языка. Его Юрій — метамисхоса Валтеръ Скоттова Везерлея. Его пощ-партизанъ — Исканскій Эпичинадо; его Зарядъевъ — капитанъ изъ романовъ Купера; даже героиня любви *Рославска* всцѣнена изъ двухъ стиховъ трагедіи *Освобожденная Москва*:

Она жила и жизнь окончила для Вьянка:
Да тако всякая погибнетъ Россіянка!

Словомъ, нѣтъ въ немъ ничего необыкновеннаго, поразительнаго, но удивительнаго много, но забавнаго много, и вы не увидите, какъ дочитались до конца, и вы досадуете, зачѣмъ такъ скоро перестанетъ онъ ваше удовольствіе.

Потомъ, романы : *Дѣя гунна Жалозова*, и *Камлалка*, г. Калашникова, столь богатые картинными описаніями Сибири, потомъ *Сиринцы*, и *Черный лорисъ*, г. Масальскаго, столь драгоценные, по матеріаламъ, объясняющимъ любопытнѣйшую эпоху нашей исторіи, доказали, сколь безсильно самое дарованіе, убитое подражаніемъ. Однѣ только сочинитель *Послѣднее Носика*, не смотря на прыгучій слогъ свой и на двойную путаницу завязки, умѣлъ стать самобытнымъ, умѣлъ избѣжать укора за вербовку подробностей историческихъ, ожививъ ихъ горячею игрою характеровъ. Впрочемъ, не смѣю судить о цѣлостъ, не читавъ послѣдней части *Послѣднее Носика*. Умалчиваю о сборникѣ всякой всячины, выданномъ подъ заглавіемъ : *Шемля*, и другихъ подобныхъ ему романахъ ; изъ нихъ отрывки вѣщаютъ, каковы они выльются ; но я радъ, что всякой герой находитъ себѣ у насъ по писальщику, и всякой писальщикъ публику по себѣ. Пускай читаютъ хоть Александра Ор-

лова — это все таки лучше нежели злословить, бездѣльничать или переметывать карты.

Между тѣмъ какъ Пушкинъ воздвигалъ пирамиду въ пустынь нашей поэзіи (я говорю объ его *Годунослѣ*), Н. Полевой, который съ такимъ пылкимъ самоотверженіемъ посвятилъ себя правдѣ и пользѣ Русскаго просвѣщенія, который такъ смѣло и неутомимо набѣждалъ на заповѣдныя имена, на завѣтныя наши ничтожества въ печатномъ мірѣ, и сводилъ насъ не на шапочное знакомство, а на пріязнь съ Европейцами — Полевой издалъ 3 тома своей *Исторіи Русскаго Народа*. То уже не былъ златопернатый разсмазъ Карамзина, но повѣствованіе пернатое свѣтлыми идеями. Не изъ толпы, и не съ приходской колокольни смотрѣлъ онъ на торжественный ходъ вѣковъ, но съ выси горъ. Взоръ его проникалъ въ сердце народовъ, обнималъ все ристалище человѣчества. Онъ вызывалъ на неумытный судъ недостойныхъ изъ толпы прославленныхъ, и обрывалъ съ нихъ незаслуженное сіяніе лучъ по лучу; за то съ горичностію проведена едувалъ онъ черную пыль клеветы съ чела праведниковъ, брошенную на нихъ пристрастіемъ современниковъ или ошибками позднѣйшихъ историковъ. Напутственный Барантовъ, Тьерри, Нибуромъ, Савиньи, онъ дорывался смыслу не въ сло-

вахъ, а въ событіяхъ; рѣшалъ не по замѣламъ, а по слѣдствіямъ; словомъ, подарилъ насъ надатками исторіи, достойной своего вѣка. Эта-то самая современность, съ ея забіячливою походкою, съ ея подозрительномъ ощущью, съ ея отрывистою рѣчью, кинулась въ глаза нашей посредственности, не золотой, даже не золоченой посредственности, которая не только не успѣвала за временемъ да и не думала равняться ему хоть въ затылокъ. Все зашевелилось. Университетскій колокольчикъ пріударилъ въ пабать. Зашипѣли князья щипузырныя, и всѣ, которыхъ задѣвалъ Полевой своею искренностію, расходились на Французскихъ дрожжахъ. Зѣло Русскіе и полу-Нерусскіе подали другъ другу руки, а, припавъ за нихъ Карамзина, начали швыряться побранками. Полевой отвѣчалъ новыми услугами за новыя насмѣшки. Ему всенало на умъ: досказать Русскую исторію — повѣстью, ознакомить насъ съ домашнимъ бытомъ предковъ нашихъ, безъ прикрасть, такъ сказать, показать подборъ княжеской мантіи, расписать крестьянина, растворить умъ и сердце Русскаго народа, и заставить тамъ причину событій въ едва замѣтномъ зернѣ. Онъ набралъ слова Вите: «Это не театральная пьеса, это историческія событія, представляющія люди»

серном драмы, не безъ требованія на драму» — своимъ девизомъ. Велѣдствіе этого онъ написалъ сперва пьесу: *Сильсонъ Кирдла*, и теперь *Каллоу при Гробѣ Господень*, Русскую была XV-го вѣка.

Мысль была счастливая. Элементовъ (не скажу матеріаловъ) для воплощенія этой мысли — множество, вопреки живнію многихъ грамотѣевъ нашихъ, будто созданіе историческаго романа, или живаніе историческихъ сценъ, на Руси невозможны. О, конечно невозможны, если палитрой вашей будутъ однѣ харатѣйныя и полууставныя граматки, если вы не очините кисти въ сердце Русское, если вы не увидите замечъ взоромъ вашимъ мертвыя буквы! если ухо ваше не можетъ подслушать задохъ старымъ и по этому вздоху угадать страсть ея!! Мы видели, какъ всякое событіе давало свою особенную грань и характерамъ и словесностямъ народовъ; ужели-жь мы одни даромъ прожили вѣка? ужели рековыя перевороты надъ нами тѣли какъ всякіе снѣга безслѣдно? Или клязья наши не имѣютъ для насъ никакой заботливости отъ того, что они знали *Omnia nobis*, а не *Pater noster*? отъ того, что жили въ деревянныхъ дворцахъ, а не въ каменныхъ замкахъ? Или крестьяне наши были извощены Европейскихъ работъ, рабство ихъ,

бѣдѣ ихъ? — Я думаю вовсе напротивъ. Русь была отчуждена отъ Европы, не отъ человечества, и оно при подобныхъ Европейскихъ обстоятельствахъ выражалось подобными же переворотами. За исключеніемъ престолныхъ переходовъ и реформація, чего у насъ не было, что было въ Европѣ? А сверхъ того, характеры князей и народа долженствовали у насъ быть ярче, самобитѣе, рѣшительнѣе, потому что человекъ на Руси боролся съ природою болѣе жестокою, со врагами болѣе ужасными, чѣмъ гдѣ либо. Дуличный Ингуль — Русь глядѣла вдругъ на Азію и Европу; быть ей составляла звено между осядлою дѣятельностію Запада и бродячею лѣзною Востока. Отъ того, какое разнообразіе вліаній и отношеній! Варяги на ладяхъ несутъ се. Печенѣги, Половцы, черные Клобуки зубрять ся границы. Грозой налетаетъ Русь на Царьградъ и завоевываетъ въ Керсуни христіанскому вѣру. Волыный Новгородъ ополчается хребтомъ Урала и блескомъ съ Воюшницъ дворами въ Ливондію; нападаетъ на Овѣщенъ за Меною, рѣжется съ Литовцами, везетъ свои товары въ города Ганзы. И потомъ битвы междуусобій, и потомъ губительное нашествіе Татаръ, и душная ночь ихъ власти, и кракъ нощі сѣло единодержавіе. . . И потомъ

войны съ шумными Поляками, съ дикими Даггерами, Иоаннъ Грозный, попытка обратить насъ въ католичество, китежи Самозванцовъ, и мудрый Алексѣй, и необычный Петръ! Да, это море-окиянъ!... море еще неизжитое, неизданное, и тѣмъ болѣе заманчивое, оригинальное. Вглядитесь въ черты князей нашихъ, сперва несовершенія, потомъ лишь удама, потомъ уже коварныя, и скажите, чѣмъ хуже они героиъ Валтеръ Скотта или Вальтера Гюго, для романа? У нихъ, князь вездѣ, была своя махавелизмъ для силы и для беззаконія, были свои ковы и оковы, и адъ подъ коготь, и коготь подъ колою. У нихъ были свои лакеи-предатели, свои вельможи-дядьки, свои жены царь-бабы, свои братья-Машны. Про нихъ звучали струны пивцовъ, про нихъ звонили колокола монастырей. И они гордились породою, какъ элиторы на священную иттерію; а на охотѣ съ соколами, на зѣрновой охотѣ, конечно были удалые любяге бароны, потому что такого раздолья для скачки, таково пришло на дичь, какъ на Русь, а во снѣ не видана Еврейскіе палачи. И они пировали не мѣсто шумно и весело, чѣмъ вондѣ планетъ, и они лазили черезъ тѣмъ къ Богишиль или Французскіе солдаты, и вѣли свои шоды, свои остроуміе, свой особый языкъ.

Суровость, злость, бесподорожье и даже дикая среда Удѣльныхъ князьихъ неукоренить Великому, возвать сосѣднихъ и егонять другъ друга съ омиа омола. Беспрестанныя стычки съ кочевыми наездниками и войны между-усобій заманивали ихъ нравы опасностями, давали храбрость, а храбрость разжигала честолюбие. Они жаждали битвъ для славы, славы для власти. Далѣе, какой богатый источникъ для романиста — мѣстничество бояръ и дворянъ, которые оперва могли переходить отъ одного князя къ другому безъ предосужденія, ихъ мелкія ссоры, ихъ могущее вліяніе! За ними Дворъ и дворья, гридни и насмныя дружины княжія. Да и черный народъ нашъ (кромя рабовъ), смерды, людныи, крестьяне, мѣстичи, безъ сомнѣнія долженствовали быть гораздо смиреннѣе саравъ Среднихъ Вѣковъ. Они не составляли части земли: они дѣлали свои сходы, они ходили на войну съ князьими, чьва не было въ Европѣ. Притомъ, борьба съ природою и съ враждебными обстоятельствами, необходимо развивала ихъ физическія и нравственныя силы. Принужденный дѣлать для себя все, начиная отъ лаяга до шлема, отъ горшка до колеса, Русакъ становился изобрѣтателемъ и саннадѣанъ. Остававшийся, обезземельный, славякъ: въ глуши мѣ-

силъ, въ болотахъ, въ сугребахъ снѣга, онъ сталъ отраженъ и наводчизъ. . . Неувѣреннымъ, что завтра принадлежать ему, онъ едва ли дѣлалъ и беззаботенъ. . . Но онъ не былъ ни-зодъ, ибо не терпѣлъ униженія наравнѣ съ вассалами Кароля.

Ни рыи, ни башни не дѣлали ихъ между собою. Жалобы селянина доступны были бо-ярину, и быть бояриномъ, простой почти столь-ко же какъ быть селяниномъ, не давало повода первому презирать послѣдняго, ни послѣдне-му ненавидѣть первого. Правда, войны оле-тали ихъ разъ по пяти на вѣку. . . За то они сами, въ набѣгахъ съ княземъ своимъ, выме-щали на врагахъ то, что терпѣли дома, уча-ствуя въ грабежахъ и въ дѣлохъ. Тоаки: мѣ-сбили, мѣ рѣшили, ушѣшали ихъ въ цудатъ, а бѣднати эти крѣпко замысли голодныи, шерпушлись въ бараний рогъ на пещь и на морозъ, но убаюканныи надеждою на добычу, на клады, на какое нибудь чудо — а Русскій вѣрить чудесамъ, любилъ чудесное шаравѣ въ смѣшнымъ, потому что первое золотило ему будущее, второе подавало настоящее. Каж-дый переирестокъ мѣтъ тогда свои легенды, каждый прудъ своего духа, каждый лѣсъ раз-бойницъ, каждая деревня колдунъ, каждый ба-заръ складочника. . . Чудесное бѣвало тогда: не

улицамъ босикомъ, прѣвѣшало нѣтъ за-пора го-
стенъ, стучалось подъ окномъ посохонъ на-
лемника. Оно совершалось на лу и во снѣ...
Могучіе народы набѣгали и изчезали, не оста-
вивъ даже слѣго: илени вѣтру стенину. Слав-
ные князья бродили между червью пидити,
или тлѣли въ тирьѣ безъ очей. Ничтожные
боаре правили судьбами княждей, проите
чернеци становилась владыками. Мудрено-
ли-жь, что добрые вѣдки наши мадно слу-
шали о томъ, какъ чертъ повалил въ руюмой-
вигъ, о блаженныхъ Монарійскихъ островахъ,
о странахъ при-Гаммаискиихъ, гдѣ народъ Ны-
цы и торгуютъ райскими птицами, о людяхъ
съ собачьиимъ рыломъ или съ рыбьиимъ хв-
стомъ, объ оленяхъ съ финиковымъ деревомъ
между роговъ... Этнографія, исторія, пото-
рїа, все тогда было сказка, а сказка значила
молвьота, потому что правда тогда была бже-
неца выдуматъ. Никодѣлись люди, у которыхъ
на памяти Полкниъ богатырь драмелъ съ До-
брыцелъ, а у Персевиа, но те на врсеникахъ
не те на поминкахъ, такъ они кажу. А мерт-
вци, а присидѣнїа, а закарн, а вѣдѣны ка-
ли? вѣдѣны, которыхъ жгли тогда такъ же
разнодушно, какъ теперь есейервци! А до-
номе и вѣнїа, все не родна гинадрїаднїа,
сочащнїа ерѣвъ подъ свиромъ, или днїа

получеловѣкъ — нѣтъ, они воздушны, не-
вещественны, проказливы какъ Нукъ и Ариель
Шекспира, какъ Трильби Нодье. Да и что за
благотное, оригинальное лицо самъ чортъ нашъ!
Онъ не Демонъ, не Ариманъ, не Шайтанъ,
даже не Мефистофель — онъ просто бѣсъ,
безъ всякихъ претензій на величiе. Онъ го-
раздо добрее всѣхъ ихъ. Онъ большой бала-
гуръ, онъ отчаянный рѣзецъ, и порой бы-
ваетъ проще Пошехонца, такъ что лукавцы на-
дуваются лукаваго во всѣхъ сказкахъ, хоть,
правду сказать я думаю, они немножко хва-
стаютъ. Берите-жь, ловите за крылья всѣ при-
чуды, всѣ побряки старинны, и пустите ихъ
роемъ около лицъ, ваши избранныхъ, какъ
ромясь они прежде. Предразсудки — пре-
лестъ старинны, какъ прелестъ нашего вѣка —
фантазія. Предразсудки князили старинну, какъ
насъ князили разсудокъ : пустите-жь ихъ ра-
ботать — и ради Бога не дѣлайте своихъ ге-
роевъ такими умикама, будто они сей часъ
выскочили изъ экзамена на доктора философіи.
Мало важъ бѣса, мало вамъ страховъ такъ
вотъ смѣшное (утиха нашей старинны и рычагъ
новой словесности) вертится передъ вами на
одной ножкѣ економорохомъ, и заводитъ беско-
нечную сказку свою отъ Сивны отъ Бурни,
отъ курницы иноходицы, отъ поросенка наступ-

ника. Казакъ Луганскій показаль, какъ занимательны могутъ быть эти простые цѣпки Русскаго остроумія, свитые искусною рукою. Но Вельтманъ, чародѣй Вельтманъ, который выкупаль Русскую старину въ романтизмъ, доказаль, до какой обаятельной прелести можетъ доцвѣсть Русская сказка, сиренуемая мыслию. Да, пѣсня и сказка душа Русскаго народа: онъ веселится и горюетъ съ пѣсней, заешнаетъ подь говоръ сказки. У князей бы би Баяны, Ураны, Митусы — у черни Карши Даниловы, сказочники, слѣпцы, смонорохи, пѣвцы, которые уиѣли и расуругать и раскѣшнить до слезъ, все величать и все пародировать. Уиѣли уколоть шуткою и князя и боярина, и воиа . . . Отличительная черта Русскаго простояюдина, что онъ ниюгда не былъ изувѣромъ и не скѣшнвалъ Вѣры съ служителями Вѣры; благоговѣль предъ рязею, но не предъ рясоею, и рѣдкая скѣшная сказка или пѣсня обходится у насъ безъ поиа или чернеца. Еице есть у насъ стихія, драгоцѣнная для историческаго романа: это дураки и шуты. Съ тѣхъ поръ какъ нагую правду вигнали изъ дворца за безетыдство, она прикинулась баснею и шуткою . . . спряталась подь ослиное сѣдло, закрюкала, зашѣла кукареку, покаталась полесомъ, заложила на бекрень дурацкую шап-

ку, и стала ввертывать свои укоры между хохота и ударов хлопушки. Забудьте, что басня и шутовство всегда промывались въ Азіи: ихъ отчина Азія, ихъ спутникъ феодализмъ, и будьте увѣрены, что не случай породилъ шута, а необходимость. Шутъ былъ кривой проводникъ мнѣній народа ко власти, и не рѣдко проводникъ правосудія отъ власти къ народу. Обличитель пороковъ, пересѣвшникъ недостатковъ, онъ не щадилъ ни гостей, ни хозяина, и бичевалъ ихъ намеками, не боясь бичеванья ремнями Одинокъ словожъ, шутъ-простолюдинъ, приближенный къ князю, былъ что-то похожее на народнаго трибуна въ каррикатурѣ. Разказы, которые ходятъ въ народъ про Балакирева, шута Петра Великаго, порукой, что можно создать изъ подобнаго лица.

Мало вамъ и этого — предъ вами любовь предковъ вашихъ. Какъ ни изношены у насъ сердца, но запросъ на любовь еще великъ . . . и носивътеся пожалуйста тому грамотію въ глаза, который скажетъ вамъ, что въ старину мужчиимъ видѣли женщиинъ только за налосемъ, что про любовь тогда не было и въ помянѣ. Видно, эти господа никогда не заглядывали въ сердце человѣческое; забыли они, что любовь есть не понятіе, а чувство, свойственное всемъ въкамъ и народимъ. Спору

нѣтъ, она въ старину была не такъ жеманна и мечтательна, но тѣмъ не менѣе нѣжна и страстна. Снору нѣтъ, предки наши женились черезъ свахъ, не съдѣла неслѣсть; но развѣ мы не женился не алды на нихъ, изъ расчетоу и для приданаго, какъ всегда бывало; а между тѣмъ любовь идетъ своимъ чередомъ, Говорять, знать наша заширала женъ и дочерей, особенно со временъ Татарства; но неужели вы думаете, что замки и стѣны и книжки держатъ любовниковъ даже у мусульманъ! Скажи! Тѣмъ наче у насъ, у которыхъ гостеприимный нравъ и самая постройка домовъ тому противится. Переберите ваши нѣсни и сказки, и вы убѣдитесь въ томъ.

Вотъ вамъ и вся лѣствица духовной іерархіи, миротворная, рѣдко честолюбивая сверху, неслѣжественная и часто забавная снизу. Крилошане и причетилки, бѣльцы и монастырскіе престянце, все со своимъ чванствомъ, причудами, правами, въ безпрестанномъ столкновеніи съ мірянами: толпа своеобразная даже до нищихъ, клякушь и юродивыхъ, составлявшихъ непрелѣнный штатъ каждой церкви! Юродивые занимали то же мѣсто между судьбой и народомъ, какъ шуты между владѣльцемъ и народомъ. Божьи люди эти были облечены неприкосновенностію; ихъ темныя рѣ-

чи принимались за угрозы, за пророчества слышаные. Вотъ вамъ и самоеудъ-вѣче въ Новгородѣ, и приличный судъ его съ присяжными, съ обязательнымъ исудьями, съ поединками, съ Русскою правдою — «иоло», котораго до сихъ поръ никто не тронулъ. Вотъ вамъ доброе мѣсто предъ Кремлемъ, съ его правожемъ и гостинодворствомъ. Садитесь на лихую тройку и проѣзжайте по святой Руси: у воротъ каждого города старина встрѣтитъ васъ съ хлѣбомъ и солью, съ приветливымъ словомъ, напоитъ васъ медомъ и брагою, смочитъ долой все ваши зачерскія притвранья, и ударитъ челомъ въ напутье какими нибудь преданіемъ, былью, вѣсенкой. До сихъ поръ вы видѣли только разнощиковъ, говорили только съ извощниками; теперь увидите бодрый, свѣжій, разноязычный, разнообразный, судя по областямъ, народъ, народъ, который мало измѣнился со времени Святослава, ибо Татары и Поляки мало имѣли дѣла съ престолоудниками. Кушцы торговали съ ними, бояре ползали передъ ними — народъ только рвался съ ними или бѣгалъ отъ нихъ, и заплативъ разъ въ годъ черную дань сборщину, послѣ не видалъ его въ глаза*. Въ свою очередь

* Почти все Татарскія слова, оставшіяся въ на-

онъ рѣдко видывалъ и баръ своихъ, всегда собиравшихъ около князей или царя и отъ того до нихъ нѣрѣ сохранивъ свою постоу, поговорку, свой обичай, обликъ, свой оригинальный характеръ, котораго основаніе : авось ; свою безразсечную предприимчивость, свое простовидное лукавство, свою страсть ко хмѣлю и къ дракъ, свой языкъ, столь живописный, богатый, ломкій; словомъ, это народъ, у котораго каждое слово завиткомъ и послѣдняя концыка ребромъ . . . Но гдѣ нѣтъ исчислить всѣ дѣйственные ключи, которые таятся доселѣ въ краѣ Русскомъ ! Стоитъ гению тонуть, и они брызнутъ, обильны, искролетны. Смѣшно и указывать ему : Бери вотъ отсюда, сдѣлай то-то ; онъ самъ найдетъ, что ему надобно, онъ не пойдетъ справляться съ риторикою или пѣтикою . . . Словесность не наука, словесность искусство, ибо она творить, а не производитъ ; а творчеству, а воображенію законъ не писанъ и никогда не напишется. Изящное всегда будетъ правильно. Вотъ почему негдѣмъ пощипки научить писателей

и языкъ, привезены на языкъ и не касаются до кореннаго быта, напр. еата (ѣта), серъги (сергиларь), кушанъ (кульша), изъянъ (зіанъ), могарычъ, тамга. Военные термины заняли мы прежде, у Азіятскихъ кочевыхъ племенъ.

писать ; вотъ почему для словесности полезна лишь одна критика, ибо цѣль ея не поправлять автора, а приготовить читателя цѣнить его твореніе. Она не учитъ саринеткою соловья пѣть, не учитъ моднѣю летать какъ бумажный звѣрь, а дергаетъ разсѣяннаго охотника за ноду и говоритъ ему : Послушай, погляди какъ это прекрасно ! Она судитъ не какъ судья, не книгъ, а какъ присяжный, по совѣсти, положивъ руку на сердце, и даже ошибаясь вѣручаетъ васъ судить прямо. Такъ и не болѣе, ежели я свое мнѣніе о были Н. Полеваго ; не болѣе какъ такъ. Прочь отъ меня эта самозваная, щепетильная критика, которая до сихъ поръ пропитывается у насъ кавыками и недоглядками, которая съ холодомъ безчувствія смотритъ на мяжное, и щупаетъ его какъ евнухъ, покунающій невольницу на базарѣ. Была-бъ у нея мягкая кожа, была-бы въ ней указная мѣра, а до ума, до души, до выраженія лица, что ему за дѣло ! Misère ! И они хвалятся этимъ низеромъ, они выигрываютъ на него !

Г. Полевой схватилъ для своей картины тотъ моментъ, когда Русь стала подымать голову изъ двухъ-вѣковаго рабства. Сквозь туманъ, но блеститъ уже надъ ней звѣзда единоподержавія. Выходъ въ Орду еще платится, но власть

сидитъ ужь не на коврь хановъ. Удѣльная гидра еще грызется съ царствомъ, но это послѣднія ея попытки. Дѣйствіе начинается въ деревнѣ, не вдалекѣ отъ Москвы, куда янутся обозы, спѣша къ масляницѣ и къ свадьбѣ молодого великаго князя Василья Васильевича Темнаго, который съѣлъ на княженіе вопреки правамъ дяди своего Юрія, Дмитріевича, уступившаго первенство меньшому брату, Василію, но только брату по волѣ, племяннику по неволѣ, ибо на Русь искони велось (по праву, не всегда на дѣлѣ), чтобы престолъ наследовалъ братьяжъ, а не дѣтяжъ. Вотъ узелъ драмы, хоть онъ выжется и развивается въ ней иначе и не вдругъ. — Въ избу, въ которой расположились обозники, прѣзжаетъ, подъ видомъ купца, крамольный бояринъ Іоаннъ. Онъ бѣжитъ изъ Москвы, обиженный отказомъ великаго князя жениться на его дочери, на которой честолюбивый старикъ сосваталъ было его. Выѣзжая съ почлега, сажи его сталкиваются съ санями князей Василія Косаго и Дмитрія Шемяки, дѣтей Юрія, которые спачуть на свадьбу, въ гости къ великому князю. Послеъ обормъ въ потемкахъ, путники узнають другъ друга, и тутъ-то, вопреки укоровъ Шемяки, начинается ковъ обиженнаго честолюбія въ лицѣ Іоанна, обиженнаго власто-

любія въ лицѣ Косаго. Бояринъ не детрекасть пылаго лица и негодованіемъ и надеждою. У него въ карманѣ важныя бумаги, у него въ головѣ умныя соображенія, у него въ груди мѣсть Василію, который обязанъ престолу лишь его проискаемъ у хана — и все это онъ везеть съ поживною къ Юрью, котораго заставилъ недавно встать подъ устыи нога отрока племянника. Они разстаются, одинъ готовый на камѣну, другой на катки. Шемяка упрекаетъ брата, что онъ слушаетъ совѣтовъ крамольника. Тотъ отвѣчаетъ, что онъ обманулъ его притворнымъ вниманіемъ, что онъ только выцѣдывалъ старика.

— Ты обманулъ его? Но развѣ обманъ не есть уже грѣхъ? говоритъ Шемяка.

— Отношусь! смѣясь отвѣчалъ Косой, отряхнувъ шапку свою. Пойдемъ, пера.

Какая рѣзкая черта, и въ отношеніи къ лицу Косаго, и въ отношеніи къ понятіямъ времени!

Въ Москвѣ уже подозриваютъ Юрьевичей, и въ то время, когда Косой подбиваетъ удалыхъ изъ князей себѣ въ помощники, Душа бояръ, въ которой хозяйничаетъ мать великаго князя, Софья Витовтовна, Литвинна родомъ, безразсудная самовластница духомъ, рѣшаетъ схватить и заключить въ оковы Косаго и Шемяку, при выходѣ съ брачнаго вѣра. Вн-

чае кончено, новобратные удалились из за стола, и хмель—это единственное дѣло Русскихъ, различаетъ все характеры, расклевываетъ тайны. Нетерпѣливая Софья приваливается къ Юрьевичамъ, Косой колется ею не въ бровь, а прямо въ глазъ, намекнувъ, что Валдѣй не законный сынъ ея; она забывается до того, что срываетъ своими руками съ него мечъ, и укоряетъ, будто золотой поясъ его — краденый. Немолодая суматоха эта чуть не переходитъ въ битву. Князья развязываются, мятежъ кончивается. Юрій идетъ съ войскомъ на Москву; Дворъ бѣжитъ. И снова племянникъ выгоняетъ дядю, и снова хмель, слабодушный старикъ, опершись о мечи сильныхъ сыновей своихъ, завладѣваетъ Москвою, ссылаетъ племянника на удѣль. Но въ послѣдній разъ Кремль распахнулся передъ нѣмъ грабомъ. Въ тотъ самый день, когда братъ его Константинъ умираетъ миру принявъ схиму, умираетъ и Юрій. (оба остальные отрасли Денскаго), умираетъ на рукахъ Шемяки. Покорный сынъ, Шемяка вскрываетъ духовному отцу въ советъ бояръ, въ отсутствіе брата, но въ ней никто не названъ великимъ княземъ. Слабодушный Шемяка провозглашается снова Темнаго, Косой бѣгунется, укоряетъ брата и уязвляетъ нескать себя сторонниковъ, чтобы

отбить прееголъ у Василя. Шемяка удаляется въ удѣль свой Галичь, какъ-бы въ доводъ того, что не искалъ благодарности, что онъ исполнилъ подвигъ самоотверженія, уважая права наследства. Заѣхавъ въ гости къ князю Заозерскому, въ глушь сѣверныхъ лѣсовъ, онъ влюбляется въ дочь его, сватается, и ѣдетъ въ Москву звать великаго князя къ себѣ на свадьбу. Но подозрительный, неблагодарный Василій, воображая, что онъ за-одно съ Косымъ, велитъ схватить его на дорогѣ обманомъ, и заключить въ тюрьму; потомъ, вдругъ переѣзжаетъ политику, чтобы вѣрнѣе погубить легкомысленнаго: мирится съ нимъ, улаживаетъ его и даетъ ему вѣднй, распутный, непокорный отрядъ, выживать изъ Тулы хана Махмета. Униженный, оклеветанный, обвиненный своими подчиненными въ измѣнѣ, Шемяка узнаетъ, что брату его Василю выкололи глаза по приказу Темнаго, что его самого готовятся схватить для казни . . . Это опротивляетъ его душу: онъ бѣжитъ въ Новгородъ, гдѣ вѣче, всегдашняя подпора изгнанныхъ князей, наряжаетъ ему войска воевать Москву. Тогда, испуганный Василій присылаетъ къ брату инока Зиновія, чтобы склонить его на примиреніе, чтобъ выпросить у него миръ на всей его волѣ. Убѣжденный, тронутый имъ, Шемяка уступаетъ :

онъ не хочетъ кровопролитія и прощаетъ кровавую обиду. Тестъ и зявѣта его, доселѣ жившіе въ Москвѣ, объезжаютъ его въ Новгородъ — тамъ онъ празднуетъ свою свадьбу, и ѣдетъ въ Галичь. Были конецъ.

Вотъ главныя событія этой жизни: но авторъ понималъ что какъ ни точны будутъ историческія сцены, онѣ будутъ бездушны безъ игры характеровъ; какъ ни рѣзки будутъ характеры, они не тронутъ читателя, если не оживятся какою нибудь великою мыслию — и иду нуть въ нихъ самую поэтическую. Онъ обманъ пружину дѣйствія вдругъ таинственной особи гудочника, который является вездѣ, говоритъ всеми языками, все знаетъ, всѣхъ извѣдываетъ, всѣхъ подстрекаетъ. То онъ итшеходъ на дорогѣ, то онъ паломникъ въ монастырь, то онъ гудочникъ и сказочникъ передъ боярами, то почтенный гражданинъ въ Новгородѣ. Открывается намъ изъ бесѣды его съ архимандритомъ Симеономъ монастыря, его прежнего товарища, что онъ далъ обѣтъ умирающему князю своему, стараться возстановить Суздальское княженіе и отдать свое дѣтямъ его. У гроба Господни, въ Иерусалимѣ, обрекаетъ онъ себя страшною клятвою исполнить обѣтъ свой. Съ тѣхъ поръ клятва становится его жизнію, его судьбою. Пусть двадцать разъ разлетаютъ

онъ прахомъ, сноу дачища, пусть поминають
онъ князя — онъ неугомоннъ, неугомоннъ.
Онъ видитъ novelty действительной, замечаетъ
съ этими детскими довериями — Судаль,
подтвердить Новгороду, его отъяснив, прамия
льготы, и отъ новинъ жаровъ выжидается въ
битахъ и въ новинъ. Какая высокая романтиче-
ская мысль была, изобрести человека, отда-
вшего въ жертву все радости жизни, все че-
столюбие сына, даже надежду на гробовъ —
преданности! Стремится къ дѣлу, онъ тачетъ
и людей и собою, обманываетъ, ли-
жесирить, лехищаетъ документы, раземлетъ
лешимъ приказамъ, восстаняется. Брата; на; бра-
га — но онъ выжидаетъ все, что жаркою,
безкорыстною любовью; къ пользамъ дѣтей
спосоу, государя. Онъ возбуждаетъ участие
какъ вольный мученикъ, предавшійся уя-
женію и опасностямъ всѣхъ родовъ, не
страшась ни смерти, ни казни. Вспоминишь,
кто онъ, дакъ Новгородцу, не мудро было
враждовать противъ Мясномъ, не простите его.
Вы будете уважать его за непродѣльную, за
вспомолебимую твердость, а если не полюбите
его, то будете сострадать съ нами въ лиж-
ней и напрасной борьбѣ, и въ предпринятой
— надрасной, абу онъ замечать оборотъ
времъ, подьонна надъ ничтожествомъ разбитый

ими верещать удалью; тяжкой; ибо сами видят тщету своих думъ и копей. Некоторые журналисты упрещают автора; зачѣмъ онъ заставляетъ тудочника говорить книжными словами, въ разсказъ дѣдушки Матвѣю о политическомъ бытѣ Русь, особенно объ Иерусалимѣ. Но знаютъ ли эти господа, что для свѣтлянъ и для учености у насъ до сихъ поръ, между священниками, семинаристами и набожными людьми, ведется особая, книжная языкъ? Мы должны писать какъ говорить, но въ старину грамотнѣе любилъ говорить какъ писать. Прочтите разсказъ тудочника съ Вороболовскѣя и послѣдній съ Шенкиноту, и если онъ не разогрѣеть у васъ сердца; и если вы и тогда въ состояніи будете ловить навики — ступайте вилить сапогалъ или ноги, но ради Бога не беритесь судить повѣи.

Другая властительная мысль автора (если не ошибаюсь) была та, чтобъ оправдать Шенку, занатланнаго въ природѣ худо понятотою пословицею, очеркешнаго «историками» въ пору худе перенеденныхъ лѣтешисей. Съ баатородными жаромъ, защищая Метелана Удалаго, вырываетъ Шенку изъ челюстей клеветы. Но онъ не изобрѣмаетъ егъ идеаломъ. Егъ Шенка юноша съ откровенными, «прямыми сердцемъ» съ живущею душою, съ не-

арестованъ: молчаливо добра своему отечеству; но обстоятельства вознмать въ него крѣпкія и мѣнно съ этихъ сторонъ, и вѣроятно увлекать въ крѣпкія нѣтъ брата. Фигурой на жаръ и дружбу со стариками, но онъ гордъ какъ Русскій князь, онъ покоренъ огню, онъ лѣтитъ брата. Своей сноу за невою, другъ, говоритъ послѣдствіе — вотъ разгадка его дивной снѣтале, но погубъ самостерженіе его значающе цѣ релативное почтѣно, какъ у гудотина, но какъа облетилъ его Душу, но чужое мнѣніе движеть его — напротивъ, онъ идетъ наперекоръ вснѣи отъ того, что онъ бѣдетъ прямо въ сердца. . . . Это преступникъ принадлежатъ вѣку, его доблестіи челоуку. Какъ онъ спокрѣтъ въ бидѣ, какъ невапосчитавъ при усагъ [Какъ уминтеденъ онъ во вдохновенной босидѣ съ Мендоромъ, увлеченный пророческими метрами этого Грени; какъ грустно глубокомысленъ при постражениі князя Константина; какъ велика, возгласная врага своего залацать княземъ, поправъ, на обломкахъ, надежды Носого, въ личная выгоды, въ вѣнейные замесель. . . . Какъ подбогитишно великодушель онъ прощанъ Василию, когда Новгородскія дружина рвутся уже метать за его обманы и обиды! Напрямомъ думаютъ, будо бы тамъ эксцентрически, почитательные харак-

горы были королюжиды въ среднѣхъ вѣкахъ.
Исповѣданъ, что духовная книга была един-
ственнымъ чтеніемъ души холодежи; а ду-
ховныя книги отторгають отъ земли, прова-
ждаютъ самоотверженіе, ставятъ правду все-
го превыше. Не молли развѣ эти сѣмь
леба провалити въ сердца, болѣе другихъ
двигомъ? Притомъ, не повѣда, необходимо при-
учала людей мыслящихъ, или глупыхъ ду-
шамъ одаренныхъ, заранѣе допрашивать душу
свою для мирной съ Богомъ, рыцъ въ ней
сидитъ, ее, аудитъ, ее, и смотритъ на вре-
доты духовныхъ образовъ. Въ протестан-
тствѣ добросклоннаго Шемана вторгнется
къ оца Ваендъ Косой, съ апофеоза дѣтскихъ
нестомленіемъ, съ его безразумною озагою,
съ его адскими, страстями. Косой есть насто-
ящій тицъ, нашкъ, княстѣ, дѣйствительной
до время смуты, рѣчки, вѣбуде Олыговичей
нацѣндрѣ, у коихъ сердце было скарденъ
съ бусомъ. Чолой душикъ, его, правель,
были ему воздуха. Одыма, но смекра на его
ванальчидосѣ, которая доходитъ до того, что
онъ собственною руюю убиваетъ, отчага ли-
бидна боярка Морозова, несколько вниманіе
ложится на читателя съ его призрѣда, будѣ
холодная гдѣ съ дражаствѣ башни. . .
Злой духъ, сестрѣсть его, бояринъ Юсима

отдѣланъ *сoll amore*. Онъ широко разливаетъ свитокъ своего Русскаго, махиавелизма, смѣси дерзости междоусобій съ жестокимъ пронырствомъ татарства, когда уже князья привыкли сражаться не желѣзомъ, а пергаминою; когда они хвалялись не тѣмъ, кто кого перескакалъ, а кто кого переполулъ. Горькая истина говоритъ его устами, когда онъ перебираетъ по пальцамъ наличную Русь и высказываетъ собой ходячую нравственность Руси.

За то характеръ великаго князя обрисованъ слабо. Трудно провидѣть въ немъ — Василія, съ именемъ Темнаго, съ темными дѣлами, съ властолюбіемъ, которое хорошо понимало и удачно душило удѣльную систему.

Между второстепенныхъ лицъ особенно замѣтны дѣдъ Матвѣй и подъячій Бѣда. Намъ еще и нынѣ могутъ встрѣтиться, въ классѣ прасоловъ, характеры подобные Матвѣю, у которыхъ трудолюбіе и смысленность наравнѣ съ правотою, добротою; характеры утѣшительные, истинно Русскіе. Но конечно въ дипломатахъ нашихъ уже не отыщемъ ни Бѣды, этого образца старинныхъ дьяковъ и околичныхъ, желчныхъ до пустоты и твердыхъ до терзости. Взгляните на этого Бѣду: онъ также хладнокровно убираетъ скамьи въ связи, какъ бросаетъ договорныя граматы къ

ногамъ Юрія, съ опасностію жизни. Неземное лицо Дмитрія Краснаго — отрадно. Онъ боленъ жизнью; онъ звезда, утравшая съ неба и тонущая въ грязномъ омутѣ чужихъ сварь. Юрій занимательный образецъ западныхъ эголюбцевъ, къ концу честолюбіе приходитъ съ кашлемъ; которые живутъ чужимъ умомъ, дѣйствуютъ чужою волею; у которыхъ доброта не доблесть, а слабость; у которыхъ самое преступленіе не злодѣйство, а слабость. Хронологическій порядокъ событій (ему-же неизвѣстно служилъ по объѣду своему авторъ) не далъ разгулу драматичности, но событія хорошо вращены въ подробности стариннаго быта, и изъ нихъ всѣхъ любопытнѣе, ибо всѣхъ новѣе, описаніе Москвы того времени и *третьей княжизы*, столь сходныхъ по разряду съ распрасою древняго Парижа. Но барельефъ, изображающій вѣче, блѣденъ и не подонъ Вообще должно признаться, что неосѣзнанность автора вести далѣе и далѣе, захватывая на дорогѣ то и се, много вредитъ участию. Не успеешь погрѣться у огонька чувства — тебя влекутъ впередъ; срываютъ слезу для усмѣшки, отводятъ отъ окна для картинки. Будьте, господа сочинители историческихъ романовъ, неспушите на подробности житейскаго быта, и, всего болѣе, не водочите

ихъ на арманъ въ ремонтъ свой. Пусть они будутъ попутчики, а не колодники ваши, и если уже необходимо обставить сцену декорациями, то распишите ихъ цвѣтами слога. Новые предметы — сдѣлайте ихъ оригинальными. Старые они, обновите ихъ мыслями, оборотите ихъ не затасканною стороною, взгляните на нихъ съ нетоптанной точки, и поверьте, что всякой горшокъ тогда найдетъ свою поэзію... Свидѣтели тому: Гофманъ, Вашингтонъ Ирвингъ, Вальзакъ, Жаненъ, Гюго, Щонке. Неспособіе всего мнѣ писакн, заставляющіе насъ цѣлкомъ глотать самые пустые разговоры самыхъ ничтожныхъ лицъ, равно въ шникъ Жюда и въ гостиной знатнаго барина; и все для того, чтобъ оказать: *Это съ природы!* Помяните, господа! развѣ простота пошлость? Развѣ для того бѣжимъ мы въ ваши алмазахи отъ прозы общества, чтобы встрѣтить въ нихъ ту-же скуку? Природа! После этого, тотъ, кто хорошо хрюкаетъ поросенкомъ, величайшій изъ виртуозовъ, и «сльдшеръ», слящій алебастровую маску съ Наполеона, первый вадтель!! Искусство не рабски передразниваетъ природу, а создаетъ свое изъ ея матеріи. Неоспорно, связочныя сцены необходимы: это призыванія, поясняющія темень; но выкувать же ихъ замысловатостію своею, если не лая

дать ее предметамъ и лицамъ. Да и кто говорить что этого не лѣзя? Дайте намъ не условный мѣръ, но избранный мѣръ. Пусть вашъ пастухъ будетъ Гуртъ, вашъ капитанъ Тримъ, вашъ вѣривникъ доми-Жуанъ—но все это въ Русскомъ тѣлѣ, въ Русскомъ духѣ. Наши Иваны Гуртовичи, наши Кремлевы Тримоичи, наши Лидины Жуановичи, придворны, Пусть всякой сверчокъ знаетъ свой шестокъ; пусть не задеваютъ настоящія мысля въ живущее, и старина говоритъ языкомъ ей приличнымъ, но не мертвымъ. Такъ-же смѣшно впадать неологизмы въ уста ея, какъ и прежде нарѣчїе, потому что первыя не поняли-бы тогда, втораго не воймутъ теперь. Въ этомъ отношенїи, языкъ разбрасанной нами былъ очень не ровенъ. То онъ не выдерживалъ по лицамъ, то по времени. Слогъ порою тяжелъ и запутанъ, и лишь тамъ, гдѣ говорятъ возвышенныя чувства, разгараетея онъ до краснорѣчїя. Такова бесѣда съ Исидоромъ, такое послѣднее свиданїе съ гудочникомъ. Я вырву два маленюкіе клочка, хорошо выражающїе гнѣвъ и любовь Шенлики. — Отъ него послы великаго князя требуютъ, чтобы онъ воювалъ противъ роднаго брата — онъ выходитъ изъ терѣнникъ — Открыто, прямо говорилъ и дѣлалъ я, еще-ль не убѣждемъ въ этомъ князь великій? Зачѣмъ-же хитрить со мною? Или вы почита-

еще меня за гангемомарку Цора небеснаго что я не замѣчу хлѣба въ печи и стану ее топить? Царь же хогизъ, чтобы въ отпущи все великому князю, своими руками принесть голову роднаго моего брата, жеребья: это извѣсть дружбу съ Москвою, шеверъ мой ж ушаженіе!

Предчувствую, что при словѣ *олухъ*, наши чопорные критики вонзятъ по крайней мѣрѣ три восклицательные знака, какъ будто три отбитыхъ бунчука! Никто не помѣшаетъ имъ остричься; но я скажу по сердечному убѣжденію, что отрывокъ сей вмѣстѣ силенъ и естественъ. Гнѣвъ, какъ буря возметающая со дна морей грязь и янтарь, выбрасываетъ изъ чловѣка самыя низкія выраженія и самыя высокія чувства. Такъ живописалъ гнѣвъ Омиръ, такъ Шекспиръ. — Еще: Шемякъ кажется, что кн. Заозерскій не отдаетъ ему Софіи. Знаю, говорить онъ, что она достойна вѣнца велико-княжескаго: требуй его, скажи, ты увидишь — я готовъ и его добывать.

— Душа добрая, душа пылкая, юноша по сердцу моему! обдумай-ли ты все это?

— Не въ состояніи ли о немъ думать? Знаю только, что если бы не отдали ее за него, то я сей часъ ѣду, и не въ Уплечь мой, но въ Москву; на блану, на бѣй, на брата.

противъ брата съ этою мерзкой начистью, тотъ будетъ мой товарищъ.

Какъ часто, роюсь въ лѣтписанихъ, въ исторіи не тратаю до послѣдней денги своей утѣ и краспорѣчій, чтобы найти причину какого нибудь страннаго событія, безразсчетаго подвига! А онъ произошелъ отъ мгновенной прихоти какого нибудь князя, отъ того, что ему худо спалось или дивно грезилось, или просто потому, что ему хотѣлось показать свое удалство, разгулять себя, забыть себя въ битвѣ. Это настоящій характеръ Русскихъ князей, влюбленныхъ въ славу или въ дѣву.

Кончаю нехоти. Замѣчу при концѣ, что мы стоимъ на грани съ жизнью, что мы должны завоевывать равно свое будущее и свое настоящее, и не обязаны ли мы потому благодарности тѣмъ людямъ, которые бесплатно, съ усиліями источающими жизнь, отрываютъ родную сторону изъ подъ сѣтвомъ равнодушія, изъ праха забвенья, и облачаютъ предковъ нашихъ въ жизнь, давно погибшую для нихъ, и отъ этой связи, вѣчную для насъ! воспроизводитъ мать-отчизну точь въ точь какъ она была, какъ она жила! Таковы Писемскій, такъ изображаетъ онъ Русь, не только умомъ, но и чувствомъ глубокимъ, и сердцемъ усталымъ таинственно и дерзко и характерно. Мыслимъ

непонятными даже тѣмъ, кои носили ихъ на чель. Онъ пламенными буквами переписываетъ ихъ на душахъ нашихъ, затепляя души передъ высокими, передъ доблестными! Жалю о тѣхъ, которые не постигаютъ или не хотятъ обнять мысли самоотверженія, проявленной на двѣ грани въ *Клятвѣ*; но, убѣжденъ я, скоро настанетъ время, что отдадутъ справедливость Полевою, равно за его исторію и повѣсти; что публика не будетъ больше прятать въ рукавъ свою руку, но подастъ ему ее безъ перчатки, и скажетъ отъ сердца: Спасибо! Впрочемъ, неполный усѣхъ *Клятвы* произошелъ, вѣроятно, отъ слюга: это концертъ Бетговена, см-гранный на плохой скрипкѣ. Совѣсь тѣмъ, *Клятва* есть дѣло не только труда и учености, но познаній и вдохновенья; оно стоитъ не пустаго любопытства, но душевнаго участія; не базарной похвалы книгопродавцевъ, но искренней признательности. Ждемъ съ нетерпѣніемъ, что авторъ, по своему обычу, положитъ другой такой-же цвѣтокъ поэзіи на могилу минувшаго.

Дагестанъ,

1833.

КОНЕЦЪ ОДИННАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

The first thing I noticed when I stepped
 out of the car was a warm blanket of
 sunlight. The air smelled like fresh
 bread and the ground beneath my feet
 felt like soft sand. I had never
 experienced anything like this before.
 The people around me were smiling,
 their faces lit up with joy. I
 felt a sense of peace and
 belonging that I had never known.
 It was as if I had found a home
 in a foreign land. The music was
 beautiful, the colors were vibrant,
 and the atmosphere was electric.
 I had come to the right place at
 the right time. Everything felt
 so natural, so right. I had found
 what I had been searching for.
 The night was magical, the stars
 were bright, and the music was
 perfect. I had found my place
 in the world. It was exactly what
 I needed. The night was so
 beautiful, the music was so
 good. I had found what I
 needed. The night was so
 beautiful, the music was so
 good. I had found what I
 needed.

THE END OF THE WORLD IS HERE

О Г Л А В Л Е Н И Е.

ОДИННАДЦАТОЙ ЧАСТИ.

	<i>Стран.</i>
Андрей, князь Переяславскій	7
Нѣсколько словъ отъ сочинителя новѣсти..	7
Глава первая.....	18
— вторая.....	57
Отрывокъ изъ V пѣсни	99
Дума Святослава	102
Мелкія стихотворенія	105
Къ нѣкоторымъ поэтамъ.....	107
Отрывокъ изъ комедіи: оптимистъ.....	110
Саатыръ, Якутская баллада.....	114
Шебутуй.....	120
Финляндія.....	123
Черешъ	125
Часы	127
Въ день именинъ.....	129
Е. И. Б ной.....	133
Осень.....	136
Облако	139
Дождь.....	140
Оживленіе.....	141
Ей	142
Изъ Гете (съ Персидскаго).....	143

	<i>Стран.</i>
Изъ Гете (подражаніе)	144
Всегда и вездѣ	145
Юность	146
Съ персидскаго	147
Эюлейка	148
Изъ Гаенза	149
Разлука	150
Алинь	152
Лидѣ	154
Пресыщеніе	156
Тостъ	157
Сомъ	160
Я за моремъ снимъ, за синею далью, ...	163
Примѣчанія	164
Взглядъ на Русскую Словесность въ теченіе 1823	
года	165
Взглядъ на Русскую Словесность въ теченіе 1824	
и началъ 1825 годовъ	181
Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи	205
О романъ Н. Полеваго: Клятва при Гребѣ Господ-	
немъ	245

BП-58.7/16